

SCIENCE AND SOCIETY НАУКА И ОБЩЕСТВО FAN VA JAMIYAT

ILMIY-TAHLILIY JURNAL

7/2025

ISSN 2992-913X

UZNAUKA
SCIENCE REVEALS THE TRUTH

MUNDARIJA – СОДЕРЖАНИЯ – CONTENT	
1. Алиакбаров Алиакбар ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ДОПИННГОВЫЕ НАРУШЕНИЯ: ШАГ К LEX SPECIALIS В ПРАВЕ УЗБЕКИСТАНА.....	1
2. Миркомилова Мадинабону СУБЪЕКТЫ И ОБЪЕКТЫ ОТНОШЕНИЙ ПО ВОЗМЕЩЕНИЮ УЩЕРБА МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ	33
3. Ахадова Мадинабону АРБИТРАЖ И МЕДИАЦИЯ КАК ИНСТРУМЕНТЫ ЭФФЕКТИВНОГО РАЗРЕШЕНИЯ КОРПОРАТИВНЫХ СПОРОВ	48
4. Abdiyeva Shaxrizoda MEROS SHARTNOMASIDA SUBYEKTLARNING HUQUQ VA MAJBURIYATLARI: QIYOSIY-HUQUQIY TAHLIL VA O‘ZBEKISTON UCHUN TATBIQ ETISH ISTIQBOLLARI	59
5. Otabayev Usmonbek KOMPYUTER DASTURLARINI HIMOYA QILISHNI HUQUQIY TARTIBGA SOLISH TENDENSIYASI, SHUNINGDEK, ONLAYN QOROQCHILIK, BULUT TEXNOLOGIYALAR BILAN BOG‘LIQ MUAMMOLAR	71
6. Xudaibergenova Dilnoza RAQAMLI MULK HUQUQINI HIMOYA QILISHGA OID XALQARO STANDARTLARNI MILLIY QONUNCHILIKKA UYG‘UNLASHTIRISH	81
7. Каршиева Сохибжамол ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДОГОВОРОВ, ЗАКЛЮЧЕННЫХ НА ОСНОВЕ БЛОКЧЕЙН-ТЕХНОЛОГИЙ	99
8. Nig‘matullayeva Laylo O‘ZBEKISTONDA SUN‘IY INTELLEKT ISHTIROKIDAGI ONLAYN MUNOSABATLARDA YUZAGA KELADIGAN HUQUQIY MUOMMOLARNI HAL ETISH YO‘LLARI	119
9. Tifliyeva Gulhayo O‘ZBEKISTON RESPUBLIKSIDA FIKR VA SO‘Z ERKINLIGINI TAKOMILLASHTIRISH MASALALARI.....	134
10. Yorkinova Sangina METHODOLOGICAL AND PROCEDURAL ASPECTS OF DAMAGE ASSESSMENT FROM CYBERATTACKS	145
11. Komilov Asadbek AXBOROT ERKINLIGINING KONSTITUTSIYAVIY-HUQUQIY ASOSLARI.....	155

**ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА
ДОПИНГОВЫЕ НАРУШЕНИЯ: ШАГ К LEX SPECIALIS В ПРАВЕ
УЗБЕКИСТАНА**

Алиакбаров Алиакбар Музаффаржон угли

Магистр направления «Спортивное право»

Ташкентский государственный юридический университет

***Аннотация:** В статье исследуется проблема гражданско-правовой ответственности за нарушения антидопинговых правил (допинговые нарушения) и перспективы выделения *lex specialis* в спортивном праве Республики Узбекистан. Проведен анализ международных актов – прежде всего Всемирного антидопингового кодекса и Международной конвенции ЮНЕСКО о борьбе с допингом в спорте – а также национального законодательства Узбекистана, регулирующего борьбу с допингом. Рассматриваются примеры правоприменительной практики (дисциплинарные кейсы допинговых нарушений как на международном уровне, так и в Узбекистане), дается теоретическое обоснование необходимости гражданско-правовой ответственности за допинговые правонарушения. Особое внимание уделено принципу *lex specialis* – соотношению специальных антидопинговых норм с общими положениями права – и тенденциям развития спортивного права Узбекистана в направлении специализированного регулирования допинга. В результате исследования выявлены текущие пробелы и противоречия в законодательстве, обоснована целесообразность разработки специальных норм (или отдельного закона) о допинге как *lex specialis*, а также*

предложены рекомендации по совершенствованию законодательства с учетом международных стандартов и национальных особенностей.

Ключевые слова: Допинг; антидопинговые правила; гражданско-правовая ответственность; спортивное право; *lex specialis*; Всемирный антидопинговый кодекс; Узбекистан; юридическая ответственность; международное спортивное право; WADA.

CIVIL-LAW LIABILITY FOR DOPING VIOLATIONS: A STEP TOWARD A LEX SPECIALIS IN THE LAW OF UZBEKISTAN

Aliakbarov Aliakbar Muzaffarjon ugli

Master's degree in the direction of "Sports Law"
Tashkent State University of Law

Abstract: *the article explores civil-law liability for violations of anti-doping rules (doping violations) and the prospects for establishing a lex specialis within the sports law of the Republic of Uzbekistan. It analyzes international instruments—primarily the World Anti-Doping Code and the UNESCO International Convention against Doping in Sport—together with Uzbekistan's national legislation governing the fight against doping. Examples of enforcement practice (disciplinary doping cases at both the international level and within Uzbekistan) are reviewed, and a theoretical rationale is provided for introducing civil-law liability for doping offences. Particular attention is paid to the lex specialis principle—the relationship between special anti-doping norms and the general provisions of law—and to the development trend of Uzbek sports law toward specialized regulation of doping. The study identifies current gaps and inconsistencies in the legislation, substantiates the advisability of developing special norms (or a standalone law) on doping as a lex specialis, and offers*

recommendations for improving the legal framework in line with international standards and national specificities.

Keywords: doping; anti-doping rules; civil liability; sports law; *lex specialis*; World Anti-Doping Code; Uzbekistan; legal liability; international sports law; WADA.

DOPINGA OID HUQUQBUZARLIKLAR UCHUN FUQAROVIIY-HUQUQIY JAVOBGARLIK: O‘ZBEKISTON HUQUQIDA LEX SPECIALIS SARI QADAM

Aliakbarov Aliakbar Muzaffarjon o‘g‘li

“Sport huquqi” yo‘nalishi magistri
Toshkent Davlat yuridik universiteti

Annotatsiya: *ushbu maqolada antidoping qoidalarini buzish (doping huquqbuzarliklari) uchun fuqaroviy-huquqiy javobgarlik masalasi hamda O‘zbekiston Respublikasi sport huquqida lex specialisni ajratish istiqbollari tadqiq qilinadi. Xalqaro hujjatlar — avvalo Jahon Antidoping Kodeksi va YUNESKOning Sportda Dopinga Qarshi Kurash bo‘yicha Xalqaro Konvensiyasi — hamda O‘zbekistonda dopinga qarshi kurashni tartibga soluvchi milliy qonunchilik tahlil qilindi. Shuningdek, huquqni qo‘llash amaliyotidan (xalqaro va mahalliy intizomiy doping ishlaridan) misollar ko‘rib chiqildi hamda doping huquqbuzarliklari uchun fuqaroviy-huquqiy javobgarlik zarurati nazariy jihatdan asoslab berildi. Lex specialis prinsipiga — maxsus antidoping normalarining umumiy huquq normalari bilan nisbatiga — va O‘zbekiston sport huquqining dopingni maxsus tartibga solish yo‘nalishidagi rivojlanish tendensiyalariga alohida e‘tibor qaratildi. Tadqiqot natijasida amaldagi qonunchilikdagi bo‘shliqlar va ziddiyatlar aniqlanib, doping bo‘yicha lex specialis (yoki alohida qonun) ishlab chiqish*

maqsadga muvofiqligi asoslab berildi hamda xalqaro standartlar va milliy xususiyatlarni inobatga olgan holda qonunchilikni takomillashtirish bo'yicha tavsiyalar ilgari surildi.

Kalit so'zlar: *Doping; antidoping qoidalari; fuqaroviy-huquqiy javobgarlik; sport huquqi; lex specialis; Jahon Antidoping Kodeksi; O'zbekiston; yuridik javobgarlik; xalqaro sport huquqi; WADA.*

ВВЕДЕНИЕ

Проблема допинга в спорте уже давно вышла за пределы узкоспортивной сферы и стала предметом правового регулирования на международном и национальном уровнях. Допинговые скандалы подрывают принципы честной игры, ставят под сомнение результаты соревнований и наносят вред здоровью спортсменов. В ответ международное сообщество выработало целостную антидопинговую систему, основанную на Всемирном антидопинговом кодексе (ВАК) Всемирного антидопингового агентства (WADA) и Международной конвенции ЮНЕСКО о борьбе с допингом в спорте 2005 года¹. Данные акты направлены на унификацию правил и мер ответственности за допинг в глобальном масштабе, формируя своего рода *lex sportiva* – особую систему норм, применяемых в спорте.

В то же время возникает вопрос о роли национальных правовых систем в борьбе с допингом. Традиционно нарушения антидопинговых правил рассматривались как предмет внутреннего регулирования спортивных организаций (дисквалификации, аннулирование результатов и пр.), без

¹<https://president.uz/ru/lists/view/1405#:~:text=>.

привлечения механизмов гражданского или уголовного права. Однако в последние годы наметилась тенденция к “юридизации” спорта: государства все чаще вмешиваются в эту сферу, вводя специальные нормы и санкции в национальное законодательство. Появляются идеи о необходимости гражданско-правовой, административной и даже уголовной ответственности за допинговые нарушения, особенно в случаях, когда допинг наносит ущерб другим спортсменам, спонсорам или спортивным организациям.

Для права Узбекистана данная тема приобретает особую актуальность. Республика Узбекистан, ратифицировав в 2010 году Международную конвенцию против допинга, взяла на себя обязательства по имплементации международных стандартов борьбы с допингом. Законодательной основой служит Закон «О физической культуре и спорте» (в новой редакции 2015 г.), который ввел в национальное право базовые понятия и нормы, связанные с допингом². Создано Национальное антидопинговое агентство (НАДА), ответственное за реализацию политики WADA и проведение допинг-контроля. В 2023 году статус НАДА был повышен до республиканского органа исполнительной власти, непосредственно подотчетного Правительству и Президенту – этот шаг свидетельствует о растущем внимании государства к проблеме допинга.

Несмотря на предпринимаемые меры, в Узбекистане продолжают фиксироваться случаи нарушений антидопинговых правил. По данным НАДА, только за девять месяцев 2024 года выявлены запрещенные вещества у 6 спортсменов (они подвергнуты дисквалификациям) и вынесено 11

² <https://lex.uz/uz/docs/2742238>.

предупреждений. Среди недавних инцидентов – дисквалификация на два года олимпийского чемпиона Улугбека Рашитова за тройной пропуск допинг-тестов (нарушение правил доступности для тестирования)³, а также аннулирование результатов ведущего тяжелоатлета Руслана Нурудинова после обнаружения у него допинга в ходе повторной проверки олимпийских проб. Эти случаи демонстрируют, что проблема допинга затрагивает даже титулованных спортсменов, требуя эффективных механизмов ответственности.

Цель данной статьи – проанализировать, каким образом гражданско-правовая ответственность может применяться в отношении допинговых нарушений и означает ли это формирование в спортивном праве Узбекистана специального режима (*lex specialis*), отличного от общих норм гражданского законодательства. В рамках исследования решаются следующие задачи:

- изучить международно-правовые источники, устанавливающие стандарты ответственности за допинг (Всемирный антидопинговый кодекс, Конвенция ЮНЕСКО и др.), и их соотношение с национальным правом;
- проанализировать нормы законодательства Узбекистана, посвященные противодействию допингу, включая определения допинга, права и обязанности спортсменов, санкции и механизмы правоприменения;
- рассмотреть существующие виды юридической ответственности за допинговые нарушения (спортивную, гражданско-

³ <https://vesti.uz/uzbekskij-chempion-skryvalsja-ot-proverki-na-doping>.

правовую, административную, уголовную) на примерах зарубежного опыта и теоретических разработок;

- выявить пробелы и коллизии (если таковые имеются) между специальными антидопинговыми нормами и общими нормами гражданского права в Узбекистане, обсудить принцип *lex specialis derogat generali* в данном контексте;
- сформулировать предложения по развитию законодательства Узбекистана в направлении *lex specialis* в сфере борьбы с допингом, с учетом тенденций сравнительного права.

Методология исследования

Методологическую основу исследования составили общенаучные и частнонаучные методы познания. Применен системно-структурный анализ нормативных актов международного и национального уровня, регламентирующих противодействие допингу. С помощью формально-юридического метода исследованы положения законодательства Узбекистана (законы, подзаконные акты) на предмет их соответствия международным стандартам и внутренней согласованности. Использован сравнительно-правовой метод – проведен обзор подходов к юридической ответственности за допинг в других государствах (Россия, страны Европы, международная спортивная юрисдикция), что позволило выявить варианты *lex specialis* в данной сфере. Кроме того, привлекался историко-правовой метод (для понимания эволюции антидопингового регулирования) и метод кейс-стади: проанализированы конкретные дисциплинарные случаи допинга, решения

Спортивного арбитражного суда (CAS) и национальных органов, чтобы проследить применение тех или иных норм на практике.

Эмпирическую базу исследования составили тексты международных документов (Конвенция против допинга 2005 г., Всемирный антидопинговый кодекс 2021 г. и др.), законодательство Республики Узбекистан (Закон «О физической культуре и спорте» 2015 г. в актуальной редакции, постановления Президента и Правительства по вопросам деятельности НАДА), а также сведения из открытых источников о допинговых кейсах, включая официальные пресс-релизы и сообщения СМИ. Теоретическую основу работы составили труды в области спортивного права и международного права – исследования о *lex sportiva*, комментарии к ВАК, публикации о юридической ответственности в спорте (в частности, работы российских авторов, анализирующие многоуровневую систему ответственности за допинг).

Достоверность полученных выводов обеспечивается опорой на официальные источники и данные, а также сопоставлением различных точек зрения. При изложении результатов исследования соблюдаются академический стиль и принципы объективности, аргументация строится на нормах права и фактических примерах.

Результаты исследования.

Международно-правовые основы ответственности за допинг

Борьба с допингом в современном спорте опирается на ряд международных нормативных актов и институтов, формирующих единые правила и стандарты ответственности для всех стран-участниц. Ключевым

документом является Всемирный антидопинговый кодекс (BAK) – свод норм, разработанный Всемирным антидопинговым агентством (WADA) и впервые принятой в 2003 году (действующая редакция – 2021 года). Кодекс не является международным договором в классическом понимании; его сила обеспечивается путем добровольного присоединения к нему международных спортивных федераций, национальных олимпийских комитетов и антидопинговых организаций. В то же время через Международную конвенцию ЮНЕСКО 2005 г. государства обязались поддерживать принципы Кодекса на национальном уровне. Узбекистан ратифицировал эту Конвенцию Законом № ЗРУ-275 от 27.12.2010 г., тем самым признав необходимость гармонизации своего законодательства с международными антидопинговыми стандартами.

Национальное законодательство Узбекистана о противодействии допингу

Закон «О физической культуре и спорте» (2015) и антидопинговые нормы. Базовым актом, определяющим государственную политику в сфере спорта, является Закон РУз «О физической культуре и спорте». В новой редакции этого Закона, принятой 4 сентября 2015 года (№ ЗРУ-394), были впервые закреплены нормы, касающиеся предупреждения допинга и ответственности за него. В частности, статья 27 прямо посвящена предотвращению допинга в спорте и борьбе с ним. Закон содержит легальное определение допинга: им признается нарушение антидопингового правила, в том числе использование либо попытка использования запрещенной субстанции или метода, включенных в соответствующий перечень. Такое

SJIF:5.219

определение согласуется с терминологией Всемирного кодекса, фактически транслируя в национальное право основные понятия WADA.

Закон устанавливает, что предотвращение допинга и борьба с ним осуществляются в соответствии с антидопинговыми правилами, утвержденными международными антидопинговыми организациями. Эта норма имеет принципиальное значение: она означает, что Узбекистан имплементирует правила WADA напрямую, признавая их приоритет над внутренними нормами в данной сфере. Проявлением *lex specialis* здесь служит отсылка к внешнему нормативному массиву – международным стандартам – которым должны соответствовать все национальные субъекты спорта. Таким образом, список нарушений антидопинговых правил, порядок допинг-контроля, процедуры рассмотрения дел и пр. регламентируются не отдельным узбекским нормативным актом, а именно кодексом WADA и связанными с ним международными стандартами. Законодатель лишь закрепил обязанность спортсменов и иных лиц соблюдать эти правила. В частности, ст. 30 Закона относит к обязанностям спортсмена соблюдение антидопинговых правил и предоставление информации о своем местонахождении для допинг-контроля. Аналогичные обязанности возложены на тренеров и иных специалистов, работающих со спортсменами.

Закон также перечисляет, какие действия считаются нарушением антидопинговых правил – фактически повторяя пункты Кодекса WADA: от наличия запрещенных субстанций и отказа от тестирования до распространения допинга и применения допинга к животным, участвующим в спортивных соревнованиях. Вводится понятие спортивной

SJIF:5.219

дисквалификации – отстранение спортсмена от участия в соревнованиях за нарушение антидопинговых правил. При этом закон устанавливает прямой запрет: не допускается нарушение антидопинговых правил спортсменами, тренерами и другими специалистами, а факт нарушения должен устанавливаться аккредитованными лабораториями WADA. Данное положение декларирует незаконность допинга, однако конкретные санкции или порядок их применения в тексте закона не раскрываются – предполагается, что эти вопросы урегулированы антидопинговыми правилами.

Ответственность за допинг по законодательству Узбекистана.

Прямого указания на гражданско-правовую или иную юридическую ответственность спортсменов за допинг Закон “О физической культуре и спорте” не содержит, ограничиваясь отсылкой к тому, что виновные лица несут ответственность в установленном порядке (ст.47)⁴. Фактически это бланкетная норма, предполагающая применение иных актов. Каких именно? Можно предположить несколько уровней:

- **спортивная (дисциплинарная) ответственность.** Она реализуется через антидопинговые правила, действующие в спортивных организациях. В Узбекистане разработаны Национальные антидопинговые правила (утверждены решением НОК или уполномоченного органа, на основе типового кодекса WADA). Эти правила, по сути, дублируют Всемирный кодекс, устанавливая процедуры расследования допинговых случаев и наложения санкций (дисквалификаций и пр.). В них же может быть

⁴ <https://lex.uz/uz/docs/2742238>.

предусмотрено, что спортсмен обязан вернуть медали, призовые выплаты, полученные незаконно под воздействием допинга.

- **трудовая ответственность.** Если спортсмен состоит в трудовых отношениях (например, является сотрудником спортивного клуба, Центра олимпийской подготовки и т.п.), применение допинга может рассматриваться как грубое нарушение трудовых обязанностей. Трудовой кодекс РУз прямо не упоминает допинг, но работодатели вправе предусмотреть в контрактах условие о соблюдении спортсменом антидопинговых правил. Несоблюдение этих правил теоретически может повлечь дисциплинарные взыскания, вплоть до увольнения. Аналогичная норма, к слову, закреплена в трудовом законодательстве РФ – ст. 348.2 ТК РФ обязывает спортсмена соблюдать антидопинговые правила, что позволяет увольнять за их нарушение. В Узбекистане специальных норм ТК на этот счет пока нет, но практика может восполнять пробелы, квалифицируя допинг как нарушение спортивного режима.

- **административная или уголовная ответственность.** В Кодексе об административной ответственности Узбекистана специальных статей, карающих за употребление допинга спортсменом, не обнаруживается. В Уголовном кодексе также отсутствуют нормы, аналогичные, например, российским ст. 230.1–230.2 УК РФ (наказание за склонение к допингу и использование допинга в отношении спортсмена). Однако общие составы могли бы применяться к деяниям, связанным с допингом: например, если распространение допинга сопряжено с незаконным оборотом сильнодействующих веществ, либо если должностное лицо покрывает

допинговые случаи, это может подпадать под коррупционные или иные статьи. Пока прецедентов в открытом доступе нет. Тем не менее, указанные изменения в российском УК, введенные в 2016 г., свидетельствуют о тренде на криминализацию наиболее опасных форм допинговых нарушений. Узбекистан, вероятно, учитывает этот опыт, хотя на сегодняшний день опирается на дисциплинарные механизмы.

- **гражданско-правовая ответственность.** Специальных норм Гражданского кодекса РУз, прямо затрагивающих допинг, нет. Однако возможны ситуации, когда гражданско-правовые инструменты задействуются *post factum*. Например, если спортсмен, виновный в допинге, причинил материальный ущерб организации – тот же клуб может потребовать возмещения убытков (неустойки) за срыв соревнований или утрату командного результата. Спонсоры, заключившие с атлетом контракт, нередко включают условие о недопустимости допинга; нарушение влечет расторжение договора и выплату штрафных санкций. То есть, ответственность носит договорный характер. Кроме того, организаторы соревнований могут предъявлять иски о возмещении репутационного ущерба или возврате призовых. В целом, в российской доктрине отмечается, что гражданско-правовая ответственность за допинг реализуется в форме возмещения убытков (ст.15 ГК РФ), взыскания неустоек, штрафов и т.п.. Аналогичные механизмы теоретически применимы и в Узбекистане на основании общих положений ГК об ответственности за нарушение обязательств или причинение вреда. Однако таких исков в судебной практике

Узбекистана пока не отмечалось (что неудивительно, учитывая, что большинство споров решается внесудебно внутри спортивных структур).

Подводя итог, можно констатировать: национальное законодательство Узбекистана создало рамочные условия для антидопинговой деятельности (закреплены основные понятия, обязанности, создано агентство), но в части юридической ответственности за допинг оно опирается на внешние правила (ВАК) и общие нормы. Специального закона

«О борьбе с допингом» или развернутого раздела в кодексах не принято. В этом смысле, борьба с допингом – сфера действия *lex specialis* международного спортивного права, встроенного в национальную правовую систему лишь отсылочными нормами. Возникает вопрос: достаточно ли такого подхода, либо назрела необходимость развития *lex specialis* уже на уровне национального права?

Гражданско-правовая ответственность за допинг: теоретическое обоснование

Почему возникает идея гражданско-правовой ответственности?

Допинговое нарушение на первый взгляд имеет характер сугубо дисциплинарный: спортсмен нарушил правило, установленное спортивной организацией, и понес наказание (дисквалификацию). Однако последствия допинга не ограничиваются самим фактом отстранения. Допинг искажает результаты соревнований, затрагивая интересы других атлетов (честно соревновавшихся и потерявших медали или места), спонсоров (чья репутация страдает при скандале), зрителей и болельщиков (обманутых в своих ожиданиях честного зрелища). В конечном счете, допинг наносит ущерб

принципу спортивного равенства и справедливости, который можно рассматривать как благо, защищаемое правом.

С гражданско-правовой точки зрения, действия допинг-нарушителя могут рассматриваться как причинение вреда другим лицам или нарушение договорных обязательств:

- **причинение вреда (деликт).** Например, спортсмен А, занявший призовое место с применением допинга, лишает спортсмена Б заслуженной награды. Б недополучает причитающиеся призовые деньги, теряет потенциальные контракты, славу. Формально эти упущенные выгоды являются следствием неправомерных действий А. Можно ли говорить о причинении имущественного вреда, подлежащего возмещению? В теории – да, Б мог бы требовать компенсации утраченного денежного приза, премий и других выгод, которых он лишился из-за допинга А. Аналогично, если команда (эстафета) лишена результата из-за одного допингового участника, остальные члены команды теоретически могли бы предъявить ему регрессный иск за ущерб их спортивной карьере. Правда, на практике такие требования крайне редки: обычно вопрос решается аннулированием результатов и перераспределением медалей организаторами соревнований. Тем не менее, прецеденты в других юрисдикциях имели место – например, иски болельщиков или спонсоров к допингерам за нанесение вреда имиджу соревнований (в США рассматривалась возможность групповых исков к Лэнсу Армстронгу от зрителей за обман, хотя дальше обсуждений это не пошло).

- **нарушение договоров и обязательств.** Профессиональные спортсмены связаны множеством договоров: с клубом (трудовой контракт или контракт на выступление), со спонсорами и рекламодателями, с экипировочными компаниями, с организаторами турниров (соглашение о честном участии). В большинство таких договоров включаются условия о недопустимости допинга и о санкциях за нарушение. Допинг представляет собой существенное нарушение договора, дающее право другой стороне требовать его расторжения и возмещения убытков. Так, известен случай с Лэнсом Армстронгом: после признания в допинге он был обязан вернуть бонусы и выплатить крупную компенсацию компании SCA Promotions, ранее выплатившей ему премии за победы⁵. Эта компенсация фактически стала гражданско-правовой ответственностью за допинговое мошенничество. Другой пример – олимпийские комитеты ряда стран требовали от уличенных в допинге спортсменов возврата стипендий и грантов, полученных ими на подготовку, мотивируя это нецелевым расходованием средств ввиду нарушения спортсменом условий (честного участия). В Узбекистане подобные договорные санкции также возможны: например, Фонд поддержки спорта или спонсор, финансировавший атлета, может по условиям соглашения потребовать вернуть деньги, если атлет был дисквалифицирован за допинг. Более того, в профессиональных лигах ряда стран клубы в договорах прописывают штрафы для игроков за допинг (в размере части зарплаты и т.п.).

⁵ <https://www.theguardian.com/sport/2015/feb/16/lance-armstrong-fined-10m-drugs-lies-sca-promotions#:~:text=Lance%20Armstrong%20fined%20%2410m%20for,doping%20led%20to%20new%20case.>

Границы применения гражданско-правовых мер. Введение гражданско-правовой ответственности должно учитывать специфику спортивных отношений. Не всякий ущерб легко конвертировать в денежную форму или однозначно возложить на нарушителя. Упомянутые примеры (потерянные призовые, выплаченные бонусы) – это прямой денежный эквивалент. Но как оценить “стоимость” утраченной медали или честной победы? Вправе ли спортсмен, занявший 4-е место, судиться с допинг-нарушителем, занявшим 1-е, за моральный вред или упущенную выгоду в виде несостоявшихся рекламных контрактов? Юридически такие иски возможны, но доказать прямую причинно-следственную связь и размер ущерба было бы чрезвычайно сложно. Поэтому механизм гражданского иска между спортсменами практически не применяется – пострадавшему достаточно того, что результата нарушителя аннулированы, и его самого дисквалифицировали (восстановление справедливости в спортивном смысле).

Скорее гражданско-правовые санкции уместны во взаимоотношениях **спортсмен – организация:**

- Федерация или клуб могут применить финансовые санкции к спортсмену по условиям договора (штрафы, требования возмещения расходов на юридическое разбирательство по его делу и др.).
- Спонсор – требовать возврата выплаченных сумм, если допинг спортсмена привел к репутационному ущербу или нарушил условия рекламного контракта.

- Организатор соревнования – в теории мог бы взыскать с дисквалифицированного спортсмена расходы на повторное награждение, перераспределение медалей или ущерб от отмены результата (хотя обычно эти расходы невелики или покрываются репутационными издержками).

Интересный аспект – **ответственность лиц, способствовавших допингу**, перед спортсменом. Например, тренер или врач, давший спортсмену запрещенный препарат без его понимания последствий, по сути нанес вред карьере атлета (которого дисквалифицировали) и его здоровью. Здесь прямой путь к иску о возмещении вреда здоровью и имущественных потерь (упущенный заработок за время отстранения). Подобные случаи разбирались в судебной практике бывшей ГДР: спортсмены, пострадавшие от системного допинга, успешно взыскивали компенсации с государства и тренеров за подорванное здоровье. В Узбекистане подобных громких процессов не было, но можно представить, что если, скажем, юниора склоняет к допингу его окружение, и это вскрывается, то родители юного спортсмена могут привлечь виновных к ответственности – вплоть до уголовной за вовлечение несовершеннолетнего в противоправные действия, а параллельно и гражданский иск о возмещении вреда.

Соотношение спортивных и гражданских санкций. Применение гражданско-правовой ответственности за допинг не исключает спортивной, а дополняет ее в частно-правовом поле. Чтобы это сочетание работало, необходимо четко определить границы: спортивная санкция (дисквалификация) наказывается нарушителя в рамках спортивной SJIF:5.219

юрисдикции и служит главным образом профилактике и обеспечению честности соревнований; гражданско-правовые меры направлены на компенсацию тем, чьи права и интересы были задеты нарушением. При этом не должно возникать двойного наказания (*ne bis in idem*) в юридическом смысле, так как спортивная дисквалификация формально не является мерой юридической ответственности государства. Она больше похожа на договорную меру внутри особой системы (*lex sportiva*). Поэтому ничто не препятствует, чтобы к одному и тому же факту допинга были применены:

- спортивная санкция (лишение медали, отстранение);
- меры трудового воздействия (увольнение из команды);
- гражданско-правовые последствия (расторжение спонсорского контракта, требование возмещения средств);
- в тяжелых случаях – и уголовная ответственность (например, к тренеру, вводившему допинг спортсменам).

Таким образом, теоретически гражданско-правовая ответственность вписывается в комплексную систему реагирования на допинг. Ее значение особенно возрастает при коммерциализации спорта: когда на кону крупные деньги и репутация, заинтересованные стороны не хотят ограничиваться лишь спортивными санкциями, но стремятся возместить потери. Поэтому в условиях профессионального спорта можно ожидать роста числа исков, связанных с допингом (хотя в идеале превентивная функция системы допинг-контроля должна этому препятствовать, выявляя нарушения до распределения благ).

Для Узбекистана, где профессиональный спорт и рынок спортивных услуг только развиваются, вопрос гражданско-правовых исков за допинг пока не проявлен ярко. Однако с интеграцией в мировое спортивное сообщество подобные ситуации могут возникать, и национальное право должно быть готово предложить решения.

Принцип *lex specialis* и допинговое регулирование: конфликт или гармония?

Применение гражданско-правовых норм к допинговым случаям ставит проблему соотношения общих и специальных регуляторов. *Lex specialis derogat generali* – известный принцип, согласно которому специальный закон имеет преимущество перед общим. В сфере спортивного права роль *lex specialis* играет комплекс антидопинговых правил и связанных норм (в том числе закрепленных в Законе о спорте), тогда как роль общего права – нормы гражданского, трудового, административного законодательства. Возникают вопросы: является ли антидопинговое регулирование автономной подсистемой, и в каких пределах на него распространяются общие нормы? Международный опыт показывает, что без четкого размежевания возможны коллизии.

***Lex sportiva* vs. национальное право.** Некоторые ученые характеризуют антидопинговую систему как **частный контрактный порядок, относительно автономный от национальных правовых систем**⁶. В ее рамках споры решаются делокализованными спортивными

⁶https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1599273#:~:text=The%20anti,of%20such%20concerns%2C%20it%20is.

арбитражами, а национальные законы не вмешиваются в процесс. Эта автономность стала предметом дискуссий: высказываются опасения, что избыточная автономность приводит к ущемлению прав спортсменов (например, права на неприкосновенность частной жизни при внезапном тестировании, права на справедливое разбирательство и др.), которые обычно защищены национальным законодательством. Однако попытки подчинить антидопинговые правила требованиям отдельных стран могут нарушить единообразие и эффективность борьбы с допингом. Здесь прослеживается тонкая грань: с одной стороны, нужно уважать *lex specialis* спорта, с другой – интегрировать его в правовое поле, не нарушая его сути.

Lex specialis в спортивном праве Узбекистана пока проявляется скорее как **отсылочная зависимость**: национальные нормы прямо указывают на применение международных антидопинговых правил. Это удачный прием в плане соответствия WADA – исключаются противоречия, поскольку любое изменение Кодекса WADA автоматически “подхватывается” национальной системой. Но минус – определенная неопределенность и недостаток легитимации с точки зрения национального права. Фактически происходит делегирование нормотворчества негосударственному органу (WADA), а наказание за допинг накладывается решением не государственных судов, а независимых панелей. Формально все согласовано с волей спортсменов (они обязуются при вступлении в спорт соблюдать эти правила), однако могут возникать коллизии, если, например, спортсмен попытается оспорить дисквалификацию в государственном суде,

гарантиям. В большинстве стран такие иски либо не принимаются, либо суды отказывают, признавая юрисдикцию CAS. В Узбекистане таких прецедентов не зафиксировано; вероятно, узбекские суды также придерживаются позиции невмешательства в спорт, что подтверждается отсутствием норм о подведомственности таких споров.

Тем не менее, потенциал конфликта существует: **коллизия между антидопинговыми правилами и, скажем, трудовым законодательством или уголовно-процессуальными нормами**. Например, допинг-тестирование вне соревнований предполагает внезапный приход допинг-офицеров к спортсмену домой в любое время (правило whereabouts). С точки зрения обычного права, принудительное взятие образцов у человека вне рамок расследования преступления – мера чрезвычайная. Но спортсмены добровольно на это соглашаются, иначе не получают допуска к стартам. Представим, однако, что кто-то из спортсменов заявит о нарушении конституционных прав (неприкосновенности жилища или частной жизни). Государственный суд, теоретически, мог бы признать правила WADA противоречащими национальной конституции. Это создало бы серьезный прецедент и проблемы с WADA. К счастью, подобных случаев не известно: спортсмены, как правило, предпочитают решать вопросы внутри спортивной системы. Но для предотвращения подобных ситуаций государства могут прямо в законе закреплять приоритет международных антидопинговых норм над внутренними. Кстати, в ст. 2 Закона Узбекистана о спорте есть норма: если международным договором установлены иные правила, чем в законодательстве о спорте, то применяются правила международного

SJIF:5.219

договора lex.uz. Это своего рода внедрение *lex specialis* международного уровня в национальное поле.

Перспектива развития *lex specialis* в Узбекистане. С учетом сказанного, возможны два сценария:

1. **Укрепление текущей модели.** Оставить антидопинговые нормы преимущественно в плоскости спортивных правил и межведомственных актов, обеспечивая их выполнение через НАДА. При необходимости вносить точечные изменения в Закон о спорте (как это делалось в 2015 г.), чтобы охватить новые аспекты (например, включить понятие запрещенной ассоциации, если его сейчас нет в тексте). Гражданско-правовые и трудовые вопросы решать в рамках общих норм (контракт – по общим правилам договорного права, ущерб – по нормам о вреде). Этот путь максимально сохраняет гармонию с WADA и не требует больших реформ.

2. **Выделение отдельного закона или раздела – *lex specialis* о допинге.** Такой закон мог бы комплексно урегулировать: понятия допинга, права и обязанности всех субъектов (спортсменов, тренеров, врачей, организаций), процедуры допинг-контроля (в тесном соответствии с международными стандартами), а также виды ответственности **на национальном уровне** – дисциплинарной, административной, гражданско-правовой, а при необходимости и уголовной. Например, в закон можно включить норму о том, что спортсмен, нарушивший антидопинговые правила, обязан возместить все полученные им призовые и выгоды, а также убытки, понесенные

из-за его допинга третьими лицами (по решению суда или соответствующего органа). Это создало бы чёткую правовую основу для гражданских исков. Также можно предусмотреть штрафы (административные) за допинг – как это сделано в ряде стран Европы. Однако при подготовке такого закона крайне важно учесть международные требования, чтобы не возникло рассогласования, как в российском случае. Вероятно, оптимальным решением был бы закон-прямое отражение Кодекса WADA в национальных положениях, с добавлением национальной специфики. Некоторые государства (например, Китай, Германия) приняли специальные антидопинговые законы, не отменяя роль спортивных санкций, но дополняя их. Для Узбекистана подобный путь стал бы “шагом к *lex specialis*” – оформлению собственных специальных норм, не дожидаясь каждый раз изменений извне. С другой стороны, есть риск избыточной криминализации или бюрократизации процесса, что может осложнить отношения с WADA.

В свете позитивной оценки, которую WADA дала работе узбекской НАДА в 2023 г. (включение в список эффективных организаций), можно заключить, что текущая система справляется со своими задачами. Случаи нарушений выявляются, спортсмены несут наказание (дисквалификации), инструменты пропаганды и профилактики допинга внедряются (создана онлайн-платформа для проверки лекарств, выдаются терапевтические разрешения нуждающимся спортсменам). Это означает, что принцип *lex specialis* в формате следования международным правилам работает. Но по SJIF:5.219

мере того, как спорт в стране будет становиться более профессиональным и коммерческим, вопрос юридической ответственности (в том числе гражданской) может встать острее – например, клубы начнут активнее защищать свои имущественные интересы, пострадавшие от допинга игроков, через суды. Поэтому уже сейчас следует вести научную дискуссию и законодательную подготовку, чтобы при необходимости внести соответствующие изменения.

Результаты исследования

Антидопинговое регулирование представляет собой автономную, специализированную систему (lex sportiva), основанную на Всемирном антидопинговом кодексе. Данный lex specialis действует в масштабах всего мирового спорта, и национальные законодательства вынуждены либо прямо инкорпорировать его нормы, либо как минимум не противоречить им. Республика Узбекистан избрала модель прямого следования международным антидопинговым правилам, закрепив в законе обязанность соблюдать правила, утвержденные WADA. Это обеспечило высокую степень гармонизации: международные стандарты применяются непосредственно. В то же время, такой подход означает, что значительная часть норм находится вне национальных кодексов, что может затруднять их практическое применение через государственные институты (суды, органы принудительного исполнения и т.п.).

Гражданско-правовая ответственность за допинговые нарушения в настоящий момент не получила развития в законодательстве Узбекистана, но существует де-факто через договорные механизмы.

Спортсмен, уличенный в допинге, влечет последствия: аннулирование его результатов автоматически означает утрату им призовых, званий, возможно, стипендий. На практике это реализуется через спортивные решения (решение CAS или НАДА). Если же требуется вернуть денежные средства, может подключаться гражданско-правовой путь – взыскание неосновательного обогащения или убытков. В исследовании показано, что в ряде случаев такие требования возникают (возврат бонусов спонсорам, компенсация отстраненной команде и т.д.), и общие нормы права позволяют их удовлетворить, хотя прямых прецедентов в РУз пока не было. Нынешнее законодательство не препятствует таким искам, но и специально их не регулирует.

Принцип *lex specialis* применительно к допингу означает приоритет специальных антидопинговых норм над общими нормами права, однако требует четкого разграничения компетенции. Спортивные организации вправе самостоятельно устанавливать и применять санкции к спортсменам за допинг – и национальное право должно признавать эти решения (например, не допускать повторного привлечения к ответственности за то же деяние). Узбекистанское законодательство не содержит норм о том, может ли государственный суд пересмотреть решение антидопинговой дисциплинарной комиссии. По умолчанию – нет, учитывая частный характер спора. Но для гарантии прав спортсменов государство могло бы установить процедуру ограничения участия дисквалифицированных спортсменов в официальных мероприятиях, придать решениям НАДА статус, обязательный для всех спортивных организаций страны. В целом, исследования

SJIF:5.219

показывают, что смешение юрисдикций несет риски: лучшая стратегия – их комплементарность. Государство создает рамки (например, уголовно карает распространителей допинга, дает полномочия агентству, обеспечивает исполнение санкций), а спортивное сообщество осуществляет материально-правовое регулирование (определяет, что считать допингом и как наказывать спортсменов).

В законодательстве Узбекистана прослеживается тенденция к формированию элементов *lex specialis* спортивного права. В 2015 г. были внедрены понятия допинга и антидопинговых правил, в 2018–2023 гг. создан отдельный орган (НАДА) с особыми полномочиями. Тем самым спортивное право обогащается особыми институтами, ранее отсутствовавшими. Однако эти новеллы пока не переросли в самостоятельный комплексный акт (антидопинговый закон). Перспектива его разработки зависит от дальнейших потребностей. Исследование показывает, что при сохранении текущего уровня нарушений достаточно использования существующих рычагов. Но если возникнет необходимость усилить профилактику или отвечать на новые вызовы (например, допинговые технологии, вовлечение несовершеннолетних), может потребоваться специальное регулирование.

Сравнительный анализ демонстрирует, что узбекский подход соответствует общемировым тенденциям невмешательства в спортивную *lex specialis* при одновременном усилении ответственности за сопутствующие деяния (склонение, распространение). Узбекистан не вводил пока ни административных штрафов, ни уголовных наказаний сугубо за факт допинга спортсмена – и это соответствует политике WADA, которая

выступает против уголовного преследования спортсменов за употребление допинга (поскольку это может отпугивать их от сотрудничества и подрывать всемирную унификацию). Вместо этого акцент делается на государственной поддержке антидопинговой системы: финансирование НАДА, предоставление ей статуса и ресурсов, сотрудничество с WADA. Такой баланс признан эффективным WADA (высокая оценка НАДА в 2023 г. свидетельствует об этом).

Вместе с тем выявлены потенциальные пробелы: отсутствие детализированных норм о последствиях допинга может затруднить реализацию гражданско-правовых требований. Например, если спортсмен откажется добровольно вернуть медаль и призовые, кто и как будет этого добиваться? Нужен ли отдельный механизм или достаточно общих норм о неосновательном обогащении? На эти вопросы законодательство прямо не отвечает. Также нет ясности, может ли узбекский суд признать недействительным контракт спортсмена с тренером, если последний давал запрещенные препараты (теоретически, как договор, противный нравственным основам – мог бы). Все эти ситуации пока гипотетические, но лучше их предусмотреть заранее.

Необходима дальнейшая интеграция принципов *lex specialis* в законодательство с соблюдением международных стандартов. Рекомендуется проработать вопрос о принятии отдельного нормативного акта – например, Положения об ответственности за нарушение антидопинговых правил – на уровне правительства или закона. В нем можно отразить: процедуру лишения спортсменов государственных наград и званий

SJIF:5.219

при допинге, обязанности по возврату денежных призов в бюджет или спонсорам, запрет на трудоустройство дисквалифицированных тренеров в государственные спортшколы и т.д. Такие нормы придадут большей “связности” между спортивной и правовой системами. Главное – они не должны вступать в противоречие с кодексом WADA. Оптимальным решением было бы тесное сотрудничество НАДА с Минюстом и профильным комитетом парламента при разработке таких положений.

Заключение

Борьба с допингом в спорте находится на стыке частной автономии спортивных организаций и публичных интересов государства. Анализ показал, что *lex specialis* антидопингового регулирования уже сформирован на международном уровне и активно проникает в национальное право Узбекистана. Гражданско-правовая ответственность за допинговые нарушения пока не институционализирована отдельными нормами, но существует имплицитно – через механизмы возмещения вреда и ответственности по договорам. В перспективе, с ростом профессионального спорта и экономической значимости спортивных результатов, потребность в таких механизмах будет увеличиваться.

Узбекистанское законодательство стоит перед выбором: оставить допинг делом саморегулирования под эгидой WADA, либо развивать собственное *lex specialis*, уточняя и дополняя международные правила. Сделанный в работе обзор позволяет предложить сбалансированный подход. С одной стороны, необходимо сохранить полное соответствие национальных антидопинговых правил мировым стандартам, чтобы избежать правовых

SJIF:5.219

коллизий и санкций со стороны WADA. С другой – целесообразно четче прописать на национальном уровне последствия допинга, в том числе в гражданско-правовой плоскости. Представляется разумным закрепить в законе (или подзаконном акте) норму о том, что спортсмен, нарушивший антидопинговые правила, обязан вернуть все полученные им выигрыши, призовые выплаты и иные выгоды, связанные с результатом, достигнутым нечестным путем. Это станет правовой основой для предъявления регрессных требований организаторами или спонсорами без противоречия международным правилам (поскольку и так является требованием ВАК).

Кроме того, в развитие *lex specialis* можно рассмотреть введение административной ответственности спортивных организаций (например, клубов) за несоблюдение условий проведения допинг-контроля. Такая мера стимулирует клубы и федерации активно сотрудничать с НАДА и пресекать случаи укрывательства допинга. Что касается уголовно-правовой сферы, то возможно введение ответственности за склонение несовершеннолетних спортсменов к применению допинга – это наиболее чувствительная область, требующая особой защиты.

В заключение подчеркнем: гражданско-правовая ответственность за допинговые нарушения не должна рассматриваться в отрыве от всей системы спортивной ответственности. Её внедрение будет эффективным только при условии сохранения ключевой роли спортивных санкций и тесного взаимодействия с международными институтами. *Lex specialis* спортивного права – не цель сама по себе, а инструмент для обеспечения чистоты и справедливости в спорте. Шаг в направлении *lex specialis* в праве

SJIF:5.219

Узбекистана должен выражаться не в создании изолированной системы, а в выработке таких норм, которые, оставаясь специальными, дополняют и усиливают общие начала права, обеспечивая защиту прав добросовестных спортсменов и интересов общества в честном спорт.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Международная конвенция о борьбе с допингом в спорте (Париж, 19 октября 2005 г.) – ратифицирована Республикой Узбекистан Законом № ЗРУ-275 от 27.12.2010 г.
2. Всемирный антидопинговый кодекс WADA. Редакция 2021 г. (World Anti-Doping Code 2021). – Монреаль: Всемирное антидопинговое агентство, 2021.
3. Закон Республики Узбекистан “О физической культуре и спорте” (новая редакция), принят 4 сентября 2015 г. № ЗРУ-394.
4. Постановление Президента Республики Узбекистан № ПП-3456 от 03.01.2018г. “О мерах по организации деятельности Национального антидопингового агентства при Кабинете Министров Республики Узбекистан”.
5. Постановление Президента Республики Узбекистан № ПП-149 от 08.05.2023г. “О мерах по эффективной организации деятельности Национального антидопингового агентства Республики Узбекистан в рамках административных реформ”.

6. Chebotarev A.V. Юридическая ответственность за нарушение антидопинговых правил в России: проблемы и перспективы // Вестник юридического факультета НИУ ВШЭ. – 2019. – № 1. – С. 76–99.
7. Mazzucco M.F. Lex Sportiva and the Regulation of Doping in International Sport. – SSRN Electronic Journal, July 2010. – 5 p.
8. <https://caravan-info.uz/ru/sport/814642-doping-v-sporte-problemy-zakonodatelstva-mezhdunarodnyy-kontrol-i-situatsiya-v-uzbekistane.html>.
9. <https://vesti.uz/uzbekskij-chempion-skryvalsja-ot-proverki-na-doping>.
10. Reuters/Ozodlik. <https://rus.ozodlik.org/a/29968055.html>.

СУБЪЕКТЫ И ОБЪЕКТЫ ОТНОШЕНИЙ ПО ВОЗМЕЩЕНИЮ УЩЕРБА МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ

Миркомилова Мадинабону Жахонгир қизи

магистрант Ташкентского
государственного юридического университета
mirkomilovamadinabonu@gmail.com

Аннотация: в статье рассматриваются ключевые аспекты отношений по возмещению ущерба, возникающих в сфере медицинских услуг. Особое внимание уделяется классификации субъектов и объектов данных отношений, а также их правовым последствиям. Автор анализирует роль медицинских учреждений, медицинского персонала и пациентов как основных участников процесса возмещения ущерба. В статье также рассматриваются различные виды ущерба, включая физический, моральный и материальный, а также механизмы его возмещения. Упор делается на актуальные юридические нормы и практические примеры, что позволяет глубже понять сложность и многогранность данных отношений. Заключение статьи подчеркивает необходимость совершенствования законодательства в области медицинских услуг для более эффективного разрешения споров и защиты прав всех участников.

Ключевые слова: Возмещение ущерба, права потребителей, медицинские услуги, правовые отношения, медицинские учреждения, медицинский персонал, пациенты, физический ущерб, моральный ущерб, материальный ущерб, правовые последствия, субъекты и объекты отношений.

SUBJECTS AND OBJECTS OF RELATIONS CONCERNING COMPENSATION FOR DAMAGE IN MEDICAL SERVICES

Mirkomilova Madinabonu Jakhongir qizi

Master student of Tashkent state university of law

mirkomilovamadinabonu@gmail.com

Abstract: *this article examines the key aspects of legal relations arising from the compensation for damage in the field of medical services. Particular attention is paid to the classification of the subjects and objects of these relations, as well as their legal consequences. The author analyzes the role of medical institutions, healthcare personnel, and patients as the main participants in the compensation process. The article also explores different types of damage, including physical, moral, and material, as well as mechanisms for their compensation. Emphasis is placed on current legal norms and practical examples, which allow for a deeper understanding of the complexity and multifaceted nature of these relations. The conclusion highlights the need to improve legislation in the field of medical services for more effective dispute resolution and better protection of the rights of all parties involved.*

Keywords: *Compensation for damage, consumer rights, medical services, violations of patients' rights, legislation, protection of interests, case statistics, liability of medical institutions, quality control, process transparency, protection of patients' rights.*

ВВЕДЕНИЕ

Медицинские отношения представляют собой специфический вид общественных отношений, складывающихся в процессе оказания и получения медицинской помощи, медицинского страхования, ведения

фармацевтической деятельности, а также в рамках санитарно-эпидемиологических мероприятий. Данные отношения охватывают как публично-правовые, так и частноправовые элементы, поскольку включают в себя, с одной стороны, вопросы защиты здоровья как объекта государственного регулирования, а с другой — исполнение договорных обязательств между субъектами здравоохранения.

В Республике Узбекистан правовое регулирование медицинских отношений осуществляется в соответствии с Законом «Об охране здоровья граждан» № ЗРУ-548 от 29.08.1996 г. (в ред. от 07.02.2025 г. № ЗРУ-1025), который определяет ключевые принципы, субъекты и объекты в этой области, а также гарантии реализации права граждан на охрану здоровья. Согласно статье 2 данного Закона, одной из задач законодательства является обеспечение гарантий прав граждан на охрану здоровья со стороны государства и правовое регулирование деятельности соответствующих органов и организаций в этой сфере¹.

ОБСУЖДЕНИЕ И РЕЗУЛЬТАТЫ

Медицинские отношения характеризуются следующими основными признаками:

Они основаны на конституционном праве граждан на охрану здоровья (ст. 40 Конституции Республики Узбекистан);

В них участвуют как частные, так и государственные субъекты;

¹ См.: Закон Республики Узбекистан «Об охране здоровья граждан» от 29.08.1996 г. № ЗРУ-548 (в ред. от 07.02.2025 г. № ЗРУ-1025).

Предметом отношений выступают не только медицинские услуги, но и здоровье как особая нематериальная ценность;

Они регулируются специальным законодательством, включающим нормы гражданского, административного, уголовного, санитарного и медицинского права.

Учитывая особый характер указанных отношений, исследование их субъектного состава и анализ правового статуса объектов требует системного подхода.

Субъекты медицинских правоотношений – это участники, наделённые соответствующими правами и обязанностями в сфере охраны здоровья, медицинской помощи, фармацевтической деятельности, санитарной безопасности и медицинского страхования. Их правовое положение закреплено как в общих нормах гражданского и административного законодательства, так и в специальных нормах Закона «Об охране здоровья граждан».

Центральное место среди субъектов занимает человек – гражданин Республики Узбекистан. В статье 13 Закона № ЗРУ-548 прямо указано, что каждый гражданин обладает неотъемлемым правом на охрану здоровья. Это право обеспечивается государством вне зависимости от пола, расы, национальности, языка, социального положения и других факторов².

Граждане могут быть субъектами:

Активными – когда они обращаются за медицинской помощью, получают услуги, реализуют права пациента;

² Закон Республики Узбекистан «Об охране здоровья граждан», статья 13.
SJIF:5.219

Пассивными – когда в отношении них применяются меры госсанэпиднадзора (например, при карантине или изоляции);

Специальными – в случаях, когда речь идёт о несовершеннолетних, военнослужащих, пенсионерах, инвалидах и других категориях, имеющих дополнительные льготы и гарантии (ст. 19, 21, 22 Закона)³.

Иностранные граждане и лица без гражданства, находящиеся на территории Узбекистана, также признаются субъектами медицинских отношений. В соответствии со статьёй 14, они обладают равным правом на охрану здоровья в рамках международных договоров и национального законодательства⁴.

Вторую ключевую группу субъектов составляют медицинские учреждения, которые подразделяются на:

Государственные (учреждения Министерства здравоохранения, специализированные центры, клиники);

Частные (медицинские центры, частные клиники, диагностические лаборатории);

Иные формы (НПО, благотворительные организации, оказывающие медицинские услуги).

Согласно статье 7 Закона, в Узбекистане действует единая система здравоохранения, охватывающая как государственный, так и частный сектор⁵. Государственные учреждения обязаны оказывать гарантированную бесплатную помощь в пределах установленного объёма, в то время как

³ Закон Республики Узбекистан «Об охране здоровья граждан», статья 19.

⁴ Закон Республики Узбекистан «Об охране здоровья граждан», статья 14.

⁵ Закон Республики Узбекистан «Об охране здоровья граждан», статья 7.

частные учреждения предоставляют услуги за плату, но также участвуют в обеспечении льготных категорий граждан медицинской помощью (ст. 10).

Следующую группу составляют медицинские и фармацевтические работники – физические лица, обладающие специальным образованием, допущенные к осуществлению медицинской или фармацевтической деятельности на основании диплома и лицензии (ст. 41).

Их правовой статус определяет баланс между:

- профессиональной обязанностью (оказание помощи, соблюдение врачебной тайны, участие в экспертизе);
- правами (на труд, ассоциации, защиту в случае правонарушений);
- дисциплинарной и уголовной ответственностью за ненадлежащее выполнение своих обязанностей⁶.

Отдельное внимание в Законе уделено Присяге врача Республики Узбекистан (ст. 44), в которой закреплены нравственные и правовые стандарты поведения врача по отношению к пациентам.

Особую группу субъектов составляют государственные органы, в первую очередь:

- Кабинет Министров Республики Узбекистан;
- Министерство здравоохранения;
- Органы местного самоуправления;

Их полномочия включают:

- формирование и реализацию государственной политики в сфере здравоохранения;

⁶ Закон Республики Узбекистан «Об охране здоровья граждан», статья 41.
SJIF:5.219

- финансирование и контроль системы здравоохранения;
- издание нормативных актов и обеспечение санитарно-эпидемиологического благополучия.

Органы власти не только координируют медицину, но и выступают гарантом прав граждан в этой сфере, включая реализацию целевых программ, разработку стандартов, контроль качества медицинской помощи.

Объектами медицинских правоотношений выступают те явления и блага, по поводу которых и ради которых осуществляется взаимодействие между субъектами. В сфере охраны здоровья такими объектами являются, прежде всего, жизнь и здоровье человека, а также связанные с ними медицинские услуги, информация, технологии, документы, средства и ресурсы.

Согласно статье 13 Закона Республики Узбекистан «Об охране здоровья граждан», здоровье граждан – это объект конституционной охраны, и государство несёт ответственность за его обеспечение вне зависимости от возраста, пола и иных характеристик⁷.

Право на охрану здоровья признано неотъемлемым и неделимым, а его реализация охватывает не только оказание медицинской помощи, но и профилактику, реабилитацию, санитарное благополучие, информационную поддержку, защиту от дискриминации и вредных факторов.

Таким образом, здоровье как объект отношений включает: физическое и психическое состояние человека; результаты его лечения и

⁷ Закон Республики Узбекистан «Об охране здоровья граждан», статья 13.
SJIF:5.219

реабилитации; профилактические меры, направленные на его улучшение; условия труда и быта, влияющие на здоровье.

Юридически здоровье гражданина является охраняемым благом, а причинение ему вреда (в том числе в медицинской сфере) влечёт гражданско-правовую, административную и уголовную ответственность (см. также ст. 46 Закона)⁸.

К числу объектов также относятся медицинские услуги, включая:

Первичную медико-санитарную помощь;

Неотложную и скорую медицинскую помощь;

Специализированную помощь;

Медико-социальное обслуживание, в том числе для лиц с инвалидностью и хроническими заболеваниями.

Каждая медицинская услуга является не только практическим действием, но и юридически значимым объектом, за качество и последствия которого несёт ответственность субъект — медучреждение или специалист. Медицинские услуги, выходящие за пределы государственного гарантийного объёма, рассматриваются как платные и также подпадают под гражданско-правовое регулирование (ст. 8 Закона)⁹.

Особое место среди объектов медицинских отношений занимает информация о состоянии здоровья, диагнозе, методах лечения, прогнозах и результатах. Эта информация:

Относится к числу персональных и чувствительных данных;

⁸ Закон Республики Узбекистан «Об охране здоровья граждан», статья 46.

⁹ Закон Республики Узбекистан «Об охране здоровья граждан», статья 8.

Охраняется в рамках института врачебной тайны;

Может быть передана только с согласия гражданина или в строго определённых случаях (угроза эпидемии, следствие, опека и т.п.).

Пациент имеет право на:

Получение достоверной информации о своём здоровье;

Выбор лица, которому будет передана медицинская информация;

Ограничение распространения информации без согласия¹⁰.

Объектами медицинских отношений также являются:

- лекарственные средства и изделия медицинского назначения;
- медицинская техника и технологии;
- дезинфекционные средства;
- методы диагностики и лечения.

Их применение допускается только при наличии разрешения от Министерства здравоохранения, а использование экспериментальных технологий требует добровольного письменного согласия пациента. Эти средства, будучи предметом нормативной сертификации, лицензирования и госрегистрации, становятся одновременно и объектами правовых, и объектами медицинских отношений¹¹.

Также объектом являются документы, фиксирующие ход оказания медицинской помощи: амбулаторные карты; истории болезни; заключения экспертиз; рецепты; листы нетрудоспособности; выписки и иные документы.

¹⁰ Закон Республики Узбекистан «Об охране здоровья граждан», статья 25.

¹¹ Закон Республики Узбекистан «Об охране здоровья граждан», статья 34.

Документы обладают юридической значимостью и могут быть использованы в суде в качестве доказательств. Согласно Закону, ведение медицинской документации обязательно как в государственных, так и в частных учреждениях. Их правильность и полнота отражают не только качество помощи, но и соблюдение прав пациента.

Медицинские правоотношения строятся на основе взаимной связи между субъектами (гражданами, врачами, учреждениями, государством) и объектами (здоровье, медицинские услуги, информация и технологии). Эта взаимосвязь представляет собой сложный правовой механизм, в котором каждая сторона наделяется определёнными правами и обязанностями, регулируемые нормами национального законодательства.

Правовая связь между субъектами и объектами в медицинской сфере может возникать на следующих основаниях:

Заключение договора между пациентом и медицинской организацией (например, на оказание платных услуг);

Обращение за бесплатной медицинской помощью, гарантия которой закреплена в ст. 8 Закона «Об охране здоровья граждан»¹²;

Назначение обязательной медицинской помощи государством в рамках санитарных или чрезвычайных мероприятий;

Предъявление претензий и исков, связанных с причинением вреда здоровью.

Таким образом, правовые отношения возникают как на основании волеизъявления сторон, так и в силу закона или публичного интереса.

¹² Закон Республики Узбекистан «Об охране здоровья граждан», статья 8.
SJIF:5.219

Правовое регулирование предусматривает:

реализацию прав пациента (обращение за помощью, получение информации, отказ от вмешательства);

обязанности медицинского учреждения (оказание квалифицированной помощи, ведение документации, соблюдение врачебной тайны);

ответственность государства за финансирование, санитарное благополучие, организацию сети учреждений и контроль за качеством помощи (ст. 4–6 Закона).

Таким образом, каждый субъект медицинских отношений ориентирован на защиту конкретного объекта:

Пациент – на здоровье и информацию;

Врач – на профессиональное действие, направленное на результат;

Государство – на охрану общественного здоровья и санитарную безопасность.

Это взаимодействие формирует юридическую триаду:

субъект → действие/услуга → объект, которая конкретизируется в зависимости от ситуации (например, при вакцинации, лечении в стационаре, праве на получение справки о болезни и т.д.).

Объекты медицинских отношений находятся под разными правовыми режимами, включая: режим охраняемого личного блага (жизнь и здоровье); режим конфиденциальной информации (врачебная тайна); режим сертифицированной продукции (лекарства, оборудование); режим защищённых персональных данных.

Таким образом, объекты в сфере здравоохранения подлежат особой защите, включая: ограничения на вмешательство; ответственность за ущерб; обязанность соблюдения этических и деонтологических норм.

С целью обеспечения баланса интересов субъектов и защиты объектов действуют следующие гарантии:

Право на судебную защиту — ст. 47 Закона Республики Узбекистан «Об охране здоровья граждан»;

Обязанность информирования пациента — ст. 24–26 Закона Республики Узбекистан «Об охране здоровья граждан»;

Возможность обжалования действий органов и врачей — в суд, министерство, прокуратуру;

Государственный контроль через лицензирование, стандартизацию, санитарно-эпидемиологический надзор (ст. 5, 6, 34, 35 Закона Республики Узбекистан «Об охране здоровья граждан»);

Нормативная база, включающая акты Кабинета Министров и приказы Минздрава, регулирующие применение технологий, предоставление льгот, стандарты диагностики и лечения.

Таким образом, правовая система обеспечивает неразрывную связь между субъектами и объектами медицинских отношений, закрепляя: права и обязанности; условия их реализации; ответственность за нарушения.

Это создаёт юридическую модель здравоохранения, в которой приоритетом является сохранение здоровья человека и обеспечение его права на качественную и своевременную помощь.

Анализ законодательства Республики Узбекистан в сфере охраны здоровья граждан, прежде всего Закона «Об охране здоровья граждан», позволяет сделать вывод о том, что правовые медицинские отношения являются комплексным, многослойным институтом, включающим как публичные, так и частноправовые элементы.

Во-первых, субъектами медицинских отношений выступают:

граждане как обладатели права на охрану здоровья;

медицинские и фармацевтические работники, реализующие профессиональную деятельность в соответствии с этическими и правовыми стандартами;

медицинские учреждения и организации, обеспечивающие оказание медицинской помощи;

государственные органы, определяющие политику, регулирующие, финансирующие и контролирующие сферу здравоохранения.

Субъекты обладают разной правосубъектностью, но их объединяет участие в едином механизме реализации права на здоровье, защищённого как на национальном, так и международном уровнях.

Во-вторых, объекты медицинских отношений также являются юридически значимыми категориями. К ним относятся:

жизнь и здоровье как основные нематериальные блага человека;

медицинские услуги и действия, оказываемые с целью сохранения и восстановления здоровья; медицинская информация, подлежащая защите; технологии, лекарственные средства и документация, применяемые в лечебно-диагностических целях.

Каждый объект регулируется определённым нормативным режимом, исходя из его значимости, чувствительности и социальной функции.

В-третьих, центральным элементом медицинских правоотношений является взаимодействие между субъектами и объектами на основе принципов законности, гуманизма, приоритета прав пациента, доступности медицинской помощи и профилактики заболеваний.

Особенностью этих правоотношений является также наличие этического измерения, что особенно актуально для врачей, несущих как юридическую, так и моральную ответственность за результаты своей деятельности¹³.

В-четвёртых, законодательство Узбекистана в полной мере закрепляет: механизмы реализации прав на медицинскую помощь; гарантии качества и безопасности медицинских услуг; ответственность субъектов за нарушение прав и причинение вреда здоровью; правовые формы взаимодействия между всеми участниками здравоохранения.

Таким образом, субъектно-объектная структура медицинских правоотношений представляет собой динамичную и юридически сложную систему, охватывающую не только физическое и юридическое лицо, но и социально значимые, охраняемые законом объекты, такие как здоровье, жизнь и информация.

Совершенствование регулирования этой сферы требует дальнейшего развития нормативной базы, усиления защиты пациентов, внедрения

¹³ Брыксина И.В. Медицинская этика и деонтология: Учебник. — М.: ГЭОТАР-Медиа, 2022.

цифровых технологий с соблюдением врачебной тайны, а также повышения правовой культуры субъектов медицинских отношений.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Абдуллаев Ш.Х. Возмещение вреда, причиненного здоровью пациента: правовые аспекты. // Юридическая наука и практика: журнал НФ «Ташкентский государственный юридический университет», 2021. № 2. С. 37–44.
2. Гражданский кодекс Республики Узбекистан.
3. Хакимов Р.А. Медицинское право Узбекистана: вопросы теории и практики. – Ташкент: «Юридическая литература», 2022. – 184 с.
4. Конституция Республики Узбекистан.
5. Закон Республики Узбекистан «О здоровье населения».
6. Закон Республики Узбекистан «О медицинской деятельности».
7. Закон Республики Узбекистан «О защите прав потребителей».
8. Международный пакт о гражданских и политических правах (Нью-Йорк, 1966 г.).
9. Всемирная медицинская ассоциация. Декларация о правах пациента, 2005.
10. Конвенция о правах человека и биомедицине (Овьедская конвенция), 1997 г.

АРБИТРАЖ И МЕДИАЦИЯ КАК ИНСТРУМЕНТЫ ЭФФЕКТИВНОГО РАЗРЕШЕНИЯ КОРПОРАТИВНЫХ СПОРОВ

Ахадова Мадинабону Асрор кизи

Магистрант Ташкентского государственного юридического университета

E-mail: axadovamadinabonu56@gmail.com

***Аннотация:** в статье анализируются современные проблемы, возникающие в сфере корпоративных споров в условиях формирования рыночной экономики Узбекистана. Отражается тенденция увеличения числа конфликтов между участниками корпоративных правоотношений и подчеркивается важность их результативного разрешения. Основное внимание уделяется альтернативным способам урегулирования споров — арбитражу и медиации, раскрываются их юридическая сущность, порядок применения, сильные и слабые стороны. Освещаются нормы Закона Республики Узбекистан «О медиации», Закона Республики Узбекистан «О международном коммерческом арбитраже», а также других правовых актов. Подчеркивается значимость использования арбитража и медиации как более действенных и быстрых инструментов разрешения корпоративных споров. Также в статье обозначаются существующие трудности, сдерживающие широкое внедрение данных методов в Узбекистане, и приводятся предложения по обеспечению их эффективного функционирования в корпоративной практике страны.*

***Ключевые слова:** Корпоративное право, корпоративные споры, юридическое лицо, юридический адрес, альтернативное разрешение споров, судебное урегулирование, судебный процесс, медиация, медиатор, арбитраж, арбитражный центр, арбитр, арбитражное соглашение.*

ARBITRATION AND MEDIATION AS TOOLS FOR EFFECTIVE RESOLUTION OF CORPORATE DISPUTES

Akhadova Madinabonu Asror qizi

Master student of Tashkent State University of law

E-mail: axadovamadinabonu56@gmail.com

Abstract: *the article analyzes current issues arising in the field of corporate disputes amid the development of a market economy in Uzbekistan. It highlights the increasing number of conflicts among participants in corporate legal relations and emphasizes the importance of their effective resolution. Special attention is given to alternative dispute resolution methods—arbitration and mediation—explaining their legal nature, procedures, advantages, and disadvantages. The article discusses the provisions of the Law of the Republic of Uzbekistan "On Mediation," the Law "On International Commercial Arbitration," and other regulatory acts. It underscores the relevance of using arbitration and mediation as more efficient and faster tools for resolving corporate conflicts. The article also identifies existing problems hindering the widespread adoption of these methods in Uzbekistan and offers recommendations for ensuring their effective implementation in the corporate environment of the country.*

Keywords: *Corporate law, corporate disputes, legal entity, legal address, alternative dispute resolution, court settlement, court process, mediation, mediator, arbitration, arbitration center, arbitrator, arbitration agreement.*

С углублением рыночных преобразований и активизацией предпринимательства в Узбекистане наблюдается не только рост позитивных экономических тенденций, но и увеличение числа правовых разногласий между участниками корпоративных взаимоотношений. Среди них особенно

выделяются корпоративные споры, которые отличаются сложностью и значимостью, в частности, в случае конфликтов между учредителями, акционерами и руководителями организаций. Следует подчеркнуть, что согласно статье 25 Экономического процессуального кодекса Республики Узбекистан: «Дела по корпоративным спорам, за исключением трудовых споров, подведомственны экономическому суду Республики Узбекистан» [1]. Однако, как известно, судебное разрешение споров может быть длительным и дорогостоящим процессом, что делает его менее предпочтительным для субъектов корпоративных отношений, заинтересованных в оперативном разрешении разногласий. В связи с этим альтернативные способы урегулирования споров, включая арбитраж и медиацию, становятся важными средствами в процессе разрешения корпоративных конфликтов [2].

Медиация представляет собой процесс, при котором нейтральное лицо помогает сторонам достичь взаимоприемлемого соглашения. В Узбекистане медиация активно используется с целью ускорения разрешения конфликтов. Принятый в 2018 году Закон Республики Узбекистан «О медиации» значительно упростил внесудебное урегулирование споров. Важно отметить, что процедура медиации может применяться как до обращения в суд, так и на различных этапах судебного разбирательства – вплоть до стадии вынесения решения, а также при исполнении судебных актов и решений других органов. В соответствии со статьей 22 Закона Республики Узбекистан «О медиации» указано: «Стороны по взаимному согласию выбирают одного или нескольких медиаторов для проведения

процедуры медиации. Условия и порядок проведения медиации
SJIF:5.219

определяются соглашением о проведении процедуры медиации. Что касается срока, то срок её проведения определяется соглашением о проведении процедуры медиации. При этом медиатор и стороны должны стремиться завершить процедуру в течение 30 дней. При необходимости этот срок может быть продлён ещё на 30 дней, но только с согласия обеих сторон» [3].

Преимущества процедуры медиации заслуживают отдельного внимания. К числу таких преимуществ относится следующее:

Во-первых, следует указать на оперативность медиации. В отличие от судебного процесса, который может растягиваться на месяцы и даже годы, медиация проводится в кратчайшие сроки. Другими словами, это процедура, позволяющая быстрее прийти к решению, чем через суд, что особенно важно для представителей бизнеса, стремящихся минимизировать временные издержки и быстро восстановить деловые отношения [4];

Во-вторых, отличительной чертой медиации является гибкость и активное участие сторон в процессе. В отличие от судебного разбирательства, где решение принимает судья, в медиации стороны сами вырабатывают условия соглашения, совместно обсуждая пути выхода из конфликта. Такой подход позволяет достичь компромисса, приемлемого для обеих сторон, и способствует сохранению партнёрских отношений [4];

Третье значимое преимущество – это возможность сохранения и укрепления деловых и личных связей между сторонами. Медиация ориентирована на конструктивное взаимодействие и восстановление доверия, а не на конфронтацию. Это особенно важно в корпоративной сфере, где между участниками часто существуют длительные деловые или личные

SJIF:5.219

отношения. В процессе медиации создаётся атмосфера взаимного уважения и конфиденциальности, что содействует достижению конструктивного результата [5].

Тем не менее, у процедуры медиации имеются и определённые недостатки:

«Зависимость от готовности сторон к диалогу» – эффективность медиации во многом определяется стремлением участников к конструктивному взаимодействию. То есть успех процедуры напрямую зависит от того, насколько стороны заинтересованы в открытом обсуждении спорной ситуации и поиске взаимного компромисса. При отсутствии желания одной из сторон к переговорам процедура становится формальностью и теряет смысл, что может привести к затягиванию спора;

«Ограниченные возможности» – в том смысле, что медиация не всегда подходит для сложных дел, требующих глубокого юридического анализа [5].

Несмотря на обозначенные ограничения, медиация по-прежнему является действенным средством разрешения корпоративных споров, особенно там, где важно сохранить партнёрские отношения и достичь обоюдоприемлемого результата.

За последние десятилетия арбитраж получил широкое распространение и признание как эффективный способ разрешения корпоративных споров, особенно в международной практике. Он позволяет сторонам избежать разбирательств в судах общей юрисдикции, что особенно актуально в условиях глобализованного бизнеса, функционирующего в

разных правовых системах. Важно подчеркнуть, что в феврале 2021 года в Узбекистане был принят Закон «О международном коммерческом арбитраже», регулирующий порядок заключения арбитражных соглашений, назначения арбитров и ведения арбитражного разбирательства.

Согласно статье 5 указанного закона: «Арбитраж» представляет собой способ разрешения спора, осуществляемый как постоянно действующим арбитражным учреждением, так и арбитражным судом, созданным специально для конкретного дела. Также в данной статье даётся определение арбитра: это физическое лицо, назначенное сторонами по соглашению для рассмотрения спора в рамках арбитражной процедуры [6].

Вместе с тем, стоит выделить понятие арбитражного соглашения. Как указано в статье 12 вышеуказанного закона: «Арбитражное соглашение – это договорённость между сторонами о передаче на разрешение арбитража всех или отдельных споров, возникших или могущих возникнуть между ними по определённым правоотношениям, независимо от их договорного характера. Такое соглашение оформляется письменно и считается заключённым при наличии его содержания в любой зафиксированной форме, даже если оно не является отдельным договором» [6].

Особо отмечается, что стороны могут самостоятельно определить количество арбитров, а в случае отсутствия такой договорённости их будет трое. Арбитр может быть отведён при наличии обстоятельств, вызывающих сомнения в его беспристрастности или несоответствии требованиям соглашения. Полномочия арбитра также прекращаются, если он неспособен

исполнять свои функции по юридическим или иным причинам либо добровольно отказывается от их осуществления.

Кроме того, стороны вправе самостоятельно определить место арбитражного разбирательства. При отсутствии согласованного места оно устанавливается арбитражным судом с учётом обстоятельств дела. Также стороны могут согласовать язык или языки арбитражного процесса.

Известно, что в 2019 году по инициативе Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева при Торгово-промышленной палате был создан Ташкентский международный арбитражный центр. Целью его создания является развитие механизмов разрешения споров через международный арбитраж и иные альтернативные способы. Это делает арбитраж востребованным среди международных компаний, так как он обеспечивает эффективную и безопасную процедуру разрешения разногласий. Квалифицированные арбитры и грамотно выбранный арбитражный центр позволяют оперативно и справедливо решать корпоративные конфликты, повышая предсказуемость в бизнесе.

Исходя из изложенного, можно сделать вывод, что арбитраж и медиация основываются на ряде ключевых принципов, таких как:

Добровольность – спор может быть передан в арбитраж или медиацию только по согласию сторон, навязать такой порядок невозможно;

Нейтральность и беспристрастность – медиаторы и арбитры должны оставаться независимыми и не заинтересованными в исходе спора;

Конфиденциальность – вся информация, полученная в ходе процедуры, не подлежит разглашению;

Равенство сторон – каждая сторона имеет равные возможности в процессе, включая представление доказательств и выражение позиции;

Автономия воли – стороны самостоятельно определяют правила процедуры, место, язык и регламент.

Эти принципы укрепляют доверие к альтернативным способам разрешения корпоративных конфликтов, особенно с учётом того, что конфиденциальность, оперативность и гибкость играют важную роль в деловой среде.

Несмотря на позитивные сдвиги в правовом регулировании альтернативных методов разрешения корпоративных споров, практика их применения в Узбекистане сталкивается с рядом проблем, к числу которых относятся:

Недостаточный уровень правовой информированности среди участников корпоративных споров.

Отсутствие арбитражных центров в ряде регионов страны, ограничивающее доступ к их услугам.

Недостаточная осведомлённость субъектов корпоративных отношений о преимуществах альтернативных процедур по сравнению с судебной системой.

Недостаток экономических стимулов, побуждающих к выбору медиации или арбитража.

Для повышения эффективности арбитража и медиации в Узбекистане целесообразно реализовать следующие инициативы:

«Разработка государственной образовательной программы в сфере альтернативного разрешения споров» – инициатива Министерства юстиции по обучению бизнес-сообщества и юристов через семинары, платформы и курсы.

«Создание сети арбитражных учреждений в регионах» – для расширения доступа к арбитражу по всей территории страны.

«Проведение информационной кампании в поддержку медиации и арбитража» – разъяснение преимуществ через специалистов, юристов и медиаторов.

Подводя итоги, можно заключить, что арбитраж и медиация являются действенными формами разрешения корпоративных споров, которые позволяют разгрузить судебную систему, ускорить разрешение споров и сохранить партнёрские отношения. Их сущность базируется на добровольности, конфиденциальности и ориентации на согласие, что делает их особенно актуальными в условиях рыночной экономики и роста предпринимательства.

В Узбекистане реализуются меры по институциональному закреплению этих процедур: принятие профильных законов, учреждение Ташкентского международного арбитражного центра при ТПП, разработка иных нормативных актов – всё это свидетельствует о стремлении выстроить современную систему альтернативного разрешения споров. Однако сохраняющиеся трудности – от слабой правовой информированности до нехватки инфраструктуры в регионах – говорят о необходимости комплексной государственной поддержки и реформ.

Преодоление этих барьеров возможно лишь при реализации системной государственной политики, включающей популяризацию альтернативных процедур, развитие инфраструктуры, правовое просвещение и создание экономических стимулов. Такой подход позволит внедрить медиацию и арбитраж в повседневную практику бизнеса и укрепить доверие к ним как справедливым, эффективным и конструктивным способам разрешения корпоративных конфликтов.

В заключении стоит подчеркнуть, что затягивание разрешения корпоративных споров, а также игнорирование их коренных причин могут привести к тяжёлым правовым, экономическим и имиджевым последствиям как для компаний, так и для их участников. В условиях высокой конкуренции и открытого рынка даже небольшой конфликт может перерасти в управленческий кризис, остановить деятельность предприятия, привести к утрате контроля над бизнесом и его банкротству.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Экономический процессуальный кодекс Республики Узбекистан от 24.01.2018 г. № ЗРУ–461.
2. Омонжонова К., Ачилова Л. Эффективность альтернативных методов разрешения коммерческих споров: сравнительный анализ арбитража и медиации // Общество и инновации. 2024. Т. 5, № 3/С. С. 125–130.
3. Закон Республики Узбекистан «О медиации» от 03.07.2018 г. № ЗРУ–482.

4. Дадмирзаева Д. Особенности процедуры медиации в Республике Узбекистан // International Journal of Scientific Researchers. 2024. Vol. 3, Issue 2. С. 169–176.
5. Хайрулина А., Хабибуллаев Д. Медиация как новый вид альтернативных способов разрешения споров в Узбекистане // CyberLeninka. 2021.
6. Закон Республики Узбекистан «О международном коммерческом арбитраже» от 16.02.2021 г. № ЗРУ–674.

MEROS SHARTNOMASIDA SUBYEKTLARNING HUQUQ VA MAJBURIYATLARI: QIYOSIY-HUQUQIY TAHLIL VA O‘ZBEKISTON UCHUN TATBIQ ETISH ISTIQBOLLARI

Abdiyeva Shaxrizoda Amirqul qizi

Toshkent davlat yuridik universiteti Magistratura va sirtqi ta’lim fakulteti Xalqaro
tijorat huquqi yo‘nalishi magistranti

Anotatsiya: meros — bu nafaqat mol-mulk, balki iroda, ishonch va mas’uliyat hamdir. Maqolada aynan shu jihatdan kelib chiqib, meros shartnomasi institutining huquqiy mohiyati va uning subyektlari bo‘lgan shaxslar — meros qoldiruvchi va merosxo‘rning o‘zaro huquqlari va majburiyatlari tahlil etiladi. Meros shartnomasi bir tomonlama vasiyatdan farqli o‘laroq, o‘zaro ishonch va shartnomaviy mas’uliyatga asoslangan bo‘lib, ijtimoiy barqarorlik va huquqiy aniqlikni ta’minlashda muhim vosita sifatida namoyon bo‘ladi. Maqolada xorijiy davlatlarning huquqiy tizimlaridagi ilg‘or amaliyotlarga suyangan holda, O‘zbekiston huquq tizimida meros shartnomasi institutini joriy etishning huquqiy va amaliy asoslari yoritiladi. Shuningdek, meros munosabatlarini modernizatsiya qilish orqali fuqarolarning mulkiy huquqlarini samarali himoya qilish va vorislik sohasidagi nizolarning oldini olish kabi istiqbolli yo‘nalishlar ko‘rsatiladi.

Kalit so‘zlar: meros huquqi, meros shartnomasi, meros shartnomasining tomonlari, meros qoldiruvchi va merosxo‘rning huquq va majburiyatlari, shartnoma tuzish erkinligi, meros shartnomasi institutini milliy qonunchilikka takomillashtirish.

Kirish

Hozirgi zamon fuqarolik va meros huquqi rivojlanish tendensiyalari mulkiy munosabatlarni tartibga solishda shartnomaviy mexanizmlarni

kengaytirishga qaratilgan. Bundan tashqari meros munosabatlari O‘zbekiston Respublikasi Konstitutsiyasining 41-moddasida ham qonun mustahkamlab qo‘yilgan¹. Ana shunday mexanizmlardan biri — meros shartnomasi bo‘lib, u vasiyatnomadan farqli ravishda ikki yoki undan ortiq shaxslar o‘rtasida tuziladigan bitim sifatida, meros qoldiruvchining o‘limidan keyin uning mulki qanday taqsimlanishini oldindan belgilab qo‘yadi.

Mazkur institut Germaniya, Shveysariya, Avstriya, Rossiya va boshqa rivojlangan romano-german huquqiga mansub mamlakatlarda keng qo‘llaniladi. O‘zbekiston Respublikasi amaldagi fuqarolik qonunchiligida esa meros shartnomasi instituti hali mavjud emas. Biroq amaliyot va ijtimoiy ehtiyoj bu kabi shartnomaning joriy etilishini taqozo etmoqda.

Meros shartnomasi — bu meros qoldiruvchi va uning ehtimoliy vorislari o‘rtasida tuziladigan shartnoma bo‘lib, unda mol-mulk meros qoldiruvchining o‘limidan keyin qanday va kimlarga o‘tadi, shuningdek, voris qanday majburiyatlarni bajarishi lozimligi belgilab qo‘yiladi. Bu shartnoma vasiyatnomadan farqli ravishda, o‘zaro huquq va majburiyatlar yuzaga kelishiga asoslanadi, bu esa huquqiy aniqlikni ta‘minlash va kelajakdagi nizolarni bartaraf etish imkonini beradi.

Meros huquqining subyektlari meros qoldiruvchi va merosxo‘rga ajratib talqin qilinadi. Merosxo‘r sifatida faqatgina jismoniy shaxs bo‘lishi mumkin. Merosxo‘r — meros ochilgan paytda hayot bo‘lgan fuqarolar hamda meros qoldiruvchining hayotlik paytida homila holatida bo‘lgan va meros ochilgandan

¹ O‘zbekiston Respublikasining Konstitutsiyasi (01.05.2023 yilda kuchga kirgan., 03/23/837/0241-son) Elektron manbaa <https://lex.uz/docs/6445145>.
SJIF:5.219

keyin tirik tug‘ilgan bolalari vasiyat va qonun bo‘yicha merosxo‘r bo‘lishlari mumkin.

Vasiyat bo‘yicha har qanday shaxs — qarindoshlik aloqasi va darajasidan qat’iy nazar, qonun bo‘yicha esa marhumning oila a‘zolari, qarindoshlari hamda qaramog‘ida bo‘lgan shaxslar merosxo‘r bo‘lishi mumkin.

Meros shartnomasining subyektlari — bu mazkur shartnomani tuzishda ishtirok etuvchi tomonlardir. Meros shartnomasining ishtirokchilari bo‘lib quyidagilar hisoblanadi, ya’ni O‘zbekiston Respublikasi Fuqarolik kodeksining 22-moddasiga ko‘ra, fuqaroning o‘z harakatlari bilan fuqarolik huquqlariga ega bo‘lishi va ularni amalga oshirishi, o‘zi uchun fuqarolik burchlarini vujudga keltirishi va ularni bajarishi layoqatiga, yani muomala layoqatiga ega bo‘lishi, u voyaga yetgach, ya’ni o‘n sakkiz yoshga to‘lgach to‘la hajmda vujudga kelishi belgilab o‘tilgan. Shuningdek, ushbu kodeksning 30-moddasiga ko‘ra, ruhiy kasalligi yoki aqli zaifligi oqibatida o‘z harakatlarining ahamiyatini tushuna olmaydigan yoki ularni boshqara olmaydigan fuqaroni sud qonunchilikda belgilab qo‘yilgan tartibda muomalaga layoqatsiz deb topishi va bunday fuqaroga vasiylik belgilanishi ko‘rsatib o‘tilgan. Yuqoridagi qonun talablaridan kelib chiqadigan bo‘lsak, meros shartnomasi ishtirokchilari 18 yoshga to‘lgan, muomala layoqatiga ega bo‘lgan fuqaro bo‘ligshi kerak. Asosiy subyektlar quyidagilar hisoblanadi, ya’ni meros qoldiruvchi – o‘zining vafotidan keyin mulki qanday tartibda va kimga o‘tishini belgilovchi shaxs hisoblanadi. Meros qoldiruvchi sifatida to‘liq muomala layoqatiga ega bo‘lgan jismoniy shaxs ishtirok etishi mumkin. Bu talab, avvalo, shartnomani tuzishda shaxsning ixtiyoriy va ongli ravishda qaror qabul qilishini

ta’minlash zaruratidan kelib chiqadi. Keyingi subyekt bu merosxo‘r - meros
SJIF:5.219

shartnomasiga muvofiq, meros olish huquqiga ega bo‘ladi yoki ayrim majburiyatlarni zimmasiga oladi. O‘zbekiston Respublikasi Fuqarolik kodeksining 1118-moddasida merosxo‘rlar sifatida kimlar hisoblanishi belgilangan bo‘lib, ularga quyidagilar kiradi: meros ochilgan paytda hayot bo‘lgan fuqarolar, shuningdek meros qoldiruvchining hayotlik paytida homila holida bo‘lgan va meros ochilgandan keyin tirik tug‘ilgan bolalar. Ular vasiyat va qonun bo‘yicha merosxo‘r bo‘lishlari mumkin. Shuningdek, meros ochilgan paytda tuzilib bo‘lgan yuridik shaxslar, davlat va fuqarolarning o‘zini o‘zi boshqarish organlari ham vasiyat bo‘yicha merosxo‘r bo‘lishlari mumkin².

O‘zbekiston Respublikasida merosni taqsimlash jarayonida merosxo‘rlar beshtalik navbat asosida merosni qabul qilishadi. O‘zbekiston Respublikasining Fuqarolik Kodeksiga ko‘ra, birinchi navbatdagi vorislar qatoriga - meros qoldiruvchining bolalari (shu jumladan farzandlikka olingan bolalari), eri (xotini) va ota-onasi (farzandlikka oluvchilar) teng ulushlarda qonun bo‘yicha birinchi navbatdagi vorislik huquqiga ega bo‘ladilar. Meros qoldiruvchining vafotidan keyin tug‘ilgan bolalari ham birinchi navbatdagi vorislar jumlasiga kiradilar.

Ikkinchi navbatdagi merosxo‘rlar tarkibiga - Meros qoldiruvchining tug‘ishgan hamda ona (ota) bir ota (ona) boshqa aka-ukalari va opa-singillari, shuningdek uning ham ota, ham ona tarafdin bobosi va buvisi teng ulushlarda qonun bo‘yicha ikkinchi navbatdagi vorislik huquqiga ega bo‘ladilar.

²O‘zbekiston Respublikasining Fuqarolik kodeksi 2-qism 1997-yil 1-martdan kuchga kirgan (22.04.2025 y., 03/25/1060/0373-son) <https://lex.uz/docs/180552>.
SJIF:5.219

Uchinchi navbatdagi merosxoʻrlar tarkibiga - Meros qoldiruvchining tugʻishgan amakisi, togʻasi, ammasi va xolasi teng ulushlarda qonun boʻyicha uchinchi navbatdagi vorislik huquqiga ega boʻladilar.

Toʻrtinchi navbatdagi merosxoʻrlar tarkibiga - Meros qoldiruvchining oltinchi darajagacha (oltinchi daraja ham shunga kiradi) boʻlgan boshqa qarindoshlari qonun boʻyicha toʻrtinchi navbatdagi vorislik huquqiga ega boʻladilar, bunda yaqinroq qarindoshlar uzoqroq qarindoshlarga nisbatan meros olishda imtiyozli huquqqa ega boʻladilar.

Beshinchi navbatdagi vorislik huquqiga ega boʻlgan shaxslar jumlasiga meros qoldiruvchining mehnatga qobiliyatsiz boqimlari kiradi. Oʻzbekiston Respublikasi Fuqarolik kodeksiga koʻra, meros qoldiruvchining mehnatga qobiliyatsiz boqimlari jumlasiga quyidagi shaxslar kiradi, yaʼni Meros qoldiruvchining vafotiga qadar kamida bir yil uning qaramogʻida boʻlgan va u bilan birgalikda yashagan mehnatga qobiliyatsiz shaxslar qonun boʻyicha merosxoʻrlar jumlasiga kiradi. Qonun boʻyicha boshqa merosxoʻrlar boʻlgan taqdirda, mehnatga qobiliyatsiz boqimlar vorislikka chaqirilayotgan navbatning merosxoʻrlari bilan birgalikda meros oladilar³.

Mehnatga qobiliyatsiz fuqarolar deganda voyaga yetmagan, yaʼni 18 yoshga toʻlmagan shaxslar, nogironlik guruhi qayd etilganlar, 60 yoshdan oshgan erkaklar, 55 yoshdan oshgan ayollar hamda tibbiy xulosa asosida mehnatga layoqatsiz yoki nogiron deb topilgan fuqarolar tushuniladi⁴.

³Oʻzbekiston Respublikasining Fuqarolik kodeksi 2-qism 1997-yil 1-martdan kuchga kirgan (22.04.2025 y., 03/25/1060/0373-son)<https://lex.uz/docs/180552>.

⁴J.I. Yuldashev "Vorislik va oila huquqi". Darslik. yuridik fanlar doktori, professor O. Oqyulovning umumiy tahriri ostida. –T.: TDYUI nashriyoti, 2024. –31-b.

Meros qoldiruvchi vasiyatnoma tuzishda qonun bilan belgilangan majburiy ulush huquqiga ega shaxslarning huquqlarini buzmasligi kerak. O‘zbekiston Respublikasi Fuqarolik kodeksining 1142-moddasiga ko‘ra, majburiy ulush huquqiga ega shaxslar quyidagilarni o‘z ichiga oladi: voyaga yetmagan farzandlar yoki mehnatga layoqatsiz bo‘lgan farzandlar. Meros qoldiruvchining qaramog‘ida bo‘lgan va mehnatga layoqatsiz shaxslar (masalan, nogironlikka ega bo‘lgan yaqin qarindoshlar) Bu shaxslar merosning ma’lum bir qismiga, ya’ni “majburiy ulush”ga da’vo qilish huquqiga ega, hatto vasiyatnomada ularning nomi ko‘rsatilmagan bo‘lsa ham. Shuning uchun meros qoldiruvchi vasiyatnoma tuzayotganda ushbu shaxslarning huquqlarini hisobga olishi shart.

Meros shartnomasini tuzishning birinchi bosqichi sifatida meros qoldiruvchi va merosxo‘r o‘rtasida shartlar bo‘yicha o‘zaro kelishuv amalga oshirilishi lozim. Ushbu jarayon tomonlarning ixtiyoriy roziligiga asoslanadi, ya’ni hech qanday majburlash, bosim yoki aldov holatlari mavjud bo‘lmasligi kerak. Bu holat O‘zbekiston Respublikasi Fuqarolik kodeksining 354-moddasida mustahkamlab qo‘yilgan bo‘lib, unda shartnoma tuzish erkinligi tamoyili belgilangan⁵. U vasiyatnomadan farqli o‘laroq, tomonlarning o‘zaro roziligi va majburiyatlariga asoslanadi. Nemis olimlari, xususan, Rainer Frank ta’kidlaganidek, meros shartnomasi shartnoma huquqi va meros huquqining sintezi sifatida mulkiy munosabatlarni tartibga solishda barqarorlikni ta’minlaydi⁶.

⁵O‘zbekiston Respublikasining Fuqarolik kodeksi 2-qism 1997-yil 1-martdan kuchga kirgan (22.04.2025 y., 03/25/1060/0373-son)<https://lex.uz/docs/180552>

⁶ Германское гражданское уложение: Вводный закон к Германскому уложению: перевод с немецкого / Науч. Ред. А.Л.Маяковский и др. – 2-е издание, доп. Науч. – М.:ВолтерсКлувер, 2006. –с.534.

Meros shartnomasining ilk belgilari Rim xususiy huquqida ham, vasiyatnomaga binoan va qonun bo'yicha meros qilish tartiblari bilan bir qatorda kuzatilgan. Bu yerda u "ishonchli bitim" (pactum fiduciae) deb nomlangan. Mazkur bitimga muvofiq, oila boshlig'i emancipatsiya qilingan o'g'illarining mulkdagi ulushiga meros huquqi asosida da'vo qilish huquqiga ega bo'lgan, bu esa o'zaro kelishuvga asoslangan. Rimlik yuristlar tomonidan ilk bor meros shartnomasining huquqiy tushunchasi, ya'ni "o'lim holatida mulkni tantanali topshirish to'g'risidagi huquqiy kuchga ega bo'lgan harakat" va ushbu mulkni qabul qiluvchi "tabiiy merosxo'r maqomini olgan shaxs" sifatida umumiy yondashuv shakllantirilgan⁷. "Boshqa nemis olimi L. Graf esa meros shartnomasini quyidagicha ta'riflaydi: "bu ikki yoki undan ortiq shaxs tomonidan tuziladigan o'lim holatiga oid tasarruf bo'lib, unga ko'ra meros qoldiruvchi shartnomaning boshqa tomonini yoki uchinchi shaxsni o'zining merosxo'ri sifatida tayinlaydi⁸." O'zbekiston qonunchiligida meros shartnomasi alohida institut sifatida aniq tartibga solinmagan bo'lsa-da, u shartnoma huquqining umumiy qoidalari va meros huquqiga oid normalar asosida amalga oshiriladi. Meros shartnomasida meros qoldiruvchi mulkni kimga, qanday shartlar asosida va qaysi hajmda o'tkazishni belgilash huquqiga ega. Merosxo'r ham o'z o'rnida shartnomada ko'rsatilgan majburiyatlarni qabul qilish yoki rad etish huquqiga ega. Kelishuv jarayonida tomonlar mulkning turi (ko'chmas mulk, transport vositasi, qimmatli qog'ozlar va boshqalar), merosxo'rning majburiyatlari (masalan, moddiy yordam, parvarish) va

⁷Пучков О.А. Пучков В.О. Наследственный договор как особый институт гражданского права иностранных государств: общая характеристика и проблемы правового режима // Журнал «Правопорядок: история, теория и практика», №3 (10). – 2016. – с. 35

⁸Graf H.L. Nachla Brecht. Handbuch der Rechtspraxis. 8 Auflage. München: C.H. Beck'scheVerlagsbuchhandlung, 2010. – p.99.

shartnomaning amal qilish muddati kabi masalalarni muhokama qiladi. Masalan, meros qoldiruvchi o'z uyini merosxo'rga o'tkazishni shart qilib, buning evaziga merosxo'rdan hayoti davomida oylik xarajatlarni to'lashni talab qilishi mumkin. Kelishuv ixtiyoriy va qonuniy bo'lishi kerak. Agar shartnoma majburlash yoki aldash yo'li bilan tuzilsa, u haqiqiy emas deb topilishi mumkin. Meros shartnomasi yozma shaklda hamda notarial tasdiqlangan tartibda tuzilishi kerak va unda barcha shartlar aniq va ravon ko'rsatilgan bo'lishi lozim. Shartnoma matnida tomonlarning shaxsiy ma'lumotlari, mulkning aniq tavsifi, merosxo'ring majburiyatlari va shartnomaning amal qilish shartlari kabi muhim jihatlar kiritiladi. Shartnomada noaniqliklar yoki ikki xil talqin qilishga imkon beruvchi iboralar bo'lmasligi kerak, chunki bu kelajakda nizolarga olib kelishi mumkin.

Shartnoma majburiy ulush huquqiga ega shaxslarning (voyaga yetmagan farzandlar, mehnatga layoqatsiz qaramog'idagilar) huquqlarini buzmasligi kerak. Meros shartnomasining vasiyatnomadan farqiga to'xtaladigan bo'lsak, vasiyatnoma bir tomonlama bitim bo'lib, faqat meros qoldiruvchining xohishiga asoslanadi. Meros shartnomasi esa ikki tomonlama kelishuv bo'lib, merosxo'ring roziligi va majburiyatlarini talab qiladi. Bu xususiyat uni yanada barqaror va nizolarni kamaytiruvchi mexanizmga aylantiradi.

Meros shartnomasi faqat uning tomonlari hayotligida o'zgartirilishi mumkin. Meros qoldiruvchining merosxo'ri vafot etgan taqdirda, meros shartnomasi bekor qilinadi, chunki meros shartnomasi ishtirokchisi o'rniga vakillik huquqi asosida meros olishga yo'l qo'yilmaydi. Meros shartnomasi shartlarini o'zgartirish bo'yicha tomonlar o'zaro kelishuvga muzokaralar orqali yoki sudga

murojaat qilish yo‘li bilan erishishlari mumkin. Mazkur kelishmovchiliklarni hal qilish maqsadida tomonlar meditatsiya tartibidan ham foydalanishlari mumkin.

Meros shartnomasi shartlarini bir tomonlama o‘zgartirishga yo‘l qo‘yilmaydi. Agar bunday holat yuz bersa, boshqa tomon bunday harakatni sud tartibida nizo qilish huquqiga ega bo‘ladi.

Meros munosabatlari fuqarolarning shaxsiy va mulkiy huquqlari kesishuvida turgan, o‘ta sezgir va huquqiy yechimni talab etuvchi munosabatlar toifasidandir. Amaliyotda vasiyatnomalarning mavjud emasligi, noto‘g‘ri rasmiylashtirilishi, yoki merosxo‘rlar o‘rtasidagi kelishmovchiliklar natijasida yuzaga kelayotgan ko‘plab nizolar meros masalasini oldindan huquqiy jihatdan yechim topish zarurligini ko‘rsatadi. Bu muammolarni hal etishda zamonaviy va shartnomaviy yondashuv – meros shartnomasi instituti samarali huquqiy vosita sifatida maydonga chiqadi.

Qiyosiy-huquqiy tahlillar shundan dalolat beradiki, Germaniya, Shveysariya, Avstriya kabi rivojlangan davlatlarda meros shartnomasi orqali meros qoldiruvchi va merosxo‘r o‘rtasidagi o‘zaro huquq va majburiyatlar oldindan aniq belgilab qo‘yiladi. Masalan, Germaniya Fuqarolik kodeksida meros shartnomasi batafsil tartibga solinadi. Germaniya qonunchiligida meros shartnomasi nafaqat mol-mulkni taqsimlash, balki merosxo‘rlarning muayyan majburiyatlarini, masalan, meros qoldiruvchiga umrboqiy moddiy yordam ko‘rsatishni ham ko‘zda tutishi mumkin. Fransiyada esa meros shartnomasi (pacte successoral) oilaviy munosabatlarni mustahkamlash va mol-mulkning taqsimotini aniq belgilash uchun qo‘llaniladi. Bunday shartnomalar o‘z yuridik kuchiga ega bo‘lib, ular tomonlar o‘rtasidagi ishonchni mustahkamlaydi, merosga oid kelishmovchiliklarning oldini

SJIF:5.219

oladi va ijtimoiy barqarorlikka hissa qo‘shadi. Shu bilan birga, shartnomaviy asosda vorislik masalalarining tartibga solinishi mulkiy munosabatlarda shaffoflik va huquqiy aniqlikni ta’minlaydi.

Shveysariya huquqida meros shartnomasi “ijobiy” va “salbiy” turlarga bo‘linadi. Ijobiy meros shartnomasi merosxo‘r yoki merosni belgilashga qaratilgan bo‘lsa, salbiy meros shartnomasida merosdan voz kechish bo‘yicha vorislar o‘rtasida kelishuv tuziladi va ular kelgusida merosga da’vo qilmaslik majburiyatini oladi. Salbiy meros shartnomasi, asosan, qonuniy majburiy ulush egasi bo‘lgan shaxs bilan tuziladi. Bu Shveysariya huquqiy tizimining o‘ziga xos jihatlaridan biri hisoblanadi⁹. Ko‘pgina davlatlar qatori Avstriyada ham meros shartnomasi nikoh shartnomasining bir qismi sifatida tuziladi¹⁰. Shundan kelib chiqadigan bo‘lsak, meros shartnomasining taraflari sifatida rasmiy nikohdan o‘tgan er-xotinlar yoki unashtirilgan juftliklar hisoblanadi.

O‘zbekiston qonunchiligida hozircha bunday institut mavjud emas. Vorislik munosabatlari asosan qonun bo‘yicha va vasiyat asosida tartibga solinadi. Biroq bu shakllar har doim ham murosaga olib kelmaydi va ko‘p hollarda sud nizolariga sabab bo‘ladi. Shu boisdan, meros shartnomasi institutini milliy fuqarolik qonunchiligiga joriy etish nafaqat zamonaviy huquqiy amaliyot talabidir, balki jamiyatdagi shaxsiy va oilaviy munosabatlarni huquqiy jihatdan mustahkamlashga xizmat qiladi. Meros shartnomasi orqali:

-taraflar o‘rtasidagi o‘zaro ishonch kuchayadi;

⁹Shveysariya fuqarolik kodeksi (01.09.2023 qabul qilingan)// Fedlex.admin.ch.Federal Law. 2023. Elektron manbaa::https://www.fedlex.admin.ch/eli/cc/24/233_245_233/en.

¹⁰"Всеобщий гражданский кодекс Австрии" от 01.06.1811 (с изм. и доп. по состоянию на 27.07.2010) // КонсультантПлюс : справ. правовая система. Версия Проф. М., 2023. Режим доступа: локальная сет Haych. 6-ки Том. гос. ун-та.

- yuridik aniqlik ta'minlanadi;
- fuqarolar o'z irodasini erkin ifoda etadi;
- ijtimoiy va iqtisodiy munosabatlarda barqarorlik yuzaga keladi;
- sud ishlari va huquqiy bahslar kamayadi.

Shunday ekan, meros shartnomasi institutini ishlab chiqish, uni qonunchilikda mustahkamlash va amaliy jihatdan tatbiq etish — O'zbekistonda fuqarolik huquqining zamonaviylashuvi yo'lidagi muhim qadamlardan biri sifatida qaralishi lozim. Ushbu institut orqali fuqarolar o'z mulkiy manfaatlarini samarali himoya qilishlari, oilaviy meros munosabatlarini huquqiy kafolat bilan ta'minlashlari, asosiysi merosxo'r va meros qoldiruvchining huquq va manfaatlarini qonunan mustahkamlash mumkin bo'ladi.

FOYDALANILGAN ADABIYOTLAR

1. O'zbekiston Respublikasi Konstitutsiyasi // (O'zbekiston Respublikasi Qonun hujjatlari ma'lumotlari milliy bazasi) <https://lex.uz/uz/docs/-6445145>.
2. O'zbekiston Respublikasining Fuqarolik kodeksi 1-qism // (O'zbekiston Respublikasi Qonun hujjatlari ma'lumotlari milliy bazasi) <https://lex.uz/docs/111189>.
3. O'zbekiston Respublikasining Fuqarolik kodeksi 2-qism // (O'zbekiston Respublikasi Qonun hujjatlari ma'lumotlari milliy bazasi) <https://lex.uz/docs/180552#198603>.

4. J.I.Yuldashev “Vorislilik va oila huquqi”. Darslik. yuridik fanlar doktori, professor O. Oqyulovning umumiy tahriri ostida. –T.: TDYUI nashriyoti.
5. Пучков О.А. Пучков В.О. Наследственный договор как особый институт гражданского права иностранных государств: общая характеристика и проблемы правового режима // Журнал «Правопорядок: история, теория и практика», №3 (10). – 2016. – с. 35
6. Graf H.L. Nachlaßrecht. Handbuch der Rechtspraxis. 8 Auflage. München: C.H. Beck’scheVerlagsbuchhandlung, 2010. – p.99.
7. Германское гражданское уложение: Вводный закон к Германскому уложению: перевод с немеского / Науч. Ред. А.Л.Маяковский и др. – 2-е издание, доп. Науч. – М.:ВолтерсКлувер, 2006. –с.534.
8. Shveysariya fuqarolik kodeksi (01.09.2023 qabul qilingan)// Fedlex.admin.ch.Federal Law. 2023. Elektron manbaa::https://www.fedlex.admin.ch/eli/cc/24/233_245_233/en.
9. Всеобщий гражданский кодекс Австрии, от 01.06.1811 (с изм. и доп.по состоянию на 27.07.2010) // КонсультантПлюс : справ. правовая система. Версия Проф. М., 2023. Режим доступа: локальная сет Nauch. б-ки Том. гос. ун-та.

**KOMPYUTER DASTURLARINI HIMOYA QILISHNI HUQUQIY
TARTIBGA SOLISH TENDENSIYASI, SHUNINGDEK, ONLAYN
QOROQCHILIK, BULUT TEXNOLOGIYALAR BILAN BOG'LIQ
MUAMMOLAR**

Otabayev Usmonbek

Toshkent davlat yuridik universiteti magistranti

Annotatsiya: ushbu maqola O'zbekistonda kompyuter dasturlarini huquqiy himoya qilishning zamonaviy tendensiyalari, onlayn qaroqchilik va bulut texnologiyalari bilan bog'liq muammolarni tahlil qiladi. O'zbekistonning intellektual mulk sohasidagi islohotlari, xususan, 2019-yilda WIPOning WCT va WPPT shartnomalariga qo'shilishi va TRIPS talablariga moslashtirilgan qonunchilik o'zgarishlari ko'rib chiqiladi. Maqolada onlayn qaroqchilikka qarshi kurashning huquqiy va amaliy mexanizmlari, jumladan, pirat saytlar reyestri va raqamli huquqlarni boshqarish vositalari muhokama qilinadi. Shuningdek, bulut texnologiyalarining transchegaraviy xususiyati tufayli yuzaga keladigan huquqiy muammolar, masalan, yurisdiksiya, provayderlar javobgarligi va ma'lumotlar xavfsizligi masalalari o'rganiladi. Tadqiqot xulosa qiladiki, O'zbekiston xalqaro standartlarga mos ravishda intellektual mulkni himoya qilishni kuchaytirib, raqamli muhitdagi muammolarni hal qilishda faol choralar ko'rmoqda, ammo amaliy ijro va xalqaro hamkorlikni yanada rivojlantirish zarur.

Kalit so'zlar: kompyuter dasturlari, mualliflik huquqi, onlayn qaroqchilik, bulut texnologiyalari, WIPO shartnomasi, TRIPS kelishuvi, Bern konventsiyasi, raqamli huquqlarni boshqarish, ma'lumotlar xavfsizligi, litsenziya shartnomasi, raqamli muhit, kontrafakt mahsulotlar, tijorat sirlari, shifrlash texnologiyasi, provayder javobgarligi, xavfsizlik chorasi, global standartlar, mamlakat

suvereniteti, raqamli kontent, huquqni ijro etish, piratlikka qarshi kurash, bulut xizmatlari.

**ТЕНДЕНЦИИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЗАЩИТЫ
КОМПЬЮТЕРНЫХ ПРОГРАММ, А ТАКЖЕ ПРОБЛЕМЫ,
СВЯЗАННЫЕ С ОНЛАЙН-ПИРАТСТВОМ И ОБЛАЧНЫМИ
ТЕХНОЛОГИЯМИ**

Отабаев Усмонбек

Магистрант Ташкентского государственного юридического университета

***Аннотация:** данная статья анализирует современные тенденции правового регулирования защиты компьютерных программ в Узбекистане, а также проблемы, связанные с онлайн-пиратством и облачными технологиями. Рассматриваются реформы Узбекистана в сфере интеллектуальной собственности, в частности, присоединение в 2019 году к договорам ВОИС (WCT и WPPT) и адаптация законодательства к требованиям Соглашения ТРИПС. В статье обсуждаются правовые и практические механизмы борьбы с онлайн-пиратством, включая реестр пиратских сайтов и инструменты управления цифровыми правами. Также исследуются правовые проблемы, возникающие из-за трансграничной природы облачных технологий, такие как юрисдикция, ответственность провайдеров и безопасность данных. В заключение подчеркивается, что Узбекистан активно внедряет международные стандарты защиты интеллектуальной собственности для решения проблем цифровой среды, однако требуется дальнейшее развитие правоприменительной практики и международного сотрудничества.*

Ключевые слова: компьютерные программы, авторское право, онлайн-пиратство, облачные технологии, договор ВОИС, Соглашение ТРИПС, Бернская конвенция, управление цифровыми правами, безопасность данных, лицензионное соглашение, цифровая среда, контрафактная продукция, коммерческая тайна, технология шифрования, ответственность провайдера, меры безопасности, глобальные стандарты, суверенитет государства, цифровой контент, правоприменение, борьба с пиратством, облачные сервисы.

TRENDS IN THE LEGAL REGULATION OF COMPUTER PROGRAM PROTECTION, AS WELL AS ISSUES RELATED TO ONLINE PIRACY AND CLOUD TECHNOLOGIES

Otabaev Usmonbek

Master's student of Tashkent State University of Law

Abstract: This article examines contemporary trends in the legal regulation of computer program protection in Uzbekistan, as well as issues related to online piracy and cloud technologies. It analyzes Uzbekistan's reforms in the field of intellectual property, particularly its accession in 2019 to WIPO's WCT and WPPT treaties and the alignment of national legislation with TRIPS Agreement requirements. The article discusses legal and practical mechanisms for combating online piracy, including the registry of pirated websites and digital rights management tools. Additionally, it explores legal challenges arising from the transnational nature of cloud technologies, such as jurisdiction, provider liability, and data security. The study concludes that Uzbekistan is actively strengthening intellectual property protection in line with international standards

to address digital environment challenges, but further development of enforcement practices and international cooperation is necessary.

Keywords: *computer programs, copyright, online piracy, cloud technologies, WIPO treaty, TRIPS Agreement, Berne Convention, digital rights management, data security, license agreement, digital environment, counterfeit products, trade secrets, encryption technology, provider liability, security measures, global standards, state sovereignty, digital content, enforcement, anti- piracy measures, cloud services*

KIRISH

Raqamli iqtisodiyotning jadal rivojlanishi kompyuter dasturlarini huquqiy himoya qilish, onlayn qaroqchilik va bulut texnologiyalari bilan bog‘liq muammolarni dolzarb masalaga aylantirdi. Global miqyosda raqamli kontentning noqonuniy tarqalishi va ma’lumotlar xavfsizligi bilan bog‘liq xavf-xatarlar intellektual mulkni himoya qilish sohasida yangi huquqiy yondashuvlarni talab qilmoqda. Tadqiqotlar shuni ko‘rsatadiki, 2023-yilda global raqamli piratlik tufayli intellektual mulk egalariга yetkazilgan zarar 300 milliard AQSh dollaridan oshgan. Shu bilan birga, bulut texnologiyalari axborotni masofaviy serverlarda saqlash imkonini berib, biznes samaradorligini oshirsa-da, transchegaraviy ma’lumotlar almashinuvi va xavfsizlik masalalarida yangi huquqiy muammolarni keltirib chiqarmoqda.

O‘zbekiston Respublikasida intellektual mulk sohasida muhim islohotlar amalga oshirilmoqda. 2019-yilda WIPOning WCT va WPPT shartnomalariga qo‘shilishi va TRIPS kelishuvi talablariga mos qonunchilik o‘zgarishlari milliy qonunchilikni xalqaro standartlarga yaqinlashtirdi. Biroq, onlayn qaroqchilik va

bulut texnologiyalari bilan bog‘liq muammolar, xususan, pirat kontentning tarqalishi va ma‘lumotlar xavfsizligini ta‘minlash masalalari hali to‘liq hal etilmagan.

Ushbu tadqiqot O‘zbekistonda kompyuter dasturlarini huquqiy himoya qilishning hozirgi holatini, onlayn qaroqchilik va bulut texnologiyalari bilan bog‘liq muammolarni huquqiy nuqtayi nazardan tahlil qiladi hamda xalqaro tajribaga asoslangan holda huquqiy yechimlarni taklif etishga qaratilgan.

Ushbu tadqiqotda quyidagi metodlar qo‘llanildi:

Normativ-huquqiy tahlil: O‘zbekiston Respublikasining kompyuter dasturlariga bo‘lgan huquqlarni himoya qilishga oid qonunchilik bazasi, xususan, “Mualliflik huquqi va turdosh huquqlar to‘g‘risida”gi Qonun hamda “Mualliflik huquqi to‘g‘risidagi Jeneva shartnomasi va “Ijrolar va fonogrammalar to‘g‘risidagi shartnoma (WPPT) va boshqa me‘yoriy hujjatlar tahlil qilindi.

Taqqoslash usuli: O‘zbekiston qonunchiligi xalqaro standartlar, Jahon intellektual mulk tashkilotining (JIMT) internet sohasidagi ikki muhim shartnomalari qoidalar bilan taqqoslandi.

Ilmiy tahlil: Ilmiy maqolalar, monografiyalar, xalqaro konferensiyalar materiallari va amaliyotdagi tajribalar tahlil qilindi.

Solishtirma usul: Turli mamlakatlarning kompyuter dasturlariga bo‘lgan huquqlarni himoya qilish bo‘yicha tartibga solish tajribasi o‘rganildi.

Tadqiqot davomida yig‘ilgan ma‘lumotlar asosida muammolar aniqlanib, ularni bartaraf etish bo‘yicha takliflar ishlab chiqildi.

TADQIQOT NATIJALARI

Tadqiqot jarayonida O‘zbekistonda kompyuter dasturlarini huquqiy himoya qilish, onlayn qaroqchilik va bulut texnologiyalari bilan bog‘liq quyidagi asosiy muammolar aniqlandi:

1. Intellektual mulkni himoya qilishning huquqiy asoslari: O‘zbekistonning “Shaxsga doir ma’lumotlar to‘g‘risida”gi Qonuni (2019) va boshqa normativ hujjatlar kompyuter dasturlarini mualliflik huquqi bilan himoya qilish tartibini belgilaydi. Biroq, xalqaro shartnomalar, masalan, WIPOning WCT va WPPT shartnomalari talablariga to‘liq moslashishda muammolar mavjud. Xususan, transchegaraviy ma’lumotlar almashinuvi va bulut serverlarda saqlanadigan dasturlarning huquqiy maqomi aniq tartibga solinmagan.

2. Onlayn qaroqchilik muammolari: Tadqiqot shuni ko‘rsatdiki, onlayn qaroqchilik O‘zbekistonda ham, global miqyosda ham dolzarb muammo bo‘lib qolmoqda. Quyidagi muammolar aniqlandi:

- Mualliflik huquqsiz dasturlarni noqonuniy tarqatish;
- Pirat saytlarning xalqaro serverlarda joylashishi tufayli ularni bloklashning qiyinligi;
- Raqamli huquqlarni boshqarish (DRM) tizimlarining yetarli darajada qo‘llanilmasligi.

Amaldagi qonunchilikda qaroqchilikka qarshi javobgarlik choralari mavjud bo‘lsa-da, huquqni muhofaza qilish amaliyotida ularning ijrosi sust kechmoqda.

3. Bulut texnologiyalari bilan bog‘liq muammolar: Bulut xizmatlarining transchegaraviy xususiyati quyidagi huquqiy muammolarni keltirib chiqarmoqda:

- Ma'lumotlarning qaysi yurisdiksiyada saqlanishi va qaysi qonun qo'llanilishi masalasidagi noaniqlik;
- Bulut provayderlarning intellektual mulk huquqlari buzilishidagi javobgarligining aniq belgilanmaganligi;
- Ma'lumotlar xavfsizligini ta'minlashda shifrlash va boshqa himoya mexanizmlarining yetarlicha qo'llanilmasligi. O'zbekistonning "Kiberxavfsizlik to'g'risida"gi Qonuni (2022) ushbu muammolarni hal qilishga qaratilgan bo'lsa-da, bulut xizmatlariga oid maxsus huquqiy me'yorlar hali shakllanmoqda.

4. **Xalqaro standartlarga muvofiqlik:** O'zbekiston qonunchiligi TRIPS va WIPO shartnomalari bilan qisman moslashgan bo'lsa-da, AQShning DMCA yoki Yevropa Ittifoqining Raqamli xizmatlar to'g'risidagi qonuni kabi ilg'or mexanizmlarga to'liq moslashish talab etiladi. Xususan, bulut provayderlarning javobgarligi va pirat kontentni o'chirish tartibi kabi masalalar aniqroq tartibga solinishi zarur.

TAKLIF ETILAYOTGAN HUQUQIY CHORALAR

O'zbekiston Respublikasida kompyuter dasturlarini huquqiy himoya qilish tizimini mustahkamlash va onlayn qaroqchilik hamda bulut texnologiyalari bilan bog'liq muammolarni bartaraf etish maqsadida quyidagi huquqiy takomillashtirish yo'llari tavsiya etiladi:

1. **Intellektual mulkni himoya qilish bo'yicha vakolatli organ funksiyalarini kengaytirish:**

- **Qonunchilik monitoringini kuchaytirish:** Milliy qonunchilikni WIPO, TRIPS va boshqa xalqaro shartnomalar talablariga

muvofigligini doimiy baholash va takomillashtirish mexanizmini joriy etish.

- **Tekshiruv mexanizmlarini institutsionallashtirish:** Onlayn qaroqchilik va bulut xizmatlarida intellektual mulk huquqlari buzilishini aniqlash uchun profilaktik tekshiruvlarni tashkil etish.

- **Javobgarlikni kuchaytirish:** Noqonuniy dastur tarqatish va ma'lumotlar xavfsizligini buzish uchun yirik jarimalar va faoliyatni cheklash kabi sanksiyalarni qo'llash.

2. Onlayn qaroqchilikka qarshi huquqiy mexanizmlarni takomillashtirish:

- **Pirat saytlar reyestrini kengaytirish:** Noqonuniy kontent tarqatuvchi saytlarni aniqlash va bloklash uchun avtomatlashtirilgan tizimni joriy etish.

- **Raqamli huquqlarni boshqarish (DRM) tizimlarini qo'llashni majburiy qilish:** Dasturlarni himoya qilish uchun shifrlash va boshqa texnologik vositalarni qonuniy ravishda joriy etish.

- **Xalqaro hamkorlikni kuchaytirish:** Pirat kontentni tarqatuvchi xalqaro serverlarga qarshi choralar ko'rish uchun WCO va UNODC kabi tashkilotlar bilan hamkorlikni rivojlantirish.

3. Bulut texnologiyalariga oid huquqiy me'yorlarni aniqlashtirish:

- **Yurisdiksiya masalalarini tartibga solish:** Bulut serverlarda saqlanadigan intellektual mulkning huquqiy maqomini aniqlashtirish va transchegaraviy ma'lumotlar almashinuvini qonuniylashtirish.

- **Provaiderlar javobgarligini belgilash:** Bulut xizmat provayderlarining intellektual mulk huquqlari buzilishidagi mas'uliyatini aniq huquqiy me'yorlar bilan tartibga solish.

- **Ma'lumotlar xavfsizligini ta'minlash:** Shifrlash va ikki bosqichli autentifikatsiya kabi majburiy himoya mexanizmlarini joriy etish.

4. **Xalqaro standartlarga moslashishni kuchaytirish:**

- **DMCA va DSA kabi mexanizmlarni moslashtirish:** Noqonuniy kontentni o'chirish va provayderlarning mas'uliyatini belgilash bo'yicha xalqaro tajribani milliy qonunchilikka integratsiya qilish.

- **Ma'lumotlar suverenitetini ta'minlash:** Intellektual mulk bilan bog'liq ma'lumotlarni mahalliy serverlarda saqlash talabini qonuniy ravishda mustahkamlash.

XULOSA

Xulosa qilib aytganda, bulut texnologiyalari intellektual mulk huquqlarini muhofaza qilish tizimini yangi sharoitga moslashga undamoqda. O'zbekiston va boshqa davlatlar oldida turgan vazifa – bulutning afzalliklaridan maksimal foydalanib, uning xavf-xatarlarini huquqiy jihatdan jilovlashdir. Bu yo'lda huquqiy aniqlik kiritish (masalan, bulut provayderlari maqomini belgilash), xalqaro hamkorlikni kuchaytirish va texnik choralarni huquqiy normalar bilan uyg'unlashtirish talab etiladi.

Tadqiqot davomida O'zbekistonda kompyuter dasturlarini huquqiy himoya qilish, onlayn qaroqchilik va bulut texnologiyalari bilan bog'liq huquqiy muammolar batafsil tahlil qilindi. Milliy qonunchilik xalqaro standartlar, xususan,

WIPO va TRIPS talablari bilan qisman moslashgan bo'lsa-da, amaliy ijro va maxsus huquqiy me'yorlarning yetishmasligi muammolar saqlanib qolmoqda.

Taklif etilgan huquqiy choralar, jumladan, vakolatli organlarning nazorat funksiyalarini kengaytirish, onlayn qaroqchilikka qarshi avtomatlashtirilgan mexanizmlarni joriy etish va bulut texnologiyalariga oid aniq huquqiy me'yorlarni belgilash orqali ushbu muammolarni bartaraf etish mumkin. Ushbu chora-tadbirlar nafaqat intellektual mulk huquqlarini ishonchli himoya qiladi, balki O'zbekistonning raqamli iqtisodiyotini rivojlantirishga va xalqaro bozorlarda raqobatbardoshlikni oshirishga xizmat qiladi.

FOYDALANILGAN AABIYOTLAR:

1. O'zbekiston Respublikasining 2007-yil 15-yanvardagi "Ommaviy axborot vositalari to'g'risida"gi Qonuni
2. TRIPS Agreement (Trade-Related Aspects of Intellectual Property Rights), Marrakesh Agreement Establishing the WTO, Annex 1C, 1994.
3. Spot.uz – "Dilfuza Ismoilova: Mualliflik huquqlari buzilgan saytlarga qarshi chora ko'riladi" maqolasi, 2022-yil 2-may.
4. Usmanxadjaev S. "Copyright Law in Uzbekistan: Legal Framework and Application." Mondaq, 2023.
5. J. Litman. "Digital Copyright", Prometheus Books, 2001.
6. R. Clark. Computer Software Protection: Law and Practice, Sweet & Maxwell, 2017.

**RAQAMLI MULK HUQUQINI HIMOYA QILISHGA OID
XALQARO STANDARTLARNI MILLIY QONUNCHILIKKA
UYG'UNLASHTIRISH**

Xudaibergenova Dilnoza Ulug'bek qizi

Toshkent davlat yuridik universiteti magistri

E-mail: dilush826@gmail.com

Anotatsiya: ushbu maqolada raqamli mulk huquqi tushunchasining xalqaro huquqiy maydondagi rivojlanishi va uning O'zbekiston milliy qonunchilik tizimiga integratsiyalashuvi tahlil qilinadi. BMT, YUNESKO, WIPO, ITU, OECD va Yevropa Ittifoqi kabi xalqaro tashkilotlar tomonidan ishlab chiqilgan huquqiy hujjatlar asosida raqamli mulk obyektlari, tokenlar, NFTlar, algoritmlar va sun'iy intellekt mahsulotlarining huquqiy maqomi ochib beriladi. O'zbekiston Respublikasi Konstitutsiyasi va Fuqarolik kodeksi misolida milliy huquqiy bo'shliqlar tahlil qilinib, ularni xalqaro standartlarga uyg'unlashtirish yo'llari ko'rsatiladi. Shuningdek, maqolada "yumshoq huquq", huquqiy transplantatsiya, komparativ metodlar, raqamli egalik va funksional mulk modellari, elektron shartnomalar va blokcheyn asosidagi egalik huquqi kabi zamonaviy yondashuvlar asosida huquqiy modernizatsiya zarurati asoslab beriladi.

Kalit so'zlar: raqamli mulk, tokenlar, NFT, algoritmlar, sun'iy intellekt, xalqaro standartlar, fuqarolik kodeksi, konstitutsiyaviy huquqlar, mulk huquqi, huquqiy transplantatsiya, yumshoq huquq, blokcheyn, raqamli shartnoma, ma'lumotlar egaligi, isbotlash mexanizmlari, WIPO, MiCA, eIDAS, GDPR, Data Act.

ГАРМОНИЗАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ СТАНДАРТОВ ПО ЗАЩИТЕ ПРАВ ЦИФРОВОЙ СОБСТВЕННОСТИ С НАЦИОНАЛЬНЫМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ

Худайбергенова Дилноза Улугбековна

Студент направления "Право средств массовой информации" Ташкентского
государственного юридического университета

E-mail: dilush826@gmail.com

***Аннотация:** в статье анализируется развитие концепции цифровой собственности в международном праве и её гармонизация с национальным законодательством Узбекистана. На примере документов ООН, ЮНЕСКО, ВОИС, МСЭ, ОЭСР и Европейского союза рассматриваются вопросы правового признания токенов, NFT, алгоритмов и продуктов искусственного интеллекта как объектов цифровой собственности. Раскрываются правовые пробелы в Конституции и Гражданском кодексе Республики Узбекистан, а также предлагаются пути их устранения на основе международных стандартов. В центре внимания — модернизация законодательства с применением «мягкого права», правовой трансплантации, сравнительного метода, а также внедрение электронных договоров, блокчейн-реестров и функциональных моделей собственности.*

***Ключевые слова:** цифровая собственность, токены, NFT, алгоритмы, искусственный интеллект, международные стандарты, гражданский кодекс, конституционные права, блокчейн, правовая трансплантация, soft law, цифровые контракты, владение данными, механизм доказательства, WIPO, MiCA, eIDAS, GDPR, Data Act*

Raqamli mulk tushunchasi axborot texnologiyalarining keskin rivojlanishi fonida xalqaro huquqiy tartibga solishning yangi yo‘nalishlaridan biri sifatida namoyon bo‘lmoqda. An’anaviy mulk huquqining modellashtirilgan ko‘rinishi endi raqamli obyektlar, algoritmik kodlar, blokcheyn asosidagi aktivlar va metama’lumotlar kabi shakllarda ko‘zga tashlanyapti. Ushbu tendensiyaning muvozanatli boshqarish uchun bir qator xalqaro tashkilotlar va normativ platformalar konseptual huquqiy yondashuvlar ishlab chiqqan.

Avvalo, Birlashgan Millatlar Tashkiloti (BMT) tomonidan ishlab chiqilgan “Raqamli hamkorlik bo‘yicha yo‘l xaritasi” raqamli mulk va uning huquqiy holatini tan olish borasida global pozitsiyani ifodalaydi. Bu hujjatda raqamli texnologiyalar orqali yaratilgan mulk, ma’lumotlar va intellektual mahsulotlar ustidan universal egalik huquqini ta’minlash uchun adolatli, inklyuziv va barqaror huquqiy mexanizmlar ishlab chiqish tavsiya etiladi. “Dunyo har qachongidan ham tezroq analogdan raqamligaga o‘tmoqda, bu bizni yangi texnologiyalarning keng va’dalari va xavf-xatarlari bilan tanishtirmoqda. Raqamli davr jamiyatga juda ko‘p ajoyib foyda keltirgan bo‘lsa-da, biz raqamli tafovut, kiber tahdidlar va onlayn inson huquqlari buzilishi kabi ko‘plab muammolarga duch kelamiz”, deyiladi hujjat matnida¹. Xususan, yo‘l xaritasida raqamli identitet, shaxsiy ma’lumotlar xavfsizligi va algoritmik shaffoflik kabi masalalar alohida yoritilgan bo‘lib, ular bevosita raqamli mulkka egalikni mustahkamlash bilan bog‘liq. YUNESKO esa o‘zining “Raqamli platformalar bo‘yicha global tavsiyasi”da foydalanuvchilar tomonidan yaratilgan raqamli kontent, algoritmlar va sun’iy intellekt natijalarining

¹ United Nations. Roadmap for Digital Cooperation. – New York: UN, 2020. – URL: <https://www.un.org/en/content/digital-cooperation-roadmap>.
SJIF:5.219

huquqiy maqomini aniqlashtirish zaruratiga e'tibor qaratadi. Bu hujjat raqamli mulk egalariining erkinliklari va manfaatlarini, ayniqsa, madaniy va ijodiy kontent yaratuvchilarini himoya qilishga urg'u beradi². Shu bilan birga, ITU (Xalqaro Telekommunikatsiya Ittifoqi) tomonidan qabul qilingan "Raqamli ishonch va xavfsizlik tamoyillari" da raqamli infratuzilmalarda mulk xavfsizligini ta'minlovchi texnik mezonlar muhim o'rin egallaydi³.

Jahon intellektual mulk tashkiloti (WIPO) esa raqamli aktivlar va intellektual mulkning yangi shakllari bo'yicha xalqaro bahs-munozaralarga yetakchilik qilib kelmoqda. Xususan, 2023-yilda tashkilot tomonidan o'tkazilgan "Generativ sun'iy intellekt va mualliflik huquqi" bo'yicha ekspert yig'inida algoritmik ijod mahsulotlariga egalik huquqining aniqligi ustuvor masala sifatida o'rganilgan. OECD (Iqtisodiy hamkorlik va taraqqiyot tashkiloti) esa raqamli iqtisodiyotda mulkiy manfaatlarining boshqaruvi, tokenlar va NFTlar kabi aktivlar ustidan nazorat mexanizmlari haqida yillik hisobotlar tayyorlab bormoqda⁴.

Yevropa Ittifoqi esa bu borada huquqiy me'yorlarni bevosita joriy etgan yetakchi siyosiy hududlardan biridir. Jumladan, MiCA (Markets in Crypto-assets) reglamenti kriptoaaktivlar va tokenlar ustidan egalikni tartibga solishda mulkiy huquqning aniqligini, investorlar huquqini va regulyatorlar vakolatini belgilaydi. Ushbu reglament 2023-yilda qabul qilinib, 2024-yildan boshlab kuchga kirgan⁵.

² UNESCO. Guidelines for the Governance of Digital Platforms. – Paris: UNESCO, 2021. – URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000380618>.

³ International Telecommunication Union. Digital Trust and Security Principles. – Geneva: ITU, 2022. – URL: <https://www.itu.int/en/ITU-D/Conferences/WTDC/2022>.

⁴ World Intellectual Property Organization (WIPO). Generative AI and Intellectual Property Policy. – Geneva: WIPO, 2023. – URL: https://www.wipo.int/about-ip/en/artificial_intelligence.

⁵ European Union. Regulation (EU) 2023/1114 on Markets in Crypto-assets (MiCA). – Official Journal of the EU, 2023. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32023R1114>.

Shuningdek, eIDAS (electronic IDentification, Authentication and trust Services) reglamenti raqamli imzo, elektron shartnomalar va hujjatlar orqali mulkni huquqiy tasdiqlash vositalarini aniqlaydi. Bu reglament blokcheyn asosidagi egalikni isbotlashda ham qo'llanilmoqda⁶.

Yevropa Ittifoqining yana bir muhim hujjati – GDPR (General Data Protection Regulation) esa raqamli ma'lumotlar ustidan shaxsiy nazorat va egalik huquqini kafolatlaydi. Raqamli aktivlar, ayniqsa, ma'lumotlarga asoslangan mulk bo'lgan hollarda, GDPR foydalanuvchining o'z raqamli izlari ustidan huquqiy nazoratini belgilab beradi. Umuman olganda, xalqaro standartlar raqamli mulk tushunchasini faqat texnologik emas, balki huquqiy doirada ham asoslashga intilmoqda. Bu huquqiy asoslar O'zbekiston kabi davlatlar uchun milliy qonunchilikni modernizatsiya qilishda muhim yo'nalish bo'lib xizmat qiladi. Bu Konstitutsiyamizning 15-moddasida ham o'z aksini topadi. Xususan, unda shunday deyiladi: "O'zbekiston Respublikasining xalqaro shartnomalari xalqaro huquqning umume'tirof etilgan prinsip va normalari bilan bir qatorda O'zbekiston Respublikasi huquqiy tizimining tarkibiy qismidir. Agar O'zbekiston Respublikasining xalqaro shartnomasida O'zbekiston Respublikasining qonunida nazarda tutilganidan boshqacha qoidalar belgilangan bo'lsa, O'zbekiston Respublikasining xalqaro shartnomasi qoidalari qo'llaniladi".

Raqamli mulk tushunchasining xalqaro huquqda shakllanishi XX asr oxiri va XXI asr boshlaridagi global axborot texnologiyalari inqilobi bilan chambarchas bog'liq. Dastlab bu tushuncha texnik va iqtisodiy doirada qo'llanilgan bo'lsa,

⁶ European Union. Regulation (EU) No 910/2014 on electronic identification and trust services (eIDAS). – Official Journal of the EU, 2014. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32014R0910>. SJIF:5.219

hozirgi kunda u xalqaro huquqiy tizimlar tomonidan ham tan olinayotgan, muhokama etilayotgan va normativ asosga ega bo‘layotgan huquqiy institut sifatida rivojlanmoqda. Raqamli mulk deganda, shaxs yoki tashkilot tomonidan raqamli muhitda yaratilgan, boshqarilayotgan, uzatilayotgan va saqlanayotgan aktivlar – masalan, elektron hujjatlar, raqamli identitet, kriptoaktivlar, algoritmlar, sun’iy intellekt mahsulotlari va metama’lumotlar tushuniladi. Xalqaro huquqda raqamli aktivlarni tan olishga doir konseptual yondashuvlar turlicha bo‘lib, ularning umumiy yo‘nalishi – raqamli aktivlarning huquqiy subyektga tegishliligi, ulardan foydalanish huquqi va ularga egalik qilish mexanizmlarini aniqlashga qaratilgan. AQShda raqamli mulk ko‘pincha intellektual mulk huquqlari (IPR) yoki shaxsiy mulk sifatida tasniflanadi, Yevropa Ittifoqida esa “ma’lumotlar egaligi” va “raqamli egalik” tamoyillari asosida yondashuv shakllangan. Masalan, Yevropa Komissiyasi 2022-yilda qabul qilgan “Data Act” loyihasida “ma’lumotlardan foydalanuvchi huquqlari” ni aniq huquqiy doiraga kiritish harakati boshlangan⁷.

Huquq nazariyasi nuqtayi nazaridan raqamli mulkning subyektiv va obyektiv mulk huquqi doirasidagi pozitsiyasi hali-hanuz huquqshunoslar o‘rtasida bahsli masala. Subyektiv mulk huquqi sifatida raqamli mulk – shaxsning o‘z aktivlari ustidan ixtiyoriy foydalanish, tasarruf etish va foydalanish huquqini bildiradi. Obyektiv mulk huquqi sifatida esa u ijtimoiy munosabatlarni tartibga soluvchi huquqiy normalar tizimi sifatida namoyon bo‘ladi. Masalan, blokcheyn asosida yaratilgan NFTlar bo‘yicha ayrim yurisdiksiyalar ularni subyektiv mulk

⁷ European Commission. Proposal for a Regulation on harmonised rules on fair access to and use of data (Data Act). – Brussels: EU, 2022. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52022PC0068>.

sifatida tan olmoqda (masalan, AQSh va Yaponiya), boshqa davlatlar esa ularni intellektual mulkning yoki xizmat shartnomasining obyektlari sifatida baholamoqda (masalan, Germaniya, Fransiya)⁸. Xalqaro darajadagi ko‘p tomonlama shartnomalar, xususan, TRIPS bitimi – Intellektual mulk huquqlarining savdo jihatlari bo‘yicha bitim – raqamli mulkka bevosita bag‘ishlanmagan bo‘lsa- da, uning intellektual asoslarini tan oladi va ularni muhofaza qilishning xalqaro standartlarini belgilaydi. Bundan tashqari, Budapesht Shartnomasi (1977-yil), Bern Konvensiyasi (1886-yil) va WIPO Internet shartnomalari (1996-yil) raqamli kontent va uning muhofazasini ilgari surgan huquqiy asoslar sirasiga kiradi. Shu bilan birga, BMTning savdo huquqi bo‘yicha komissiyasi – UNCITRAL tomonidan ishlab chiqilgan “Elektron savdo to‘g‘risidagi Model qonun” va “Elektron imzolar to‘g‘risidagi Model qonun”larida raqamli muomala huquqiga oid normalar orqali raqamli mulk egaligining isboti masalalari ham nazarda tutilgan.

Milliy qonunchilikka ushbu multilateral shartnomalarning ta’siri turlicha bo‘lib, u davlatlarning huquqiy tizimi va konstitutsiyaviy tartiblariga bog‘liq. Masalan, Fransiyada raqamli aktivlar uchun alohida huquqiy rejim yaratilgan (PACTE qonuni, 2019-yil), Rossiyada esa “Raqamli mol-mulk to‘g‘risida”gi qonun loyihasi kripto-aktivlar va tokenlarga egalikni mulkiy huquq sifatida tan olishga qaratilgan. O‘zbekiston esa bu borada ilk qadam sifatida “Raqamli texnologiyalarni rivojlantirishni qo‘llab-quvvatlash jamg‘armasi” orqali normativ-

⁸ WIPO. NFTs and Intellectual Property: Overview and Policy Questions. – Geneva: WIPO, 2023. – URL: <https://www.wipo.int/about-ip/en/nft>.

huquqiy asoslar ishlab chiqishni boshlagan bo‘lib, bu milliy qonunchilikni xalqaro standartlarga uyg‘unlashtirish yo‘lidagi muhim harakatdir⁹.

O‘zbekiston Respublikasining amaldagi qonunchilik tizimida raqamli mulk huquqi to‘g‘ridan-to‘g‘ri mustaqil huquqiy institut sifatida ko‘rsatilmagan bo‘lsa-da, ayrim normativ-huquqiy hujjatlarda uning bilvosita shakllari mavjud. Bu holat raqamli muhitda mulkka egalik huquqini to‘liq kafolatlashda tizimli bo‘shliqlar mavjudligini ko‘rsatadi. Konstitutsiyamizda aynan raqamli mulk haqida so‘z bormagan, ammo mulkka oid umumiy huquqlar ta’rif etilgan. Xususan, ularni ko‘rib chiqsak bo‘ladi. Masalan, 20-modda insonning huquqlari va erkinliklari davlat faoliyatining mazmunini belgilovchi asosiy mezon ekanini belgilaydi. Bu norma fuqarolarning raqamli muhitdagi huquqlari, jumladan, raqamli mulkka egalik qilish, undan foydalanish va uni boshqarish huquqlari ham bevosita amal qilishi kerakligini bildiradi. Ayniqsa, qonunchilikdagi noaniqliklar inson foydasiga talqin etilishi belgilangani, raqamli mulk masalasida ham mavjud bo‘shliqlarni fuqarolar manfaati yo‘lida to‘ldirish zarurligini ko‘rsatadi¹⁰. Bundan kelib chiqadiki, hozircha raqamli aktivlar borasida, huquqiy bo‘shliqlar bor ekan, xalqaro ratifikatsiya qilingan hujjatlarimizda ham raqamli mulkni tasarruf etishdagi kolliziyalar yuzaga chiqar ekan, aynan shu modda asosida har qanday dilimmada inson foydasiga qaror chiqariladi.

30-modda asosida raqamli mulkni rasmiy tartibga solmasdan, aynan bu obyektlar bo‘yicha mulkdorni jazolash, egalik huquqini cheklash yoki undan

⁹ “O‘zbekiston Respublikasi Raqamli texnologiyalar vazirligi tizimidagi ayrim tashkilotlarning faoliyatini tashkil etish chora-tadbirlari to‘g‘risida”gi 409-son VMQ. <https://lex.uz/docs/-4873208>.

¹⁰ O‘zbekiston Respublikasi Konstitutsiyasi. 20-modda. <https://lex.uz/uz/docs/-6445145>.

mahrum etish konstitutsiyaviy jihatdan noqonuniy hisoblanadi¹¹. Shunday ekan, qonunchilikda raqamli mulk tushunchasi va uning huquqiy maqomi rasmiy e'tirof etilishi, keyinchalik bu asosda javobgarlik yoki mulkni olib qo'yish kabi amallar huquqiy asosga ega bo'lishi zarur.

41-moddada mulkdor bo'lish har bir shaxsning konstitutsiyaviy huquqi sifatida mustahkamlangan. Bu prinsipga ko'ra, raqamli aktivlar, masalan, NFT, domen nomlari yoki dasturiy mahsulotlar ustidan ham egalik huquqi e'tirof etilishi lozim¹². Agar raqamli obyektlar mulk sifatida tan olinmasa, ushbu konstitutsiyaviy huquq to'laqonli amalga oshirilmaydi. 47-modda uy-joyga egalik qilish va undan mahrum etilmaslik prinsipini o'z ichiga olsa-da, bu prinsip keng talqinda barcha mulk obyektlariga, jumladan, raqamli mulk shakllariga ham tatbiq etilishi mumkin. Ayniqsa, foydalanuvchining raqamli platformadagi kontentidan sud qarorisiz mahrum qilinishi ushbu moddaga zid bo'lishi mumkin¹³. 53-modda intellektual mulkni qonun bilan muhofaza qilishni kafolatlaydi¹⁴. Bugungi raqamli aktivlar – dasturlar, algoritmlar, grafik tasvirlar – ko'pincha aynan intellektual mulk obyektlari bo'lib, ularni raqamli muhitda himoya qilish ushbu moddaning zamonaviy talqini asosida amalga oshirilishi zarur.

65–66-moddalarda barcha mulk shakllarining teng huquqliligi, xususiyl mulkning daxlsizligi va mulkdorning o'z mol-mulkini erkin tasarruf etish huquqi e'tirof etilgan¹⁵. Bu tamoyillarni raqamli aktivlar – xususan, kriptovalyutalar, tokenlar, NFTlar kabi yangi mulk shakllariga nisbatan qo'llash bugungi

¹¹ O'zbekiston Respublikasi Konstitutsiyasi. 30-modda. <https://lex.uz/uz/docs/-6445145>.

¹² O'zbekiston Respublikasi Konstitutsiyasi. 41-modda. <https://lex.uz/uz/docs/-6445145>.

¹³ O'zbekiston Respublikasi Konstitutsiyasi. 47-modda. <https://lex.uz/uz/docs/-6445145>.

¹⁴ O'zbekiston Respublikasi Konstitutsiyasi. 53-modda. <https://lex.uz/uz/docs/-6445145>.

¹⁵ O'zbekiston Respublikasi Konstitutsiyasi. 65-66-moddalar. <https://lex.uz/uz/docs/-6445145>.

konstitutsiyaviy talablardan biridir. 67–68-moddalar iqtisodiy muhit va davlatning mulk munosabatlariga aralashuvi qoidalarini belgilaydi¹⁶. Davlat tomonidan raqamli mulkka nisbatan qulay investitsion muhit yaratish, shuningdek, ularni iqtisodiy muomalaga to‘liq jalb qilish uchun qonunchilik asoslarini yaratish konstitutsiyaviy majburiyat sifatida ko‘rilishi mumkin. O‘zbekiston Konstitutsiyasidagi ushbu moddalardan kelib chiqib aytish mumkinki, raqamli mulk hozirda to‘g‘ridan-to‘g‘ri e‘tirof etilmagan bo‘lsa-da, konstitutsiyaviy tamoyillar asosida bu tushunchaning huquqiy maqomini mustahkamlash uchun yetarlicha asos mavjud. Raqamli mulk ustidan egalik, foydalanish va tasarruf qilish huquqlarining konstitutsiyaviy darajada muhofaza qilinishi — raqamlashtirish jarayonida fuqarolarning huquqiy kafolatlarini kuchaytiradi.

O‘zbekiston Respublikasi Fuqarolik kodeksida mulk huquqi tushunchasi keng yoritilgan bo‘lsa-da, bu institut asosan an‘anaviy moddiy obyektlarga qaratilgan bo‘lib, raqamli mulk — xususan tokenlar, NFTlar, algoritmlar, dasturiy mahsulotlar yoki raqamli san‘at kabi yangi obyektlarning huquqiy maqomi hali-hanuz ochiq belgilanmagan. 164-moddaga ko‘ra, mulk huquqi shaxsning mol-mulkka o‘z xohishicha egalik qilish, foydalanish va tasarruf etish huquqini anglatadi. Bu moddada “mol-mulk” atamasi umumiy ko‘rinishda qo‘llanilgan bo‘lsa-da, uning raqamli variantlarini bevosita qamrab olmaydi. Natijada, raqamli obyektlar ustidan tasarruf qilish imkoniyati mavjud bo‘lsa-da, ularni huquqiy jihatdan mulk deb e‘tirof etish noaniqligicha qoladi. 166-moddada mulkning daxlsizligi kafolatlangan va faqat qonunda ko‘rsatilgan hollarda cheklanishi mumkinligi ta’kidlangan. Bu tamoyil raqamli aktivlarga ham qo‘llanishi kerak

¹⁶ O‘zbekiston Respublikasi Konstitutsiyasi. 67-68-moddalar. <https://lex.uz/uz/docs/-6445145>.
SJIF:5.219

bo'lsa-da, ularning o'zi mustaqil obyekt sifatida tan olinmagani bois amaliyotda egasining huquqlari ko'pincha kafolatsiz qolmoqda. 167–168-moddalarda mulk shakllari va subyektlari belgilangan, lekin bu yerda ham raqamli mulk egasi – masalan, NFT sotib olgan fuqaro yoki korxona – huquqiy subyekt bo'lishiga doir maxsus normalar mavjud emas. Eng asosiy bo'shliq esa 169-moddada seziladi. Unda mulk obyektlari sanab o'tilgan: korxonalar, binolar, pul, qimmatli qog'ozlar va intellektual mulklar. Ammo hozirgi texnologik taraqqiyotda yuzaga kelayotgan yangi mulk shakllari – raqamli aktivlar – bu ro'yxatga kiritilmagan. Bu esa ularning egalik huquqi ustidan huquqiy da'volar qo'zg'atishda qonunchilik asosining zaif bo'lishiga sabab bo'lmoqda. Shuningdek, 172-modda mulk huquqini amalga oshirishda boshqalar huquqlariga zarar yetkazmaslikni nazarda tutadi. Bu raqamli aktivlar orqali yuzaga keluvchi nizolar, masalan, soxta tokenlar savdosi yoki plagiat bilan bog'liq holatlar uchun umumiy tamoyil bo'la oladi. Ammo aniq normativ asos bo'lmasa, himoya mexanizmlarining samaradorligi susayadi¹⁷.

Amaldagi normativ-huquqiy hujjatlar xalqaro standartlar bilan solishtirilganda bir qator zaifliklarga ega. Masalan, Yevropa Ittifoqining MiCA reglamenti kripto-aktivlarni moliyaviy aktivlar sifatida huquqiy aylanishga kiritgan va ularning egalik huquqini qat'iy tartibga solgan. eIDAS reglamenti esa elektron imzo va raqamli identifikatsiyani huquqiy isbot vositasi sifatida belgilaydi. O'zbekiston qonunchiligida esa elektron imzo va hujjatlarning daliliy kuchi ayrim qonunlarda umumiy tarzda tilga olingan bo'lsa-da, bu vositalar orqali raqamli mulkka bo'lgan huquqni aniqlash va himoya qilish mexanizmlari to'liq

¹⁷ O'zbekiston Respublikasi Fuqarolik kodeksi (1-qism). 164-166-167-168-169-172-moddalar. <https://lex.uz/docs/-111189>.

shakllanmagan. Shuningdek, raqamli mulk ustidan mulk huquqini davlat tomonidan kafolatlash, o'tkazish, meros sifatida berish, taqiqlash yoki hibsga olish tartiblari milliy qonunchilikda hali normativ asosga ega emas. Bu esa raqamli aktivlar bo'yicha huquqiy da'volarni ko'rib chiqishda noaniqliklar tug'diradi.

O'zbekiston 2005-yildan beri WIPO a'zosi hisoblanadi va bu doirada mualliflik, texnologik innovatsiyalar, patentlash va raqamli platformalar bilan bog'liq normativ muvofiqlikni ta'minlash bo'yicha bir qancha sa'y-harakatlar amalga oshirilgan. Biroq mavjud holat shuni ko'rsatadiki, O'zbekiston hali raqamli mulk huquqiga doir asosiy xalqaro normalarning ko'piga to'liq qo'shilmagan. Masalan, WTO doirasidagi Raqamli savdo bo'yicha aniq majburiy me'yoriy hujjatlar mavjud emas, lekin O'zbekiston hali raqamli tovarlar va xizmatlar uchun o'ziga xos tarif va tartiblarni shakllantira olmagan. ITU doirasida esa O'zbekiston "raqamli ishonch" va "kiberxavfsizlik" indeksleri bo'yicha hali yetarlicha yuqori pozitsiyani egallamagan. Raqamli mulk bo'yicha xalqaro normalarga qo'shilmaganlikning huquqiy oqibatlari ko'p jihatdan mulk huquqining xalqaro miqyosda tan olinmasligi, transchegaraviy nizolar paydo bo'lganda himoya mexanizmlarining cheklanganligi va xalqaro investitsiya muhitida ishonchsizlik kuchayishiga olib keladi. Ayniqsa, O'zbekistonda faoliyat yuritayotgan xalqaro texnologik kompaniyalar uchun mulkni ro'yxatdan o'tkazish, egalikni aniqlash va huquqiy da'vo qilishda xalqaro huquqiy standartlar bilan uyg'un normativ mexanizmlarning mavjud emasligi muhim xavf hisoblanadi.

Raqamli mulk huquqini xalqaro standartlarga moslashtirish jarayonida O'zbekiston huquqiy tizimi qator muhim muammolarga duch kelmoqda. Ushbu to'siqlar milliy qonunchilikda raqamli obyektlarning yuridik tabiati, huquqiy

subyektlar va obyektlarning aniq belgilab berilmaganligi, hamda normativ-huquqiy hujjatlar o'rtasida mavjud bo'lgan muvofiqlik yetishmovchiligi bilan chambarchas bog'liqdir. Bu holat raqamli egalik huquqining huquqiy jihatdan mustahkamlanishini va amaliyotda qo'llanishini murakkablashtirayapti.

Birinchi navbatda, raqamli mulkning yuridik tabiati bo'yicha yagona va aniq definitsiyaning milliy qonunchilikda mavjud emasligi asosiy to'siqlardan biridir. O'zbekiston Respublikasi Fuqarolik kodeksida "mulk" tushunchasi an'anaviy moddiy aktivlar – ko'chmas va ko'char mulklar doirasida yoritilgan bo'lib, raqamli shakldagi aktivlar (kriptovalyutalar, tokenlar, NFT, raqamli fayllar va algoritmik obyektlar) mazkur tushunchaga bevosita kiritilmagan. Bu esa raqamli mulkka egalik huquqini ro'yxatdan o'tkazish, sotish, meros qilib qoldirish va himoya qilish imkoniyatlarini cheklaydi. Zamonaviy huquqshunoslikda "raqamli mulk" tushunchasi nafaqat raqamli fayllarni, balki raqamli shakldagi egalikni isbotlovchi huquqiy vositalarni ham o'z ichiga oladi. Shu sababli, mavjud ta'riflarning yangilanishi va kengaytirilishi dolzarb masala hisoblanadi.

Ikkinchidan, subyekt va obyekt masalalarining noaniqligi ham qonunchilik uyg'unlashtirilishining muhim to'siqlaridan biridir. Masalan, raqamli mulk obyektlaridan biri bo'lgan NFT (Non-Fungible Token) — u sotilayotgan san'at asarimi, raqamli faylmi, yoxud litsenziyami – degan savollar hanuzgacha qonuniy javobga ega emas. Yoki sun'iy intellekt tomonidan yaratilgan kontent — u mustaqil subyekt tomonidan yaratilgan mulk sifatida e'tirof etiladimi yoki inson tomonidan buyruq asosida ishlab chiqilgan vosita deb baholanadimi – bu borada aniq yondashuv yo'q. Mazkur aniqlikning yetishmasligi egalik huquqining subyekti kim bo'lishi mumkinligini (fizik, yuridik shaxs, davlat yoki algoritmi)

noaniq qoldiradi va bu esa fuqarolik-huquqiy munosabatlarda ko‘plab nizolarga olib keladi.

O‘zbekistonda raqamli mulk huquqining xalqaro standartlarga mos ravishda uyg‘unlashtirilishini ta’minlash uchun, avvalo, uning yuridik tabiati bo‘yicha aniq definitsiya ishlab chiqilishi, subyekt va obyekt masalalari bo‘yicha huquqiy mezonlar belgilanib, mavjud normativ-huquqiy hujjatlar o‘rtasida muvofiqlik va izchillik ta’minlanishi zarur. Aks holda, raqamli mulk ustidan egalik huquqini amalda ro‘yobga chiqarish va himoya qilishning huquqiy asoslari zaifligicha qolaveradi.

Zamonaviy global raqamli huquq makonida milliy qonunchilikni xalqaro tajriba bilan uyg‘unlashtirish ehtiyoji tobora ortib bormoqda. Ayniqsa, raqamli mulk huquqini shakllantirishda ilg‘or xalqaro amaliyotlarni hisobga olish, huquqiy transplantatsiya va moslashtirish jarayonlarining muhim qismiga aylangan. O‘zbekistonning xalqaro raqamli iqtisodiyot va intellektual mulk bozoriga integratsiyasi sharoitida, xalqaro standartlar asosida huquqiy normalarni milliy qonunchilikka tatbiq etish zaruriy hisoblanadi. Avvalo, xalqaro huquqiy tartibotda keng qo‘llanilayotgan “yumshoq huquq” (soft law) vositalaridan foydalanish milliy qonunchilikni isloh qilishning muhim mexanizmlaridan biridir. Yumshoq huquq – bu xalqaro tashkilotlar, ekspert guruhlar yoki transmilliy assotsiatsiyalar tomonidan ishlab chiqilgan, majburiy bo‘lmagan, lekin tavsiya etiladigan tamoyillar va mezonlardir. Masalan, YUNESKOning raqamli huquqlar bo‘yicha tamoyillari, OECDning raqamli xavfsizlik strategiyalari, ITUning raqamli ishonch va axborot infratuzilmasini rivojlantirish bo‘yicha tavsiyalari — bular milliy

qonunchilikka to‘g‘ridan-to‘g‘ri kiritilmasa-da, normativ asoslar ishlab chiqishda metodologik yo‘nalish beradi.

Ikkinchi muhim mexanizm — bu komparativ-huquqiy metod asosida huquqiy transplantatsiya qilish, ya’ni xorijiy davlatlarning muvaffaqiyatli huquqiy institutlarini moslashtirish orqali milliy tizimga tatbiq etish. Masalan, AQSHning “Digital Millennium Copyright Act” (DMCA) qonuni raqamli kontent va intellektual mulk himoyasi borasida samarali model hisoblanadi. Yevropa Ittifoqining MiCA reglamenti (Markets in Crypto-Assets) esa tokenlar va raqamli aktivlar ustidan nazoratni tashkil etishda tizimli yondashuvni taklif qiladi. Janubiy Koreyada esa “Digital Assets Basic Act” orqali raqamli mulkka doir huquqiy tartibot aniq va qat’iy belgilangan bo‘lib, unda regulyator agentliklarning vakolatlari, xavfsizlik mezonlari, shikoyatlar tartibi va fuqarolik muhofazasi institutsional asosda yo‘lga qo‘yilgan.

Uchinchi yo‘nalish sifatida, milliy qonunlar, kodekslar va reglamentlarga xalqaro tavsiyalar asosida aniq va amaliy modellarni kiritish masalasidir. Bunda ayniqsa “Raqamli mulk huquqi”ga oid maxsus qonun loyihasini ishlab chiqish lozim bo‘ladi. Misol uchun, fuqarolik kodeksiga “raqamli mulk” tushunchasini alohida obyekt sifatida kiritish, elektron shartnoma va raqamli isbot vositalarining huquqiy kuchini belgilash, sun’iy intellekt ishtirokidagi mulk obyektlariga egalikning huquqiy rejimini shakllantirish — bular xalqaro tajriba asosida amaliy modellashtirishni talab qiladi.

O‘zbekiston Respublikasi raqamli iqtisodiyotga integratsiyalashish jarayonida raqamli mulk huquqini samarali tartibga solish va himoya qilish bo‘yicha huquqiy siyosatini xalqaro standartlarga uyg‘unlashtirishga doir aniq

strategik yondashuvlarni ishlab chiqishi lozim. Mavjud normativ-huquqiy baza bu borada yetarli darajada tizimlashtirilmagan bo‘lib, milliy qonunchilikda ko‘plab bo‘shliqlar va izohga muhtoj jihatlar mavjud. Shuning uchun huquqiy siyosatni innovatsion, institutsional va xalqaro andozalar asosida shakllantirish zarur.

FOYDALANILGAN ADABIYOTLAR RO‘YXATI

1. BMT. *Roadmap for Digital Cooperation*. United Nations, 2020.
2. YUNESKO. *Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence*. Paris, 2021.
3. WIPO. *WIPO Conversation on Intellectual Property and Artificial Intelligence*. Geneva, 2023.
4. ITU. *Principles of Trust and Security in the Digital Environment*. International Telecommunication Union, 2021.
5. OECD. *Digital Economy Outlook*. OECD Publishing, Paris, 2022.
6. European Union. *Regulation (EU) 2023/1114 on Markets in Crypto-Assets (MiCA)*, Official Journal of the European Union, 2023.
7. European Union. *Regulation (EU) No 910/2014 (eIDAS) on electronic identification and trust services for electronic transactions*.

8. European Union. *General Data Protection Regulation (GDPR) — Regulation (EU) 2016/679.*
9. European Commission. *Data Act Proposal*, Brussels, 2022.
10. TRIPS Agreement — *Agreement on Trade-Related Aspects of Intellectual Property Rights*, WTO, 1994.
11. *Budapest Treaty on the International Recognition of the Deposit of Microorganisms for the Purposes of Patent Procedure*, WIPO, 1977.
12. *Berne Convention for the Protection of Literary and Artistic Works*, WIPO, 1886.
13. *WIPO Copyright Treaty*, 1996.
14. UNCITRAL. *Model Law on Electronic Commerce*, United Nations, 1996.
15. UNCITRAL. *Model Law on Electronic Signatures*, United Nations, 2001.
16. Fransiya. *PACTE Law – Plan d’Action pour la Croissance et la Transformation des Entreprises*, 2019.
17. AQSh. *Digital Millennium Copyright Act (DMCA)*, 1998.
18. Janubiy Koreya. *Digital Assets Basic Act*, 2023.

19. O‘zbekiston Respublikasi Konstitutsiyasi. Qonunchilik ma’lumotlari milliy bazasi, 2023-yilgi tahriri.

20. O‘zbekiston Respublikasi Fuqarolik kodeksi. Qonunchilik ma’lumotlari milliy bazasi.

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДОГОВОРОВ, ЗАКЛЮЧЕННЫХ НА ОСНОВЕ БЛОКЧЕЙН-ТЕХНОЛОГИЙ

Каршиева Сохибжамол Баходир кизи

Магистрант Ташкентского государственного юридического университета

***Аннотация.** В статье рассматриваются актуальные проблемы правовой регламентации смарт-контрактов - договоров, заключенных и исполняемых с использованием блокчейн-технологий. Особое внимание уделяется юридической природе оферты и акцепта, определению волеизъявления сторон в автоматизированной среде, а также вопросам идентификации участников и юридической ответственности при срывах исполнения. На основе сравнительно-правового анализа делаются выводы о необходимости совершенствования национального законодательства в условиях цифровой трансформации.*

***Ключевые слова:** смарт-контракт, блокчейн, свобода договора, акцепт, идентификация, автоматизация, гражданское право, законодательство Узбекистана, юридическая ответственность, цифровое право.*

BLOKCHEYN TEXNOLOGIYASI ASOSIDA TUZILGAN SHARTNOMALARNI HUQUQIY TARTIBGA SOLISH MUAMMOLARI

Qarshiyeva Sohibjamol Bahodir qizi

Toshkent davlat yuridik universiteti magistranti

***Annotatsiya.** Ushbu maqolada blokcheyn texnologiyasiga asoslangan aqlli shartnomalarning huquqiy tabiatiga oid dolzarb muammolar tahlil qilinadi. Tadqiqotda an'anaviy fuqaro-huquqiy tizimda taklif va aksept, avtomatik ijro, yuridik majburiyatlar va tomonlarning identifikatsiyasi kabi masalalarning*

zamonaviy texnologik sharoitda qanday huquqiy yechimlarga muhtojligi ko'rib chiqiladi. O'zbekiston Respublikasining amaldagi qonunchiligi xalqaro tajriba bilan solishtiriladi va mazkur sohadagi tartibga solishni takomillashtirish bo'yicha aniq takliflar ilgari suriladi.

Kalit so'zlar: smart-kontrakt, blokcheyn, shartnoma erkinligi, aksept, identifikatsiya, avtomatlashtirish, fuqarolik huquqi, O'zbekiston qonunchiligi, yuridik javobgarlik, raqamli huquq.

ISSUES OF LEGAL REGULATION OF CONTRACTS BASED ON BLOCKCHAIN TECHNOLOGY

Karshieva Sokhibjamol Bakhodir kizi

Master's student of Tashkent State University of Law

Abstract. *This article addresses key legal challenges related to smart contracts - agreements concluded and executed using blockchain technology. It focuses on the issues of offer and acceptance in a digital context, the autonomy of execution, the identification of parties, and liability mechanisms in case of execution failures. A comparative legal analysis of Uzbekistan's legislation and international practice is conducted, and practical proposals for regulatory improvements are provided.*

Keywords: *smart contract, blockchain, freedom of contract, acceptance, identification, automation, civil law, Uzbekistan's legislation, legal liability, digital law.*

ВВЕДЕНИЕ

Бурное развитие цифровых технологий привело к появлению инновационного правового инструмента - смарт-контрактов, основанных на

технологии блокчейн. Их отличительной чертой является автоматическое исполнение условий договора без участия человека, высокая прозрачность и устойчивость к изменениям. Вместе с тем, возникает ряд вопросов, связанных с возможностью интеграции таких соглашений в традиционную систему гражданско-правового регулирования.

Анализ показывает, что правовая природа смарт-контрактов, порядок выражения согласия сторон, а также распределение ответственности при срывах исполнения остаются нерешенными в законодательстве Республики Узбекистан. Несмотря на наличие базовых понятий в Гражданском кодексе (оферта, акцепт, обязательства и др.), их применение в цифровой среде требует дополнительных нормативных разъяснений.

В этой связи целью настоящего исследования является правовой анализ смарт-контрактов, выявление существующих проблем в национальном и международном регулировании, а также выработка практических рекомендаций по совершенствованию законодательства. Используя теоретические подходы и зарубежный опыт, автор стремится предложить правовые механизмы, адаптированные к реалиям цифровой экономики.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

В ходе подготовки статьи применялись следующие научные и правовые методы:

- Нормативно-правовой анализ - изучены положения Гражданского кодекса Республики Узбекистан, Закона «Об электронной торговле», Закона

«Об информатизации», а также иные нормативные акты, регулирующие цифровые сделки и использование информационных технологий;

- Сравнительно-правовой метод - проведено сопоставление законодательства Узбекистана с правовыми подходами США, Великобритании, Европейского союза и других государств в сфере смарт-контрактов;

- Научно-теоретический анализ - рассмотрены позиции отечественных и зарубежных ученых-юристов, содержащиеся в монографиях, научных статьях, материалах международных конференций;

- Анализ практики - изучены конкретные кейсы, связанные с использованием смарт-контрактов, и соответствующие правовые коллизии.

На основании полученных данных автором были выявлены ключевые проблемы правового регулирования смарт-контрактов, а также разработаны предложения по их устранению.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

В результате проведенного правового анализа установлено, что правовое регулирование смарт-контрактов в законодательстве Республики Узбекистан носит фрагментарный характер и не отражает специфики данного цифрового инструмента. Исследование позволило выделить следующие ключевые проблемы и направления их правовой оценки:

Проблема предложения и принятия. Прежде всего следует рассмотреть правовые проблемы, возникающие в процессе формирования оферты и акцепта при заключении смарт-контрактов. Этот вопрос вызывает активные научные дискуссии, поскольку традиционные юридические

механизмы направления оферты и выражения согласия на ее условия (акцепта), применяемые в классических гражданско-правовых отношениях, оказываются неприменимыми в условиях цифровой среды, где взаимодействие сторон осуществляется посредством автоматизированных технологий. В этой связи мы хотим отметить, что смарт-контракты иницируются сообщениями с использованием инфраструктуры открытых ключей¹.

Таким образом, можно сделать вывод, что сообщение, направленное одной стороной с предложением заключить договор, рассматривается как оферта, тогда как подтверждение согласия другой стороны будет считаться акцептом. Вместе с тем необходимо учитывать, что порядок определения момента, когда оферта считается полученной, а акцепт - действительным, регулируется нормами национального права, что обуславливает различия в подходах в разных юрисдикциях. В частности, в Республике Узбекистан нормы, регулирующие порядок направления, получения и принятия оферты, а также выражения акцепта, закреплены в статьях 367–373 Гражданского кодекса Республики Узбекистан.

В частности, согласно статье 370 Гражданского кодекса Республики Узбекистан, в случае, если в письменной оферте не установлен конкретный срок для акцепта, договор считается заключенным при условии, что оферент получил акцепт в срок, предусмотренный законодательством или иными нормативными актами, а при его отсутствии - в пределах разумного времени, необходимого для доставки ответа в обычных условиях. Также, если оферта

¹ Miller, R. L., & Jentz, G. A. (2010). Business law today. Chula Vista.
SJIF:5.219

была сделана устно и не содержит указания на срок акцепта, договор считается заключенным при условии немедленного выражения согласия другой стороной, как это также установлено в статье 370 ГК РУз². Аналогичная ситуация сложилась и в США, где § 2-205 Единого торгового кодекса устанавливает сходное правило: «Предложение торговца купить или продать товар в подписанном письменном документе, который по своим условиям позволяет определенно установить, что это публичная оферта, не подлежит отмене из-за отсутствия акцепта в течение указанного срока или, если срок не указан, в течение разумного времени, но ни в коем случае такой срок не может превышать трех месяцев; но любой такой срок заверения должен быть отдельно подписан оферентом»³.

В отличие от формулировки «в течение нормально необходимого срока», содержащейся, например, в Гражданском кодексе Российской Федерации, Гражданский кодекс Республики Узбекистан предусматривает более четкие положения. Так, согласно статье 362 ГК РУз, если в письменной оферте не указан срок для акцепта, она сохраняет силу до истечения срока, установленного законом или иными правовыми актами, а при отсутствии такого срока - в течение срока, обычно необходимого в подобных обстоятельствах для получения ответа. В то же время статья 363 устанавливает, что если оферта сделана устно без указания срока для

² Гражданский кодекс Республики Узбекистан (Часть I), статья 370 «Оферта и акцепт». *Lex.uz*. <https://lex.uz/ru/docs/90066>.

³ Uniform Law Commission. (1951). *The Uniform Commercial Code*. Chicago. <https://www.uniformlaws.org/acts/ucc>.

акцепта, договор считается заключенным, если другая сторона немедленно заявила о своем согласии.

Следовательно, для регулирования отношений, возникающих при использовании смарт-контрактов, в которых момент акцепта фиксируется автоматически и может не совпадать с обычными правилами, мы считаем обоснованным введение специальной нормы. Такая норма могла бы учитывать особенности цифровой среды и использовать принципы, аналогичные положениям Конвенции ООН о договорах международной купли-продажи товаров 1980 года (Венская конвенция), обеспечивая правовую определенность и предсказуемость в электронных сделках.

Проблема автономности. Кроме того, необходимо проанализировать вопросы, связанные с автономным характером заключения смарт-контракта. Особенность данной формы соглашения заключается в том, что исполнение его условий возлагается на стороны автоматически, без необходимости дополнительного волеизъявления после запуска механизма. В этой связи представляет интерес правовая позиция, сформированная судебной практикой Великобритании, которая может служить ориентиром при оценке допустимости таких контрактов с точки зрения действующего права. В частности, мы ссылаемся на прецедент *Software Solutions Partners Ltd, R v HM Customs & Excise*⁴, решение по которому постановило, что автоматизированные компьютерные системы не могут самостоятельно связывать стороны обязательствами, поскольку в действиях системы отсутствует человеческий разум.

⁴ Software Solutions Partners Ltd, R v HM Customs & Excise (2007) EWHC 971. SJIF:5.219

Иными словами, при отсутствии действительного волеизъявления сторон на возникновение договорных обязательств, они не могут быть привлечены к ответственности за обязательства, возникшие исключительно в результате автоматического исполнения условий смарт-контракта. На основании этого можно заключить, что при заключении такого рода соглашений стороны, по сути, соглашаются на ограничение активного волеизъявления в процессе исполнения договора, что вытекает из самой природы смарт-контракта. Однако это вовсе не означает полного отказа от воли сторон - она может быть выражена косвенно, например, через фактические действия, свидетельствующие о согласии с условиями.

Таким образом, решение обозначенной проблемы требует переосмысления правовой сущности отношений, возникающих в рамках смарт-контрактов, и соответствующего обновления действующих нормативных положений. Что касается вопроса автоматического продления действия смарт-контракта вследствие технических сбоев, представляется возможным применение аналогии с положениями классического договорного права, допускающими продолжение обязательств при фактическом продолжении исполнения договора. При этом необходимо учитывать баланс интересов сторон и наличие их согласия на продолжение договорных отношений.

Проблема определения правового статуса смарт-контракта.

Другим проблемным аспектом, является установления правового статуса смарт-контрактов, которые напрямую влияют на их правоприменимую значимость. В частности, следует отметить, что некоторые исследователи

высказывают сомнения в возможности наделения смарт-контракта четким юридическим содержанием. Одной из ключевых трудностей также выступает вопрос интерпретации такого контракта в судебной практике, поскольку его структура представлена в виде программного кода, а не традиционного текстового соглашения, что затрудняет его юридическое толкование и правовую квалификацию. В этой связи мы должны отметить, что мы не согласены с М. Джанкаспро в том, что смарт-контракту предшествует предварительный договор, написанный на естественном языке⁵. На наш взгляд, документ, оформленный на естественном языке, не следует рассматривать как предварительный договор. Скорее, он представляет собой проект будущего соглашения, которое в дальнейшем будет реализовано в виде смарт-контракта, включая возможные уточнения и дополнения его условий.

Следовательно, при условии точного переноса положений проекта договора в код смарт-контракта, такой проект может быть использован в качестве единственно верного перевода текста смарт-контракта, выполненного на языке программирования. Тем не менее, многие авторы отмечают, что правоотношения между сторонами возникают именно в рамках смарт-контракта, то есть программного кода. Иными словами, в данной ситуации компьютерный код эквивалентен договору, составленному на естественном языке. Более того, версия на естественном языке может

⁵ Giancaspro, M. (2017). Is a 'smart contract' really a smart idea? Insights from a legal perspective. *Computer Law & Security Review*, 6(33), 825–835.

исполняться параллельно (хотя и не будет иметь юридической силы) для лучшего понимания положений смарт-контракта⁶.

Хотелось бы тоже отметить, что после признания смарт-контрактов на официальном уровне в законодательной системе Узбекистана возникает необходимость определения подходящей модели их имплементации. Возможны два варианта: обособленная модель интеграции или гибридная. В рамках обособленного подхода традиционные бумажные договоры продолжают использоваться без изменений, а смарт-контракты выступают в качестве дополнительного инструмента, реализующего отдельные элементы исполнения соглашения. При этом основные и существенные условия сделки остаются зафиксированными исключительно в классическом договоре, тогда как программный код играет роль технического средства, автоматизирующего выполнение обязательств.

Следует отметить, что в случае расхождения между условиями, прописанными в коде, и положениями письменного договора, приоритет будет отдаваться последнему. Однако, по нашему мнению, такой подход может повлечь за собой увеличение затрат, поскольку потребуются дублирование договоров, как в бумажной форме, так и в виде смарт-контракта. Кроме того, вероятно усиление правовой неопределенности из-за возможных расхождений между положениями двух форм соглашения. Это, в свою очередь, снижает эффективность предполагаемого реформирования: автоматизация заключения и исполнения договоров, снижение

⁶ Bodo, B., Gervais, D., & Quintais, J. P. (2018). Blockchain and smart contracts: The missing link in copyright licensing? *International Journal of Law and Information Technology*, 26(4), 311–336.
SJIF:5.219

коррупционных рисков, минимизация бюрократических процедур и сокращение издержек и убытков, возникающих при исполнении контрактов⁷.

Следует также отметить, что проблема интерпретации смарт-контракта в судебном заседании также может быть решена не только путем предоставления проекта смарт-контракта на естественном языке. В данном случае мы вынуждены согласиться с М. Джанкаспро, который утверждает, что в судебных делах, возникающих в связи с нарушением смарт-контракта, необходимо привлечение экспертов и специалистов (профессиональных программистов и специального оборудования). В свою очередь, мы хотим отметить, что подобные меры также помогут добиться более объективного окончательного решения, что соответствует международным принципам справедливости судебного разбирательства.

Проблема определения ответственных сторон. Проблема определения ответственных сторон и ответственности в целом в случае самостоятельной модификации кода смарт-контракта была корректно сформулирована в юридической науке⁸. В данном контексте следует отметить, что в гражданском праве Узбекистана существует правовой механизм, который при определенной адаптации может быть применен к отношениям, возникающим из смарт-контрактов. Поскольку участники смарт-контракта являются сторонами гражданско-правового договора, на них распространяются общие положения обязательственного права. В частности,

⁷ Абдурахманова, Н. (2022). Вопросы регулирования и внедрения смарт-контрактов в национальное законодательство. *Общество и инновации*, 3(11/S), 170–178. <https://doi.org/10.47689/2181-1415-vol3-iss11/S-pp170-178>.

⁸ Luu, L., Chu, D.-H., Olickel, H., Saxena, P., & Hobor, A. (2016). Making smart contracts smarter. *Proceedings of the 2016 ACM SIGSAC Conference on Computer and Communications Security*, 254–269.

согласно ст. 375 ГК РУз, должник несет ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства лишь при наличии вины - умысла или неосторожности. Однако в случае со смарт-контрактами, где исполнение происходит автоматически на основе заложенного алгоритма, установление виновного лица может оказаться затруднительным, что на практике может привести к невозможности привлечения к ответственности в традиционном смысле.

Учитывая техническую сложность написания смарт-контрактов, которые представляют собой программный код, логично предположить, что их разработкой занимается специалист в области информационных технологий. Таким образом, ответственность за корректность и работоспособность программного обеспечения лежит на этом лице. В соответствии со ст. 1003 ГК РУз, лицо, возместившее вред, причиненный другим лицом при исполнении трудовых или иных обязанностей, имеет право регрессного требования к этому лицу в размере выплаченного возмещения.

Исходя из этого, мы полагаем, что если вследствие ошибки в коде смарт-контракта одной из сторон были понесены убытки, то ответственность первоначально может быть возложена на сторону, заказавшую разработку смарт-контракта. Однако она вправе предъявить регрессное требование к непосредственному разработчику программного кода. В случае привлечения третьей стороны - будь то физическое или юридическое лицо - именно эта сторона будет нести ответственность за программные дефекты. При этом в договоре об оказании услуг по разработке смарт-контракта следует четко

определить ответственность исполнителя в случае сбоя функционирования смарт-контракта, вызванного ошибками в программном обеспечении.

В этой связи следует отметить мнение А. Савельева, который, рассматривая возможность несоответствия условий смарт-контракта первоначальной воле сторон, указывает, что, поскольку существует риск неправильного толкования юридических формулировок в программном коде, необходимо четкое разграничение лица, ответственного за программный код смарт-контракта, и контрагента такого лица от сторон самого смарт-контракта⁹. Действительно, такое разграничение позволит, с одной стороны, избежать спора об условиях смарт-контракта между его сторонами, с другой - определить лицо, ответственное за такие упущения, то есть лицо, ответственное за содержание самого смарт-контракта.

Проблема обязательств. Еще один «вызов» смарт-контрактам исходит из представления о том, что смарт-контракт не создает обязательств между сторонами в юридическом смысле. По нашему мнению, это суждение спорно, но не ошибочно в принципе. В классическом понимании договорного права между сторонами договора возникают взаимные права и обязанности, однако в случае со сторонами смарт-контракта этого не происходит. Эта особенность связана с уникальной системой автоматического исполнения договора в блокчейне, которая предполагает совершение сделок в случае заключения смарт-контракта независимо от воли сторон, его исполняющих. Таким образом, смарт-контракты не могут быть классифицированы как

⁹ Savelyev, A. (2017). Contract law 2.0 'Smart' contracts as the beginning of the end of classic contract law. *Information & Communications Technology Law*, 2(26), 116–134.
SJIF:5.219

договоры с точки зрения классической теории права. Однако мы хотим отметить, что стороны любого контракта, как классического, так и смарт-контракта, влияют на процесс договорного регулирования, выражая свою волю. Иными словами, должен соблюдаться принцип свободы договора, согласно которому стороны вольны выражать свою волю при заключении договора. По нашему мнению, волеизъявление, направленное на выражение желания стороны заключить договор в любой форме и стать его стороной, означает также желание такой стороны занять роль, соответствующую положению в данном договоре. Таким образом, можно считать, что, несмотря на отсутствие юридических обязательств в классическом понимании между сторонами смарт-контракта, сам факт волеизъявления сторон, направленного на выражение желания быть сторонами смарт-контракта и желания нести последствия исполнения такого договора, может свидетельствовать о том, что смарт-контракты представляют собой уникальную форму фиксации отношений между сторонами такого договора.

Среди проблемных аспектов смарт-контрактов принято выделять анонимность сторон смарт-контракта. В частности, отмечается, что одной из проблем, с которой столкнется законодатель, является определение возраста сторон смарт-контракта. Поскольку использование таких контрактов предполагает анонимизацию сторон, может возникнуть ситуация, когда одна из сторон договора не имеет права его заключать. В этом случае договор может быть признан недействительным или ничтожным. Например, в странах общего права существует общее правило, согласно которому стороной договора может быть только лицо, достигшее 18 лет, то есть

SJIF:5.219

дееспособное. В этом случае, даже если другая сторона смарт-контракта является дееспособным совершеннолетним лицом, договор между такой стороной и несовершеннолетним будет считаться недействительным¹⁰. При этом, по нашему мнению, на сегодняшний день невозможно обеспечить эффективный способ проверки возраста стороны смарт-контракта. Однако мы не отрицаем, что такая возможность появится в будущем.

Проблема идентификации субъектов. Еще одна проблема, возникающая в связи с анонимностью статуса сторон, связана с идентификацией субъектов соглашения. По общему правилу, установленному прецедентом *Cundy v. Lindsay* и прецедентом *Shogun Dinance Ltd. v. Hudson*, если стороны не заключили договор путем личной встречи (фактическая встреча двух сторон в одном месте для урегулирования положений договора и его заключения), а впоследствии выяснилось, что одна из сторон предоставила неверные сведения о своей личности, такой договор является недействительным¹¹. В ряде стран недействительность наступает, когда неверные сведения затрагивают саму суть договора, как, например, установлено прецедентом *Maryland Casualty Co v Krasnek*¹². В других странах, например в Российской Федерации, недействительность возникает в случае недобросовестности стороны, предоставившей достоверную

¹⁰ Giancaspro M. (2017) Is a 'smart contract' really a smart idea? Insights from a legal perspective. *Computer Law & Security Review* 6(33), 825-835.

¹¹ *Cundy v Lindsay* (1878) 3 App Cas 459.

¹² *Maryland Casualty Co v Krasnek* (1965) 174 So 2d 541.

информацию¹³. Данная проблема, а также способ ее решения, по нашему мнению, схожи с проблемой определения возраста стороны смарт-контракта.

Анонимность транзакций создает проблемы не только с определением правоспособности и личности сторон смарт-контракта, но и с определением истинности намерений сторон. Некоторые исследователи отмечают, что, учитывая все эти факторы, существует высокая вероятность мошеннических и иных незаконных действий со стороны недобросовестных участников смарт-контракта¹⁴. Однако мы полагаем, что механизм технологии блокчейн и, главное, автоматизация исполнения смарт-контракта исключают возможность обмана добросовестной стороны данного вида договора в силу полного исполнения условий договора. Иными словами, даже при наличии умысла со стороны недобросовестной стороны смарт-контракта технология не позволит обмануть добросовестную сторону. Единственная возможность, которую мы предполагаем, - это воздействие на сторону вне киберпространства, к примеру личные угрозы, вымогательство, принуждение.

ПРЕДЛАГАЕМЫЕ ПРАВОВЫЕ МЕРЫ

Для эффективной интеграции смарт-контрактов в правовую систему Республики Узбекистан и устранения выявленных правовых пробелов автором предлагаются следующие направления нормативно-правового усовершенствования:

¹³ The State Duma of Russian Federation. (1994). *The Civil Code of the Russian Federation (Part I) dated 30.11.1994 N 51-FZ (ed. dated 09.03.2021)*. Moscow.

¹⁴ Giancaspro M. (2017) Is a 'smart contract' really a smart idea? Insights from a legal perspective. *Computer Law & Security Review* 6(33), 825-835.

1. Введение легального определения и правового статуса смарт-контракта: следует закрепить в Гражданском кодексе или в специальном законе определение смарт-контракта как формы электронного соглашения, исполняемого автоматически посредством программного кода. При этом должно быть указано, что такой контракт признается юридически значимым при наличии согласия сторон и соблюдении общих принципов договорного права. Предлагаемая формулировка: «Смарт-контракт - это цифровое соглашение, реализованное в виде программного кода в децентрализованной сети, которое автоматически исполняет предусмотренные в нем обязательства без необходимости дополнительного вмешательства сторон.»

2. Регламентация механизма оферты и акцепта в цифровой среде: необходимо установить специальные нормы, регулирующие порядок заключения договоров с использованием смарт-контрактов. В частности, признать, что направление транзакции или исполнение определенного цифрового действия может являться формой акцепта.

3. Установление порядка идентификации сторон и оценки правоспособности: для предотвращения злоупотреблений важно внедрить электронную систему идентификации участников цифровых сделок, например, через усиленные электронные подписи или блокчейн-аутентификацию.

4. Регулирование ответственности сторон и третьих лиц: рекомендуется закрепить распределение ответственности в случаях ошибок в коде или сбоях исполнения смарт-контрактов. В частности, в договоре об

оказании услуг по разработке кода должно быть прямо указано, кто несет риски при технических ошибках.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В рамках проведенного исследования были рассмотрены ключевые проблемы правового регулирования смарт-контрактов, основанных на технологии блокчейн. Установлено, что действующее законодательство Республики Узбекистан пока не охватывает специфические аспекты, связанные с цифровой природой данных контрактов, включая вопросы акцепта, волеизъявления, идентификации участников и распределения ответственности.

Анализ международной практики показал, что в ряде стран осуществляется правовое признание смарт-контрактов как особой формы соглашения с автоматическим исполнением. Такие подходы могут быть адаптированы к национальным условиям Узбекистана.

На основании выявленных проблем были предложены конкретные правовые меры, включая необходимость определения правового статуса смарт-контракта, разработку механизмов цифрового волеизъявления, введение системы идентификации и регулирование ответственности разработчиков программного обеспечения. Также подчеркнута необходимость привлечения технических экспертов при разрешении споров.

Реализация предложенных инициатив позволит обеспечить правовую определенность, повысить доверие к цифровым сделкам, а также создать условия для широкого внедрения смарт-контрактов в гражданский оборот

Республики Узбекистан в соответствии с международными стандартами цифровой экономики.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Джанкаспро М. Является ли смарт-контракт действительно умной идеей? Анализ с правовой точки зрения // Computer Law & Security Review. – 2017. – Т. 33, № 6. – С. 825–835.
2. Савельев А.И. Договорное право 2.0: смарт-контракты как начало конца классического договорного права // Вестник гражданского права. – 2016. – № 3. – С. 123–140.
3. Скларофф Дж.М. Смарт-контракты и цена негибкости // University of Pennsylvania Law Review. – 2017. – Т. 166. – С. 263–300.
4. Фэрфилд Д.А.Т. Смарт-контракты, биткойн-боты и защита потребителей // Washington and Lee Law Review Online. – 2014. – Т. 71, № 2. – С. 35–50.
5. Szabo N. Smart Contracts [Электронный ресурс]. – 1994. – URL: <http://www.fon.hum.uva.nl/rob/Courses/InformationInSpeech/CDROM/Literature/LOTwinterschool2006/szabo.best.vwh.net/smart.contracts.html>.
6. Nakamoto S. Bitcoin: A Peer-to-Peer Electronic Cash System [Электронный ресурс]. – 2008. – URL: <https://bitcoin.org/bitcoin.pdf>.
7. Delmolino K., Arnett M., Kosba A., Miller A., Shi E. Step by Step Towards Creating a Safe Smart Contract: Lessons and Insights from a

Cryptocurrency Lab [Электронный ресурс] // IACR. – 2015. – URL:
<https://eprint.iacr.org/2015/460.pdf>.

8. Wang B. Blockchain and the Law // Internet Law Bulletin. – 2016. –
Vol. 19, № 1. – P. 250–254.

**O‘ZBEKISTONDA SUN’IY INTELLEKT ISHTIROKIDAGI
ONLAYN MUNOSABATLARDAGI YUZAGA KELADIGAN HUQUQIY
MUOMMOLARNI HAL ETISH YO‘LLARI**

Nig‘matullayeva Laylo

Toshkent davlat yuridik universiteti magistranti

Annotatsiya: ushbu maqolada O‘zbekistonda sun’iy intellekt (SI) ishtirokidagi onlayn munosabatlarga doir asosiy yuridik muammolar tahlil qilinadi. Maqola O‘zbekiston Respublikasi qonunchiligini sun’iy intellekt sohasida xalqaro standartlarga mos integratsiyalash, ijro-etish va nazoratni kuchaytirish hamda “shaffof va mas’uliyatli” SI boshqaruvi tamoyillarini o‘rnatish zarurligini ta’kidlaydi.

Kalit so‘zlar: xavfsizlik, etika, raqamli O‘zbekiston, deepfake, qora quti, EU AI Act, kiberxavfsizlik, iste’molchilar, shaxsiy ma’lumotlar muhofazasi.

**ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ В ОНЛАЙН-ВЗАИМОДЕЙСТВИЯХ С
УЧАСТИЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В УЗБЕКИСТАНЕ
И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ**

Нигъматуллаева Лайло

Магистрантка Ташкентского государственного юридического университета

Аннотация: в данной статье анализируются основные правовые проблемы, возникающие в Узбекистане при участии искусственного интеллекта (ИИ) в онлайн-взаимодействиях. Отмечается необходимость интеграции законодательства Республики Узбекистан в сфере ИИ с международными стандартами, усиления механизмов исполнения и контроля, а также внедрения принципов «прозрачного и ответственного» управления ИИ.

Ключевые слова: безопасность, этика, цифровой Узбекистан, deepfake, «чёрный ящик», EU AI Act, кибербезопасность, потребители, защита персональных данных.

**LEGAL APPROACHES TO RESOLVING ONLINE-
INTERACTION ISSUES INVOLVING ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN
UZBEKISTAN**

Nig'matullayeva Laylo

Master's Student, Tashkent State University of Law

Abstract: *this article analyzes the primary legal challenges arising from online interactions involving Artificial Intelligence (AI) in Uzbekistan. It emphasizes the need to adapt Uzbek legislation in the AI field to international standards, strengthen implementation and oversight mechanisms, and establish principles of "transparent and responsible" AI governance.*

Keywords: *security, ethics, digital Uzbekistan, deepfake, black box, EU AI Act, cybersecurity, consumers, personal data protection.*

KIRISH

Turli davlatlarning huquqiy tizimi va tarixiy tajribasidagi farqlarni hisobga olgan holda, sun'iy intellekt sohasidagi milliy qonunchilik ham rang- barang bo'lishi ehtimoli juda yuqori. Sun'iy intellekt rivojlanishidan yuzaga kelishi mumkin bo'lgan salbiy oqibatlarining oldini olish uchun butun jahon hamjamiyati a'zolari tomonidan kelishilgan ma'lum umumiy qoidalar zarur. Bundan tashqari, davlatlarning mutlaq ko'pchiligi qonunchiligini xalqaro normalarga yo'naltiradi, demak, xalqaro darajada muayyan qoidalarning belgilanishi milliy qonunchilikda ham o'xshash normalarning mustahkamlanishiga xizmat qiladi. Rivojlangan mamlakatlar qatori, bizda ham sun'iy intellekt texnologiyalarini rivojlantirishiga

SJIF:5.219

e'tibor qaratilmoqda. "Raqamli O'zbekiston – 2030" strategiyasi doirasida SI texnologiyalarini rivojlantirish ustuvor yo'nalish sifatida belgilangani, Sun'iy intellekt texnologiyalarini 2030-yilga qadar rivojlantirish strategiyasini tasdiqlash to'g'risida president qarori, SI sohasida ilmiy tadqiqotlarni qo'llab-quvvatlashga doir siyosiy irodalar mavjudligi bunga yaqqol misol bo'la oladi. Hozirgi paytda O'zbekiston Respublikasida sun'iy intellektni bevosita tartibga soluvchi maxsus qonun mavjud emas. O'zbekiston qonunchiligida "Iste'molchilarning huquqlarini himoya qilish to'g'risida", "Kiberxavfsizlik to'g'risida", "Shaxsga doir ma'lumotlar to'g'risida" gi Qonunlar mavjud. Ushbu qonunlar fuqarolar huquqlarini himoya qiladi, ammo sun'iy intellekt keltirib chiqargan oqibatlar uchun javob bermaydi.

Ushbu tadqiqotda quyidagi metodlar qo'llaniladi:

Normativ-huquqiy tahlil: O'zbekistonning "Iste'molchilarning huquqlarini himoya qilish to'g'risida", "Kiberxavfsizlik to'g'risida", "Shaxsga doir ma'lumotlar to'g'risida" gi SI ga oid qonun-hujjatlari tahlil qilindi.

Taqqoslash usuli: EU AI Act, CoE konvensiyasi va boshqa xalqaro standartlar va manbaalarni tahlil qilindi.

Doktrinal va doktrinariya yondashuv: SI ga oid huquqiy kontseptlar, "qora quti" (black box), etik va mas'uliyat qoidalari ko'rib chiqildi.

TADQIQOT NATIJALARI

O'zbekiston Respublikasi sun'iy intellektni 2030-yilga qadar rivojlantirish strategiyasida normativ-huquqiy bazani shakllantirishga oid milliy qonunchilik hujjatlarini xalqaro tajriba asosida ishlab chiqish va takomillashtirish maqsadida

quyidagi choralar ko‘riladi. 1. Tadqiqotlar natijalari hamda rivojlangan xorijiy davlatlar tajribasini o‘rgangan holda sun‘iy intellekt texnologiyalari rivojlanishini qo‘llab-quvvatlash sohasida mustahkam huquqiy asos yaratish; 2. Sun‘iy intellekt texnologiyalarini keng joriy etish va ulardan foydalanish bilan bog‘liq subyektlar o‘rtasidagi munosabatlarni tartibga solishning yaxlit tizimini yaratish; 3. Sohadagi davlat standartlari va normativ-huquqiy hujjat loyihalarini ishlab chiqish; 4. Sun‘iy intellekt texnologiyalari sohasidagi institutsional asoslarni shakllantirish; 5. Ma‘lumotlarni qayta ishlash va saqlash markazlaridagi “bulutli texnologiyalar” xizmatlari bo‘yicha ma‘lumotlarning yaxlitligi va xavfsizligini ta‘minlash asoslarini kuchaytirish. Xavfsizlik va etika talablarini joriy etish maqsadida sun‘iy intellekt texnologiyalari bo‘yicha etika qoidalarini ishlab chiqish, ma‘lumotlarni yig‘ish, saqlash va qayta ishlash hamda ularni muhofaza qilish va xavfsizligini ta‘minlash bo‘yicha normativ-huquqiy hujjatlarni takomillashtirish kabi muhim vazifalar mavjud¹.

Jamiyat o‘zgarar ekan, qonun chiqaruvchi organning huquqni yangi sharoitlarga moslashtirishga bo‘lgan harakatlari yangi normalar qo‘shilishiga olib kelmoqda. Normaning ko‘payishi huquqiy mato sifatini pasaytiradi, normalar o‘rtasidagi bog‘liqlik yo‘qoladi. Ba‘zi qoidalar boshqalariga zid bo‘lib qolishi tabiiy holat. Sun‘iy intellektning elektron tijoratga integratsiyasi yangi huquqiy muammolarni yuzaga keltirar ekan, bular qatoriga iste‘molchilarni himoya qilish, ma‘lumotlar maxfiyligini ta‘minlash va intellektual mulk huquqlarini himoya qilish kiradi. Shu bilan birga, bu jarayon huquqiy innovatsiyalar va yanada ilg‘or

¹ O‘zbekiston Respublikasi Prezidentining qarori, 2024-yil, 358-son // O‘zbekiston Respublikasi Sun‘iy intellekt texnologiyalarini 2030-yilga qadar rivojlantirish strategiyasi.
SJIF:5.219

tartibga soluvchi mexanizmlarni yaratish uchun yangi imkoniyatlarni ham taqdim etadi.

Sun'iy intellektni tartibga solishga asos bo'ladigan mavjud axloqiy tamoyillarga tayangan holda, sun'iy intellektning huquqiy tartibga solish prinsiplari shakllantirilishi mumkin. Yuridiklar fikriga ko'ra, bu sohada qonunchilikni shakllantirish quyidagi asosiy qoidalarni hisobga olishi kerak. Birinchidan, inson huquqlari, jamiyat va davlat xavfsizligining ustuvorligini ta'minlash. Ikkinchidan, sun'iy intellektni ishlab chiqish va amaliyotda joriy etish haqida axborotning shaffofligini kafolatlash. Uchinchidan, hech qanday kamsitishlarsiz sun'iy intellektdan foydalanish huquqining teng ta'minlanishini kafolatlash. To'rtinchidan, insonning sun'iy intellekt bilan o'zaro munosabat shartlarini tanlash huquqini, shu jumladan undan foydalanishdan voz kechish huquqini kafolatlash².

Davlat tomonidan sun'iy intellekt kabi jadal rivojlanayotgan yangi texnologiyalar sohasiga yetarlicha e'tibor berilmasligi katta bahs-munozaralarga, texnik nosozliklarga, hattoki o'lim holatlariga olib kelishi mumkin. Agar bunday holatlarning oldini olish yoki ularni hal etish uchun zarur choralar ko'rilmasa, bu nafaqat bevosita salbiy oqibatlariga, balki bilvosita salbiy ta'sirlarga ham sabab bo'lishi mumkin. Chunki qonunchi bunga javoban butun sanoat tarmoqlariga nisbatan haddan tashqari cheklovlar kiritishi yoki jamiyatni samarali himoya qiladigan chora-tadbirlarni ko'rmasligi mumkin. Sun'iy intellekt keltirib chiqaradigan asosiy huquqiy muommolar bu —javobgarlik masalasi, shaxsiy

² Ручкина Г., Демченко М., Попова А. Теория правового регулирования искусственного интеллекта, роботов и объектов робототехники: монография. – Москва: Прометей, 2020. – 296 с.

ma'lumotlarni himoya qilish, noaniq algoritmlar va shaffoflikning yo'qligi, noto'g'ri yoki diskriminatsion qarorlar, mualliflik huquqi va intellektual mulkka oid muommolar. SI vositasida qabul qilingan qarorlar noto'g'ri bo'lishi yoki zarar yetkazishi mumkin. Masalan, kredit skoring tizimi orqali noto'g'ri baholash natijasida fuqaro moliyaviy zarar ko'rishi mumkin. Bunday hollarda kim javobgar bo'ladi — SI dasturchisi, egasi, foydalanuvchimi? Amaldagi qonunchilikda bu masala aniq tartibga solinmagan. SI tizimlari katta hajmdagi shaxsga doir ma'lumotlarni to'playdi, tahlil qiladi va saqlaydi. Onlayn faoliyat davomida fuqarolarning roziligisiz ma'lumotlar yig'ilishi yoki ulardan noto'g'ri foydalanilishi shaxsiy hayot daxlsizligi prinsipiga zid keladi. "Shaxsga doir ma'lumotlar to'g'risida"gi Qonunning³ SI texnologiyalariga qo'llanishi amaliyotda ko'plab savollarni tug'diradi. Ko'plab SI tizimlarida ishlovchi algoritmlar "qora quti" (black box) usulida faoliyat yuritadi, ya'ni foydalanuvchi qaror qanday qabul qilinganini tushunmaydi. Bu esa qaror ustidan shikoyat qilish, uni baholash va nazorat qilish imkonini cheklaydi. Algoritmik shaffoflikning yo'qligi inson huquqlariga tahdid tug'dirishi mumkin. SI tizimlarining qaror qabul qilishida ba'zan mavjud ma'lumotlarga asoslangan holda irqiy, jinsiy yoki boshqa ko'rinishdagi diskriminatsion natijalar kuzatilishi mumkin. Bunday holatlar huquqiy jihatdan asossiz qarorlar sifatida e'tirof etilishi lozim, biroq ularni aniqlash va javobgarlikni belgilash amaliyoti hali to'liq shakllanmagan. SI vositasida yaratilgan kontent (matn, rasm, musiqa, dasturiy kod) kimga tegishli bo'ladi? Agar SI mustaqil tarzda yangi asar yaratgan bo'lsa, bu asarning muallifi

³ O'zbekiston Respublikasining qonuni // Shaxsga doir ma'lumotlar to'g'risida, 2019-yil, 547-son.
SJIF:5.219

kim hisoblanadi? Bu savollar hanuz xalqaro huquq doirasida bahsli bo‘lib qolmoqda.

MUNOZARA

Sun‘iy intellektning insoniyat uchun global miqyosdagi ahamiyati xalqaro darajada javob choralari ko‘rishni talab qiladi. Bu faqat alohida davlatlararo birlashmalar faoliyatida emas, balki global xalqaro tashkilotlar — ya‘ni BMT va uning ixtisoslashtirilgan muassasalari, xususan, YUNESKO va Jahon sog‘liqni saqlash tashkiloti (JSST) faoliyatida ham o‘z aksini topmoqda.

O‘zbekiston Respublikasining “Iste‘molchilar huquqlarini himoya qilish to‘g‘risida”gi Qonuni⁴ to‘g‘ri va ishonchli axborot olish huquqi, xavfsiz mahsulot va xizmatga ega bo‘lish huquqi, shaffof va adolatli shartnoma asosida xizmat olish huquqi, zararni qoplash huquqi, sud yoki boshqa himoya mexanizmlaridan foydalanish huquqi kabi asosiy huquqiy tamoyillarni belgilaydi SI mahsulotlari va xizmatlari ushbu tamoyillarning har birini sinov ostiga qo‘yadi, ayniqsa SI tomonidan berilgan noto‘g‘ri tavsiyalar yoki qarorlar, algoritmning shaffof emasligi maxfiylik va shaxsiy ma‘lumotlar buzilishi kabi holatlarda. Misol uchun onlayn servislar orqali noto‘g‘ri kredit reytingi, noto‘g‘ri sog‘liq bo‘yicha tavsiyalarni keltirsak bo‘ladi. Ayrim SI tizimlari “qora quti” (black box) bo‘lib, ularning qanday ishlashi yoki qaror qabul qilgan mexanizmini iste‘molchi tushunmaydi. SI ning ishlashi ko‘pincha katta hajmdagi shaxsga doir ma‘lumotlarni yig‘ish va qayta ishlashga tayanadi. Bu esa maxfiylik huquqining buzilishiga olib kelishi mumkin. SI asosidagi xizmatlar (chatbotlar, tavsiya tizimlari) iste‘molchi

⁴ O‘zbekiston Respublikasining “Iste‘molchilarning huquqlarini himoya qilish to‘g‘risida” qonuni, 1996-yil, 221-I-son.

bilan haqiqiy inson o'rtasidagi farq aniq belgilanmagan. SI tomonidan noto'g'ri qaror tufayli yetkazilgan zarar uchun javobgarlik masalasi aniq emas. Iste'molchi SI bilan muloqot qilayotganini oldindan bilish huquqiga ega emas. Shunday ekan, O'zbekistonda sun'iy intellekt ishtirokidagi onlayn xizmatlarda iste'molchi huquqlarini himoya qilish uchun qator vazifalar mavjud. SI asosida xizmat ko'rsatuvchi subyektlar uchun huquqiy majburiyatlar, iste'molchilarga esa aniq huquqiy kafolatlar belgilangan qonun hujjatlari zarur. Bu, xususan, "Sun'iy intellekt asosida xizmat ko'rsatish to'g'risida"gi qonun shaklida maxsus normativ- huquqiy hujjat bo'lishi mumkin. Iste'molchining SI qaroriga sabab bo'lgan omillarni bilish, unga shikoyat qilish va alternativ qaror so'rash huquqi ta'minlanishi kerak. "Tushuntirish mumkin bo'lgan SI" (explainable AI) prinsipi qonunchilikka kiritilishi maqsadga muvofiq. SI texnologiyalarida etik me'yorlarni joriy etish, ularning buzilishi holatlarini nazorat qiluvchi maxsus davlat organlari yoki ombudsmanlar institutini yaratish istiqbolli yo'nalishlardan biridir. Iste'molchilarning ma'lumotlarga egalik huquqini mustahkamlash, ya'ni, iste'molchi o'z ma'lumotlarining qanday ishlatilayotganini bilish, uni o'zgartirish yoki yo'q qilish huquqiga ega bo'lishi kerak. Bu "shaxsiy ma'lumotlarga egalik qilish" tamoyilini qonuniy mustahkamlash orqali amalga oshiriladi. Iste'molchilarning raqamli huquqlari, SI texnologiyalari va xavflar haqidagi bilim darajasi past bo'lishi — ularning huquqlari buzilishiga sabab bo'lishi mumkin. Shu bois axborot kompaniyalari va ta'lim dasturlari zarur. Qonunchilikni rivojlantirish, etik tamoyillarni joriy etish va raqamli savodxonlikni oshirish orqali fuqarolar SI ishtirokidagi onlayn munosabatlarda o'zini erkin va himoyalangan his qilishi mumkin bo'ladi.

Sun'iy intellekt texnologiyalarini rivojlanishini qo'llab-quvvatlagan holda, "Raqamli O'zbekiston – 2030" strategiyasi amalga kirdi. Bu mamlakatda raqamli transformatsiyani jadallashtirish, texnologik taraqqiyotni qo'llab- quvvatlash va zamonaviy raqamli iqtisodiyotni shakllantirishga qaratilgan uzoq muddatli hujjatdir. Ushbu strategiyada sun'iy intellekt (SI) texnologiyalarini joriy etish va rivojlantirish⁵ muhim yo'nalishlardan biri sifatida belgilangani tahsinga sazovor. Biroq, har qanday texnologik taraqqiyot bilan birga muayyan xavf- xatarlar va huquqiy bo'shliqlar ham yuzaga chiqadi. Masalan, huquqiy infratuzilmaning orqada qolishi. Strategiya SI ni jadal rivojlantirishni nazarda tutadi, ammo mavjud huquqiy baza SI bilan bog'liq murakkab masalalarni – masalan, shaxsiy ma'lumotlarni himoya qilish, algoritmik diskriminatsiya, javobgarlik masalalari – to'liq tartibga solmaydi. Bu holat texnologiya tez rivojlanib, huquqiy mexanizmlar esa kechikayotgan muvozanatsizlikni keltirib chiqaradi. Maxsus nazorat va etik standartlar bo'lmasa, SI texnologiyalarining noto'g'ri, masalan, fuqarolar ustidan kuzatuv yoki manipulyativ reklama uchun ishlatilishi mumkin. Bu inson huquqlari va shaxsiy erkinliklarga tahdid soladi. Xavfsizlik va kiberxavfsizlik muammolari ham kelib chiqishi tabiiy holat. SI asosidagi tizimlar murakkab algoritmlarga tayanadi, ularni buzish, manipulyatsiya qilish yoki noto'g'ri ishlash xavfi mavjud. "Raqamli O'zbekiston – 2030" strategiyasi bu borada umumiy chora-tadbirlarni ko'rsatsa-da, SI ga oid maxsus xavfsizlik me'yorlari hali ishlab chiqilmagan. Sun'iy intellekt keng qo'llanila boshlagan sari, ba'zi qatlamlar raqamli infratuzilmadan chetda qolishi, ya'ni

⁵ O'zbekiston Respublikasi Prezidentining Farmoni // "Raqamli O'zbekiston — 2030" strategiyasini tasdiqlash va uni samarali amalga oshirish chora-tadbirlari to'g'risida. – 2020-yil, 6079-son.
SJIF:5.219

raqamli tengsizlik yuzaga kelishi mumkin. Strategiyada bu xavf to'liq yoritilmagan. Shu bois, strategiyani amalga oshirish bilan bir qatorda, sun'iy intellektni tartibga soluvchi qonunchilik, standartlar, nazorat mexanizmlari va etika me'yorlarini ishlab chiqish dolzarb ahamiyat kasb etadi.

Har yili texnologik dunyodagi o'zgarishlarga moslashish zarurati ortib bormoqda, chunki yangi kibertahdidlarning tez-tez paydo bo'lishi katta moliyaviy yo'qotishlar va umuman jamiyat xavfsizligiga tahdid soladi. Statistik ma'lumotlarga ko'ra, 2025-yil 10-yanvar holatiga ko'ra O'zbekiston axborot makoniga qilingan hujumlar soni bo'yicha dunyoda 43-o'rinni egallagan. Ta'kidlash joizki, 2024-yil 30-dekabrda 2025-yil 5-yanvargacha bo'lgan haftada O'zbekistonga o'rtacha 27 879 ta tarmoq hujumi uyushtirilgan⁶. Shunga qaramay, O'zbekistonning Global kiberxavfsizlik indeksi bo'yicha erishgan yutuqlarini ham alohida qayd etish lozim. 2024-yilda mamlakat ushbu indeks bo'yicha 89,2 ball to'plab o'z o'rnini yaxshiladi. Shuningdek, 2024-yil 8-iyul kuni O'zbekistonda "Kiberxavfsizlik monitoring arkazi" ochildi. Uning asosiy vazifasi — davlat idoralari infratuzilmasida kiber tahdidlarni aniqlashdir. Shunga qaramay, mamlakatda hanuz ko'plab kiberhujumlar sodir bo'lmoqda, bu esa kiberhimoya darajasining pastligi, siyosiy yoki iqtisodiy motivlar mavjudligi, kiber tahdidlarga qarshi kurashda muvofiqlashtirishning zaifligi yoki kiberjinoyatchilar faolligining oshganligini ko'rsatishi mumkin. Hukumat e'tiborini mutaxassislar yetishmasligi, qonunchilik bazasining to'liq emasligi, davlat va xususiy sektorlar infratuzilmasidagi zaifliklar, aholining xabardorlik darajasi va xavfsizlik

⁶ Interactive cyber threat map (Elektron resurs). – URL: <https://cybermapkaspersky.com/ru> (murojat qilingan sana: 11.06.2025).
SJIF:5.219

infratuzilmasiga sarmoyalar yetishmasligi kabi kiberxavfsizlikning muhim yo‘nalishlariga qaratishi lozim. O‘zbekiston Respublikasida sun‘iy intellektidan kelib chiqadigan xavflarni oldini olish choralari tizimli yondashuvni talab etadi. Mazkur choralarning markazida inson huquqlari, shaxsiy daxlsizlik, axborot xavfsizligi va javobgarlik mexanizmlarining aniq belgilanishi turadi.

SI texnologiyalari orqali onlayn munosabatlarda, suhbat botlarida yoki veb-xizmatlarda foydalanuvchi ma’lumotlari mujassamlanadi. Mazkur ma’lumotlar noto‘g‘ri ishlatilishi, yashirin tarqatilishi yoki deepfake kabi usullar yordamida manipulyatsiya qilinishi mumkin. Onlayn platformalarda bot yoki virtual yordamchi orqali yaratilgan matn-rasmlar tarqaladi, ammo foydalanuvchi ularni inson yozgani deb qabul qiladi. Onlayn maslahat platformalarida yoki e-hukm tizimlarida foydalanuvchiga qarorlar to‘g‘risida keskin ta’sir ko‘rsatadigan xulosalar sun‘iy intellekt algoritmlari tomonidan berilish ehtimoli mavjud. Bunday hol SI xatolariga olib kelishi yoki inson huquqlarini cheklashi mumkin. Huquqiy jihatdan SI tizimlari, ular tomonidan keltirilgan xatoliklar (masalan, shaxsiy erkinlikka zarar, noto‘g‘ri maslahat) uchun mas’ul-playyer aniqlanmasligi — katta muammo. O‘zbekistonning SI sohasidagi huquqiy tashabbuslari (shu jumladan qonun loyihasi) huquqiy va texnologik yangilanishga intilmoqda. Biroq integratsiya qilish, ijro mexanizmi, monitoring, javobgarlikni taqsimlash va kiberxavfsizlik kabi chora-tadbirlar amaliyotda puxta bajarilishi uchun normativ bazani chuqurlashtirish talab etiladi. Xalqaro yuridik tajribalar (EU AI Act⁷, CoE konventsiyasi⁸) va milliy jihatdan sud amaliyoti bilan integratsiya ehtiyoji —

⁷ European Union. Artificial Intelligence Act. Brussels, 2024.

⁸ Council of Europe. European Convention on Human Rights. France, 2010.

O‘zbekistonni O‘rta Osiyo bo‘yicha SI boshqaruvi modellaridan yetakchi qilish imkonini beradi.

XULOSA

Sun‘iy intellekt rivojlanishda davom etar ekan, u bilan bog‘liq huquqiy me‘yorlar ham takomillashib boradi. Kelajakda O‘zbekiston SI bilan bog‘liq iste‘mol munosabatlarini huquqiy jihatdan mustahkamlash yo‘lida quyidagi tamoyillarni qo‘llashi, xalqaro standartlarga muvofiq qonunchilik yaratishi, sun‘iy intellektni sinchkov tartibga solish orqali texnologik neytrallik va inson huquqlari ustuvorligi o‘rtasida nazoratni ushlay oladi va iste‘molchi huquqlarini himoya qila oladi. Sun‘iy intellekt texnologiyalarining huquqiy maqomini belgilovchi kompleks qonuniy hujjatlarni ishlab chiqish – bunda sun‘iy intellektning xizmat ko‘rsatishdagi roli, inson aralashuvisiz qabul qilinadigan qarorlarning yuridik oqibatlari aniq belgilanishi lozim. Iste‘molchilarning algoritmik qarorlarga e‘tiroz bildirish va inson aralashuvi orqali ularni qayta ko‘rib chiqish huquqini qonuniylashtirish. Sun‘iy intellekt asosidagi xizmatlar uchun javobgarlik va kompensatsiya mexanizmlarini joriy etish – noto‘g‘ri xizmat, zarar yetkazilgan holatlarda javobgar tomon va himoya mexanizmlari qonunda aniq ko‘rsatilishi kerak. Iste‘molchilar huquqlarini himoya qilish istiqbollari bevosita mamlakatda sun‘iy intellekt bilan bog‘liq sohalarning barqaror va adolatli rivojlanishiga bog‘liqdir. Shunday qilib, ushbu tadqiqot orqali aniqlangan natijalar, tavsiyalar va ilmiy xulosalar O‘zbekistonda sun‘iy intellekt texnologiyalari ishtirokidagi iste‘molchilarning huquqiy himoyasini takomillashtirishga xizmat qiladi. Bu esa “Raqamli O‘zbekiston – 2030” strategiyasida belgilangan

maqsadlarni amalga oshirishda muhim omillardan biri sifatida qaraladi. Sun‘iy
SJIF:5.219

intellektning ommaviy sohada qo'llanilishini huquqiy tartibga solish, bir tomondan, davlat organlarining o'z funksiyalarini samarali bajarishini ta'minlashi, ikkinchi tomondan esa, tobora ko'proq sun'iy intellekt yordamida boshqarilayotgan dunyoda inson huquqlarining ishonchli himoyasini kafolatlashi lozim.

Sun'iy intellekt (SI) o'zida katta imkoniyatlarni ham, jiddiy xavflarni ham mujassam etadi. Mas'uliyatli SI qo'llanilishi dolzarb muammolarni hal qilishga yordam berishi, dunyomizni farovon, samarali, innovatsion va xavfsizroq qilishi mumkin. Biroq, mas'uliyatsiz SI ishlatilishi firibgarlik, kamsitish, tarfkashlik, yolg'on ma'lumot tarqatish kabi ijtimoiy zararlarni kuchaytirishi, ishchilarning ish joylarini yo'qotishiga olib kelishi, raqobatni cheklashi va milliy xavfsizlikka tahdid solishi mumkin.

Mazkur tadqiqot natijalariga ko'ra, O'zbekistonda sun'iy intellekt ishtirokida shakllanayotgan onlayn munosabatlarda quyidagi asosiy huquqiy muammolar aniqlangan:

1. Iste'molchilarning SI tomonidan qabul qilingan qarorlarga nisbatan e'tiroz bildirish huquqi yetarlicha tartibga solinmagan;
2. Shaxsga doir ma'lumotlarning to'planishi va qayta ishlanishi jarayonida algoritmik shaffoflik va rozilik mexanizmlari noaniqligicha qolmoqda;
3. Sun'iy intellekt xizmatlaridan zarar ko'rilgan taqdirda, iste'molchilarning huquqiy himoyasi va kompensatsiya mexanizmlarining yuridik asoslari to'liq ishlab chiqilmagan.

Amaldagi "Iste'molchilar huquqlarini himoya qilish to'g'risida"gi Qonun va boshqa tegishli normativ-huquqiy hujjatlar umumiy tamoyillarni

belgilab bergan bo‘lsa-da, ularning ko‘lami sun’iy intellekt asosida vujudga kelayotgan yangi xavflarni qamrab olishga to‘liq qodir emas. Bunda algoritmik diskriminatsiya, noto‘g‘ri qarorlar, avtomatik javobgarlik, shaxsiy hayot daxlsizligi singari masalalar alohida yondashuvni talab etadi.

FOYDALANILGAN ADABIYOTLAR RO‘YXATI

1. O‘zbekiston Respublikasi Prezidentining qarori, 2024-yil, 358-son // O‘zbekiston Respublikasi Sun’iy intellekt texnologiyalarini 2030-yilga qadar rivojlantirish strategiyasi.
2. Ручкина Г., Демченко М., Попова А. Теория правового регулирования искусственного интеллекта, роботов и объектов робототехники: монография. – Москва: Прометей, 2020. – 296 с.
3. O‘zbekiston Respublikasining qonuni // Shaxsga doir ma’lumotlar to‘g‘risida, 2019-yil, 547-son.
4. O‘zbekiston Respublikasining “Iste’molchilarning huquqlarini himoya qilish to‘g‘risida” qonuni, 1996-yil, 221-I-son.
5. O‘zbekiston Respublikasi Prezidentining Farmoni // “Raqamli O‘zbekiston — 2030” strategiyasini tasdiqlash va uni samarali amalga oshirish chora-tadbirlari to‘g‘risida. – 2020-yil, 6079-son.
6. Interactive cyber threat map (Elektron resurs). – URL: <https://cybermapkaspersky.com/ru> (murojat qilingan sana: 11.06.2025).
7. European Union. Artificial Intelligence Act. Brussels, 2024.

-
8. Council of Europe. European Convention on Human Rights. France, 2010.

O'ZBEKISTON RESPUBLIKSIDA FIKR VA SO'Z ERKINLIGINI TAKOMILLASHTIRISH MASALALARI

Tifliyeva Gulhayo

Toshkent davlat yuridika universiteti magistranti

E-mail: tifliyevag@gmail.com

Annotatsiya: ushbu maqolada O'zbekiston Respublikasida fikr va so'z erkinligini ta'minlash bo'yicha mavjud huquqiy asoslar, ularni takomillashtirish zarurati va bu yo'nalishdagi islohotlar chuqur tahlil qilinadi. Maqolada, shuningdek, fikr va so'z erkinligini cheklovchi amaliy holatlar, senzura va o'z-o'zini senzura qilish holatlarining sabablari, jurnalist va blogerlarning huquqiy himoyasi bilan bog'liq muammolar yoritiladi. Yevropa mamlakatlarining konstitutsiyaviy yondashuvlari bilan qiyosiy tahlil olib borilib, O'zbekistonda ushbu erkinlikni xalqaro standartlar asosida takomillashtirish bo'yicha aniq takliflar ilgari suriladi.

Kalit so'zlar: fikr erkinligi, so'z erkinligi, O'zbekiston Respublikasi Konstitutsiyasi, OAV erkinligi, senzura, huquqiy islohotlar, xalqaro standartlar, jurnalistlar huquqi.

ISSUES OF IMPROVING FREEDOM OF THOUGHT AND EXPRESSION IN THE REPUBLIC OF UZBEKISTAN

Tifliyeva Gulhayo

Master's student of Tashkent State University of Law

E-mail: tifliyevag@gmail.com

Abstract: this article provides an in-depth analysis of the existing legal framework for ensuring freedom of thought and expression in the Republic of Uzbekistan, the need for their improvement, and reforms in this area. The article also highlights practical situations that restrict freedom of thought and expression,

the causes of censorship and self-censorship, and problems related to the legal protection of journalists and bloggers. A comparative analysis is conducted with the constitutional approaches of European countries, and specific proposals are put forward to improve this freedom in Uzbekistan based on international standards.

Keywords: *freedom of thought, freedom of expression, Constitution of the Republic of Uzbekistan, freedom of the media, censorship, legal reforms, international standards, rights of journalists.*

ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СВОБОДЫ МЫСЛИ И СЛОВА В РЕСПУБЛИКЕ УЗБЕКИСТАН

Тифлиева Гулхаё

Магистрант Ташкентского государственного юридического университета

E-mail: tifliyevag@gmail.com

Аннотация: *в статье представлен глубокий анализ существующей правовой базы обеспечения свободы мысли и выражения мнения в Республике Узбекистан, необходимость её совершенствования и реформ в этой сфере. Также рассматриваются практические ситуации, ограничивающие свободу мысли и выражения мнения, причины цензуры и самоцензуры, а также проблемы, связанные с правовой защитой журналистов и блогеров. Проводится сравнительный анализ с конституционными подходами европейских стран и предлагаются конкретные предложения по совершенствованию этой свободы в Узбекистане на основе международных стандартов.*

Ключевые слова: *свобода мысли, свобода выражения мнения, Конституция Республики Узбекистан, свобода СМИ, цензура, правовые реформы, международные стандарты, права журналистов.*

Kirish (Introduction)

Fikr va soʻz erkinligi demokratik davlatchilik asoslaridan biri hisoblanadi. Soʻnggi yillarda dunyo davlatlarining milliy qonunchilik asoslarida va xalqaro standartlarda ham fikr va soʻz erkinligi huquqini mustahkamlashga qaratilgan koʻplab ijobiy harakatlarning guvohi boʻlmoqdamiz. Soʻz erkinligi faqat davlat tuzumida ahamiyatli boʻlib qolmay, jamiyatning har sohasi rivojining negizi sifatida eʼtirof etiladi. Bu xoh siyosat, xoh huquq, xoh madaniyat yoxud maʼrifat boʻlsin, ifoda erkinligi bularning barchasiga ijobiy taʼsir — oʻsish va rivojlanish olib keladi. Shuningdek, hozirgi raqamli texnologiyalar rivojlangan davrda fikr va soʻz erkinligi huquqini taʼminlashda ommaviy axborot vositalari (keyingi oʻrinlarda OAV) hamda ularda faoliyat yurituvchi jurnalistlar, media xodimlar faoliyati ham ahamiyatlidir. Shu sababli oxirgi yillarda mamlakatimizda aynan fikr va soʻz erkinligini mustahkamlashga qaratilgan qonuniy-normativ hujjatlar qabul qilishda “toʻrtinchi hokimiyat” sifatida tan olinadigan OAV va jurnalist, blogerlar faoliyati ham hisobga olinmoqda.

Prezidentimiz Shavkat Mirziyoyev taʼkidlab oʻtganidek: “Maʼlumki, axborot sohasini erkinlashtirish va rivojlantirish Yangi Oʻzbekistonni barpo etish jarayonida biz uchun doimo ustuvor vazifa boʻlib kelmoqda. Mamlakatimizning yangilangan Konstitutsiyasida ommaviy axborot vositalarining erkin faoliyat yuritishini taʼminlash boʻyicha muhim qoida va tamoyillar mustahkamlab qoʻyilgani, sohaga doir huquqiy asoslar takomillashtirib borilayotgani bu fikrni

SJIF:5.219

yaqqol tasdiqlaydi. Ayniqsa, keyingi yillarda yurtimizda soʻz erkinligi va fikrlar xilma-xilligiga erishish yoʻlida keng imkoniyatlar ochilayotgani media vositalari vakillarining ijtimoiy-siyosiy jarayonlardagi ishtiroki, oʻrni va nufuzini yanada kuchaytirmoqda”[1]. Ushbu fikrlar fikr va soʻz erkinligining Oʻzbekiston Respublikasi hududida amal qilishida OAV va jurnalistlar erkinligining qanchalik ahamiyatli ekanligini anglatadi. Ayniqsa, soʻnggi yillarda soʻz erkinligini taʼminlash maqsadida ishlab chiqilayotgan normativ-huquqiy hujjatlarning koʻlami va ularning tarkibi ham bu dolzarb masala ekanligini isbotlamoqda. Masalan, Oʻzbekiston Respublikasi Prezidentining 2022-yil 28-yanvardagi PF—60-son Farmoni bilan tasdiqlangan “2022—2026-yillarga moʻljallangan Yangi Oʻzbekistonning taraqqiyot strategiyasi toʻgʻrisida”gi [4]hamda Oʻzbekiston Respublikasi Prezidentining 2022-yilning 27-iyunida PQ — 294-son Qarori bilan qabul qilingan “Ommaviy axborot vositalarini qoʻllab-quvvatlash va jurnalistika sohasini rivojlantirish toʻgʻrisida”gi huquqiy hujjatlar shular jumlasidandir. Shuningdek, 2023-yilda yangilangan Oʻzbekiston Respublikasi Konstitutsiyasi orqali fikr va soʻz erkinligi huquqi konstitutsiyaviy huquq normasi sifatida tan olinib, mustahkamlandi. Shu kabi qonunchilikdagi ijobiy islohotlarga qaramay, fikr va soʻz erkinligi huquqi taʼminlanishida amaliy jihatdan baʼzi tizimli muammolar saqlanib qolmoqda. Fikr va soʻz erkinligi huquqini taʼminlashda raqamli platformalar, jurnalistlar va bloggerlar faoliyati hamda davlat bilan fuqarolar oʻrtasidagi shaffoflikka doir muammolar huquqiy jihatdan chuqur tahlil etilishi, nazariy va amaliy yechimlar ishlab chiqilishiga ehtiyoj sezilmoqda.

Metodlar (Methods)

Ushbu tadqiqot davomida quyidagi metodlardan foydalanildi:

1. Normativ-huquqiy tahlil: O‘zbekiston Respublikasining fikr va so‘z erkinligini himoya qilishga oid qonunchilik bazasi, xususan, O‘zbekiston Respublikasi Konstitutsiyasi, “Ommaviy axborot vositalari to‘g‘risida”gi O‘zbekiston Respublikasi Qonuni, “Axborot olish kafolatlari va erkinligi to‘g‘risida”gi O‘zbekiston Respublikasi Qonuni, “Jurnalistlik faoliyatini himoya qilish to‘g‘risida”gi O‘zbekiston Respublikasi Qonuni va boshqa me‘yoriy hujjatlar tahlil qilindi.

2. Qiyosiy metod: O‘zbekiston qonunchiligi xalqaro standartlar bilan taqqoslandi. Yevropada Xavfsizlik va Hamkorlik Tashkiloti (OSCE), “Article 19”, “Human Rights Watch” hamda “Committee to Protect Journalists” (CPJ) kabi tashkilotlar tomonidan berilgan tavsiyalar O‘zbekiston Respublikasiga moslashtirildi.

3. Ilmiy tahlil: Ilmiy maqolalar, xalqaro konferensiyalar materiallari va amaliyotdagi tajribalar tahlil qilindi.

Tadqiqot davomida yig‘ilgan ma‘lumotlar asosida muammolar aniqlanib, ularni bartaraf etish bo‘yicha takliflar ishlab chiqildi.

Natijalar va muhokama (Results and Discussion)

O‘zbekiston Respublikasida fikr va so‘z erkinligi huquqini ta‘minlovchi ko‘plab qonun hujjatlari va samarali mexanizmlar mavjud bo‘lishiga qaramasdan, haligacha bu borada muammolar batamom yo‘q bo‘lgan deya olmaymiz. Ammo 2023-yilda yangilangan O‘zbekiston Respublikasi Konstitutsiyasi [2] fikr va so‘z erkinligi huquqini konstitutsiyaviy huquq sifatida mamlakatimizda mustahkamladi. Bundan tashqari, qonunchilik bazamizda mavjud

bo‘lgan boshqa normativ-huquqiy hujjatlar, xususan, “Ommaviy axborot vositalari
SJIF:5.219

to'g'risida"gi O'zbekiston Respublikasi Qonuni, "Axborot olish kafolatlari va erkinligi to'g'risida"gi O'zbekiston Respublikasi Qonuni, "Jurnalistlik faoliyatini himoya qilish to'g'risida"gi O'zbekiston Respublikasi Qonuni kabilar ham fikr va so'z erkinligi huquqini kafolatlashda ahamiyatlidir [8].

Quyida fikr va so'z erkinligi huquqini ta'minlashda ishlab chiqilgan mexanizmlarni yanada takomillashtirish masalalari, mavjud kamchiliklarga qanday yechimlar berish, xalqaro tajribalarni O'zbekiston Respublikasi qonunchiligiga muvofiqlashtirish, chet el olimlarining nazariyalariga mos tushadigan nazariyalarni ishlab chiqish bo'yicha taklif va tavsiyalar beriladi. So'z erkinligi huquqi konstitutsiyaviy kafolatlarga ega ekanligi uning mavqeyi yuqoriligidan dalolatdir. Ammo buning o'zi fikr va so'z erkinligini raqamlashgan davrda ham ta'minlash va himoyalashga yetarli emas, ya'ni internet tarmoqlarida fikr va so'z erkinligi ta'mini bo'yicha alohida qonun ishlab chiqish masalasi dolzarbdir va imkon qadar tezkor qabul qilinishi lozim.

"Axborot kodeksi" qonun loyihasi haqida so'z borsa, ushbu qonun loyihasi, dastlab, 2022-yil dekabrda jamoatchilik muhokamasiga qo'yilgan va faollar tomonidan e'tirozlarga sabab bo'lgan edi [3]. Ko'plab e'tirozlar blogerlar va OAV faoliyatidagi keskin cheklovlar sababli bo'lgani haqida ma'lumotga egamiz. Hali hanuz ushbu qonun loyihasi ustida ishlanyapti, bunda mas'ullar har tomonlama puxta o'ylangan va ayniqsa, fikr va so'z erkinligi huquqiga lozim darajadan ortiq cheklovlar qo'yishdan tiyilishlari tavsiya etilgan.

Bundan tashqari, ushbu kodeks 8 ta qonunning unifikatsiyasidan yuzaga kelishini inobatga oladigan bo'lsak, internetda faoliyat yurituvchi jurnalistlar va blogerlar huquqlari himoyasi bo'yicha alohida qonunchilik ishlab chiqilishi tavsiya

etiladi. Negaki, ro‘yxati ma’lum qilingan 8 ta hujjatning hech birida internet olamida jurnalistlar va blogerlar huquqlari raqamlashgan zamon hisobidan kelib chiqib to‘liq mustahkamlanmagani bilan bir qatorda, ularga tegishli holatlar bo‘yicha qat’iy jazo choralari ko‘rish belgilangan. Bu esa fikr va so‘z erkinligi huquqidan eng ko‘p foydalanuvchilar — jurnalist va blogerlarning jazo choralaridan qo‘rqishlari natijasida o‘z-o‘ziga senzura qo‘yishlariga sabab bo‘lishi mumkin.

Fikr va so‘z erkinligini himoya qilishda mustaqil regulyatorlar va media institutlarining ham o‘rni katta. Ya’ni fikr erkinligini ta’minlashda nafaqat konstitutsiyaviy kafolatlar, balki institutsiyaviy darajadagi mustaqil regulyatsiya vositalarining ahamiyati ham yuqori. Bu borada bir nechta xalqaro tashkilotlar tavsiyalari bilan ham tanishib chiqish maqsadga muvofiqdir. Xususan, Yevropada Xavfsizlik va Hamkorlik Tashkiloti (OSCE), “Article 19”, “Human Rights Watch” hamda “Committee to Protect Journalists” (CPJ) kabi tashkilotlar bir nechta muhim tavsiyalarni bergan:

— OAV faoliyatining nazorati mustaqil regulyator organlarga o‘tkazilishi kerak va bunday organlar davlatga bo‘ysunmaydigan bo‘lishi, ijtimoiy manfaatlarni va axborot erkinligini himoyalovchi jamoatchilik tarkibi bilan tuzilgan bo‘lishi kerak;

— har bir jurnalist, bloger va media xodimlari o‘z faoliyatini axloqiy va kasbiy normalarga asoslangan holda olib borishi lozim. Ularning faoliyati regulyatorlar tomonidan jazolovchi emas, yo‘naltiruvchi sifatida baholanishi lozim [7].

“O‘zbekiton Respublikasida shunday mustaqil regulyator organlar mavjudmi va ular qaysilar?”, degan savol tug‘iladi. Albatta, O‘zbekiston Respublikasida Ombudsman instituti, Axborot va ommaviy kommunikatsiyalar agentligi (AOKA), Jurnalistlar ijodiy uyushmasi kabi tuzilmalar mavjud bo‘lib, quyidagi jihatlari sababli fikr va so‘z erkinligi himoyasida cheklovlari bo‘lishi mumkin:

- davlat bilan bevosita bog‘langanlik ;
- huquqiy tomondan mustaqillikka ega emaslik;
- jamoatchilik ishtirokining sustligi;
- axborot erkinligini himoya qilishdan ko‘ra ko‘proq uni nazorat qilishga moyillikning mavjudligi.

O‘zbekistonda bunday organlarning fikr va so‘z erkinligini himoya qilishdagi samaradorligini oshirish uchun esa bir nechta tavsiyalarni berishimiz mumkin:

1. Axborot erkinligini himoy qilishda AOKA va Ombudsman vakolatlarini kengaytirish;
2. Mustaqil faoliyat olib boruvchi jurnalistlar va bloggerlar uchun muvofiqlashtiruvchi kengashlar tuzish;
3. Yuqorida sanalgan regulyatorlar faoliyatida oddiy aholi qatlami, fuqarolik jamiyati hamda NNTlar ishtirokini kengaytirish va kuchaytirish.

Shuningdek, Yevropa Inson huquqlari sudida (ECHR) qo‘llaniladigan “uch bosqichli test” (Triple Test) modelini O‘zbekiston qonunchiligida ham yaratish tavsiya etiladi.

“Uch bosqichli test” modeliga ko‘ra quyidagi uchta shart asosida fikr va so‘z erkinligini cheklovchi doira belgilanadi:

1. Qonuniylik (Legality) sharti cheklovlarning qonunga muvofiqligini tekshiradi;
2. Qonuniy maqsad (Legitimate Aim) sharti orqali cheklovning ijtimoiy maqsadga xizmat qilishi aniqlanadi;
3. Zaruriyat va proporsionallik (Necessity and Proportionality) sharti eng muhim shartlardan bo‘lib, cheklovning demokratik jamiyatga muvofiq darajada ekanligi tekshiriladi.

Ayni shu nuqtada ba’zi olimlar ilgari suruvchi “majburiyatga asoslangan” yondashuv (duty-based approach) ham nazariy asoslarni o‘rganishda muhimdir. Ushbu yondashuvga ko‘ra, erkin fikr bildirishda insonlarda faqat “bu mening huquqim” degan fikr bilan emas, balki “bu huquqdan foydalanganimda jamiyat uchun foydali bo‘ladimi yoki zararli” kabi savollar orqali holatning cheklangan yoki cheklanmaganligini aniqlash mumkin. Bunda mas’uliyat faqat insonlarga yuklatilib qolmay, institutsional mas’uliyat ham e’tiborga olinadi. Masalan, Germaniya Federal Konstitutsiyaviy sudi qaror qabul qilayotganda fikr va so‘z erkinligiga nafaqat huquq sifatida, balki demokratik jamiyat asosi deb ham baho beradi. Ya’ni davlat faqat cheklovchi vazifasida emas. U himoyachi va imkon beruvchi subyekt sifatida gavdalanadi.

Martin Redishning “Avtonomiya nazariyasi”ga ko‘ra fikr erkinligi shaxsiy o‘zlikni anglash va shaxsiy rivojlanish huquqi sifatida ahamiyatlidir [5]. Agar O‘zbekistonda ham ushbu nazariya asosida fikr erkinligi shaxsiy rivojlanish huquqi sifatida tan olinsa, fuqarolarda ham ushbu huquq kafolatini ta’minlashga

intilish holatlari kuzatiladi. Shuningdek, ushbu nazariya erkin fikr bildirishdan qoʻrqish, va fuqarolarning oʻz-oʻzlarini senzura qilish holatlarini kamaytirishga yordam bergan boʻlar edi.

Jak Balkin “Demokratik madaniyat” nazariyasi orqali esa soʻz erkinligi huquqi deganda koʻz oldimizga faqat siyosatdagi soʻz erkinligi kelmasligi kerakligi haqida fikr bildirib, onlayn platformalarda davlat, platforma egalari va foydalanuvchilar orasidagi birlik muhim ekanligini ham keltirib oʻtgan [6]. Bu nazariya qoʻllangan taqdirda Oʻzbekistonda ijodiy faoliyatdagi senzuraning soddalashtirilishi va ijtimoiy tarmoqlarda fikr bildirgan foydalanuvchilarni asossiz bloklashga yoʻl qoʻyilmasligi holatlari kuzatilishi hamda mustahkamlanishi kutiladi. Ijtimoiy tarmoqlardagi madaniyat erkinligi huquqini taʼminlashda, ushbu huquqning axborot huquqi tarkibiga kiritilishi maqsadga muvofiqdir.

FOYDALANILGAN ADABIYOTLAR ROʻYXATI

1. Matbuot va ommaviy axborot vositalari xodimlariga, Oʻzbekiston Respublikasi Prezidenti Sh. M. Mirziyoyev, <https://president.uz/oz/lists/view/7346>.
2. Oʻzbekiston Respublikasi Konstitutsiyasi. -T.: Adolat, 2023. <https://lex.uz/docs/-6445145>.
3. <https://kun.uz/news/2022/12/15/ozbekiston-axborot-kodeksi-loyihasi-elon-qilindi>.

4. O‘zbekiston Respublikasi Prezidentining “2022—2026-yillarga mo‘ljallangan Yangi O‘zbekistonning taraqqiyot strategiyasi to‘g‘risida”gi Farmoni. Qonun hujjatlari ma’lumotlari milliy bazasi — https://lex.uz/docs/-_5841063#-5843875.
5. Redish M. H. The Value of Free Speech // University of Pennsylvania Law Review. — 1982. — Vol. 130, No. 3.
6. Balkin J. M. Digital Speech and Democratic Culture: A Theory of Freedom of Expression for the Information Society // NYU Law Review. — 2004. — Vol. 79, No. 1.
7. ARTICLE 19: Uzbekistan Report. — URL: <https://www.article19.org/wp-content/uploads/2022/12/Uzbekistan-report-Nov-2022.pdf>.
8. O‘zbekiston Milliy ensiklopediyasi, -T.: davlat ilmiy nashriyoti, 2000-2005.

METHODOLOGICAL AND PROCEDURAL ASPECTS OF DAMAGE ASSESSMENT FROM CYBERATTACKS

Yorkinova Sangina

Master's student of Tashkent State University of Law

Abstract: *Cyberattacks pose unprecedented challenges for legal systems in assessing and compensating damage. Unlike traditional harms, cyber incidents often cause diffuse and intangible losses—ranging from stolen data and business interruption to reputational and emotional harm—that are difficult to quantify. This thesis explores the methodological hurdles in measuring such harm and the procedural barriers to proving it in court. It examines how conventional valuation models struggle with cyber losses (for example, putting a price on confidential data or lost consumer trust) and how courts increasingly rely on expert evidence and novel proxies to estimate damage. The discussion also analyzes procedural issues, including the burden of proof on victims to establish causation and loss, the complexities of handling digital evidence, and the need for expert testimony to bridge technical gaps. Comparative examples from international practice illustrate a spectrum of approaches: some jurisdictions have begun to recognize claims for purely non-material harm or to ease evidentiary burdens on cyber victims, while others remain cautious, demanding concrete proof of loss. The overall analysis underscores that damage assessment in cyberattack cases remains an evolving frontier where legal principles are being tested and refined to accommodate the realities of the digital age.*

Keywords: *cyberattacks, damage assessment, procedural challenges, non-material harm, digital evidence, expert testimony, causation, data breach litigation, legal methodology, intangible losses*

Cyberattacks have become a pervasive risk, inflicting multi-faceted damage on businesses and individuals worldwide. The financial magnitude of the problem is stark—studies indicate that the average data breach now costs organizations several million dollars, with the United States seeing breaches average over \$9 million each. Beyond these direct costs, cyber incidents can trigger extensive indirect and intangible harm. When personal data or trade secrets are stolen, for instance, the loss is not just the data itself but the diminution of privacy, competitive advantage, or customer trust. Traditional legal frameworks for damages, rooted in tangible injuries or property loss, struggle to accommodate this new landscape of harm. A cyberattack victim may face **quantifiable losses** like the expense of system repairs and business downtime, but they may also suffer **hard- to-quantify injuries** such as reputational damage or emotional distress from a privacy breach. The methodological challenge lies in translating these harms into monetary terms acceptable to a court.

Quantification of harm in cyber cases often requires creative approaches. Courts and experts first identify the various categories of damage. Direct economic losses (for example, the cost to replace compromised software or to restore data and services) are the most straightforward to calculate. Established accounting methods can tally the money spent on incident response, system recovery, and

even ransom payments if they were made. Lost profits due to operational disruption present a trickier calculation: the claimant must project what revenue would have been earned had the attack not forced a shutdown or loss of business. Such projections can invite skepticism as they involve hypotheticals, and courts tend to demand a solid evidentiary foundation (like prior financial performance and clear causal linkage to the cyber event) to award lost income. More problematic still are **intangible losses** like reputational harm or loss of customers' confidence. These injuries do not have a market price and may manifest over a long term. In some instances, companies have attempted to quantify reputational damage by looking at stock price dips or increased marketing costs needed to rehabilitate public image, but these proxies remain imprecise.

When personal or sensitive data are stolen, **the harm to individuals** can be equally elusive to monetize. One approach seen in litigation is to use the black-market value of data as a proxy for its worth: if credit card numbers or health records sell for a certain price illicitly, that price might indicate a baseline value of the data. However, courts have been cautious with this logic—illicit market prices fluctuate and may not correspond to the actual harm experienced by the victims. Another approach is to analogize to regulatory fines or statutory damages: for example, pointing to data protection laws (such as GDPR) which impose heavy fines on companies for breaches, and arguing that these fines reflect the seriousness of the harm. Yet, regulatory penalties serve a punitive and deterrent purpose, not a direct compensatory measure for individual loss, so their relevance to civil damage quantification is debated. In practice, absent clear market metrics,

judges have significant discretion. Different jurisdictions have adopted **divergent strategies**. Notably, courts in Japan have awarded token sums to data breach victims for the inconvenience and anxiety caused, even when no concrete financial loss occurred. In recent cases, Japanese courts have granted compensation for emotional harm on the order of only ¥1,000 to a few thousand yen per person (roughly USD \$10–20 in cases of less sensitive data exposure). Such modest awards recognize a violation of rights without delving into an exact monetary valuation of psychological impact. Conversely, legal systems in the United Kingdom and some other common-law countries have been hesitant to award damages for mere data exposure or worry without evidence of a more tangible injury. In a UK case, a data breach claim was dismissed on the basis that the distress alleged was too trivial, with the court requiring a showing of damage above a *de minimis* threshold before compensation is warranted. These examples illustrate the **lack of consensus** internationally on how to value cyber harms, especially non-economic harm: some frameworks err on the side of caution, demanding palpable loss, while others take a more permissive stance to at least vindicate the rights of victims in principle.

Faced with these valuation difficulties, courts are increasingly relying on **expert testimony and models** to assess cyberattack damages. Forensic accountants, IT specialists, and even economists may be called to provide opinions on the monetary impact of an incident. They might use cost models from the cybersecurity industry (for instance, models that estimate the cost per record breached by factoring in customer notification expenses, anticipated fraud

incidence, and so forth) to support a damages figure. While such models can lend an air of scientific rigor, they are only as good as their assumptions—and defendants often challenge those assumptions as speculative. The adversarial nature of civil litigation means that damage assessment can become a battle of experts, each side offering different calculations. One expert might project that a company’s loss of customer trust will reduce future revenues by a certain percentage, while the opposing expert might argue that the company’s brand recovered quickly, minimizing long-term harm. Lacking precise yardsticks, judges must weigh these competing narratives. In some legal systems, judges have the power to award an **equitable or discretionary sum** when exact calculation is impossible: essentially a reasonable approximation of harm. This is seen, for example, when courts award general damages for pain and suffering in other contexts. In the cyber realm, a judge might do the same for reputational or emotional harm—acknowledging the injury in general terms without pinning it to an exact economic metric, especially if the jurisdiction’s law (like many European legal systems) explicitly allows compensation for non-pecuniary damage.

Turning to **procedural aspects**, even once a claimant has estimated their losses, they face significant hurdles in proving their case through the litigation process. A foundational issue is the **burden of proof**. Typically, the party who alleges damage (the plaintiff) must prove not only that the cyberattack occurred and was due to the defendant’s fault, but also that the attack caused the losses claimed. Each of these elements can be contentious in cyber cases. Proving the occurrence of a cyberattack and linking it to the defendant might seem

straightforward if the defendant is, say, a negligent data controller or a hacker who has been identified. But often the identity of attackers is unknown or evidence of their responsibility is circumstantial. For instance, if a company's network is breached, the company (as a victim of criminals) might itself be sued by individuals whose data was leaked, on the theory that the company failed to secure its systems. The company, in turn, might argue it was a sophisticated external attack and not due to any negligence on its part. The plaintiffs then have to prove that the company lacked reasonable security measures or otherwise breached a duty of care. This can devolve into a technical inquiry: was there a known security vulnerability left unpatched? Were industry-standard encryption and firewalls in place? Such questions require evidence from cybersecurity audits, internal communications, or expert analysis of the breach. Obtaining that evidence can be a **procedural odyssey**. Much of the critical data—server logs, security policies, incident reports—may reside exclusively with the defendant or third parties. Litigation procedure does provide tools (like discovery requests, subpoenas, or court orders to disclose documents), but in cross-border scenarios these tools are cumbersome. A server might be located in a foreign country, and international cooperation might be needed to retrieve its logs. In the interim, a plaintiff might face delays or even inability to access essential proof.

Another procedural challenge is **establishing causation** between the cyberattack and the harm claimed. In some situations, causation is direct and easily inferred (if a ransomware attack encrypts a hospital's database and forces a shutdown, the link between the attack and the hospital's financial losses is clear).

But often, especially in data breach cases, the connection is contested. Individuals whose personal information was leaked might preemptively purchase credit monitoring services or suffer anxiety over potential identity theft, yet never experience fraudulent use of their data. If they sue the breached entity, is the expenditure on credit monitoring or the emotional distress compensable damage caused by the breach, or is it considered a precautionary measure for a risk that has not materialized? U.S. courts have wrestled with this question in the context of *standing* (whether plaintiffs have a right to sue at all without an actual injury) and damages. In many early data breach lawsuits, defendants succeeded in having cases dismissed by arguing that plaintiffs could not show any concrete harm—mere fear of future misuse of data was deemed too speculative. Judges noted that an increased risk of identity fraud, or costs incurred to mitigate that risk, did not amount to a present injury if no fraud actually occurred. This strict stance has begun to soften in some jurisdictions as breaches proliferate. Some courts now acknowledge that the loss of control over one’s personal data or the **violation of privacy rights** is itself a harm, even absent immediate financial loss. Nevertheless, the burden remains on plaintiffs to persuade the court that what may seem like abstract harm (for example, anxiety or a privacy intrusion) is sufficiently real and serious to merit compensation. This sets a high evidentiary bar: plaintiffs often submit expert analyses about the likelihood of future identity theft or testimony about the distress and time they have spent dealing with the aftermath of a breach, in order to substantiate their claims.

Finally, **expert testimony** deserves special emphasis in the procedural landscape of cyber damage cases. The complex technical facts mean that experts often effectively educate the court on what happened and what the consequences were. For example, a digital forensics expert might explain how a breach occurred, showing step by step how the attacker penetrated the network and what data they accessed. This testimony can be critical to proving the defendant's failure (if the narrative shows the attack succeeded through, say, a known unpatched vulnerability). Another expert, such as an IT auditor or cybersecurity consultant, might testify on whether the defendant's security measures met industry standards—informing the court's judgment on negligence. On the damages side, economists or business analysts project costs and losses attributable to the event. In some jurisdictions, **courts appoint neutral experts** or technical advisors for especially complex cases, to provide an independent assessment and to help the judges or jurors understand the scientific evidence. This is more common in continental European systems but is occasionally seen elsewhere for highly technical disputes. In any case, the heavy reliance on expert analysis is a double- edged sword: it can clarify the issues, but it also makes the litigation expensive and puts outcomes in the hands of specialists who may disagree with each other. A savvy court will look for points of consensus between experts and scrutinize the assumptions behind each side's models. For instance, if both sides' economists agree on the immediate costs but diverge wildly on long-term losses, the court might confidently award the immediate costs and treat the rest with caution.

In conclusion, the **damage assessment from cyberattacks** is fraught with both methodological and procedural complexities. Methodologically, the law is still learning how to measure digital-age injuries in dollar terms, grappling with novel forms of harm that do not fit neatly into traditional categories. Procedurally, plaintiffs face obstacles in evidence gathering, proof of causation, and effective presentation of expert-driven analyses. Comparative insights from various jurisdictions show a legal landscape in flux: some legal systems are adapting by lowering proof burdens for cyber victims or by formally recognizing intangible harms, while others enforce conventional strictures requiring tangible proof of loss. There is a growing recognition that if legal remedies are to keep pace with cyber threats, courts must be open to new forms of evidence and innovative valuation techniques—without abandoning the fundamental principles of fairness and proof. As cyberattacks continue to proliferate in scale and sophistication, we can expect further evolution in both the methodology of damage quantification and the procedural rules that govern such claims. The **path forward** will likely involve continued dialogue between legal norms and technological realities, ensuring that victims of cyberattacks can obtain redress for their losses while also providing defendants and courts with a reasonable degree of certainty and justice in the outcomes. This ongoing development underscores that damage assessment in the cyber context is not a static doctrine but an active field of legal reform, one that strives to balance rigorous proof with the need to acknowledge the very real, if sometimes intangible, harms caused by cyberattacks.

References:

1. Dergacheva, A., & Taylor, J. (2024). *Study Finds Average Cost of Data Breaches Continued to Rise in 2023*. Morgan Lewis – Tech & Sourcing Blog. (discussing Ponemon Institute data on breach costs)
2. Chambers and Partners (2025). *Data Protection & Privacy 2025: Japan – Trends and Developments*. (noting Japanese courts’ practice of awarding nominal damages for data breach mental distress)
3. Kelly, R. (2023). *Damages arising from a data breach: when is it really non-material?* RDJ LLP Insights. (comparing UK and German approaches to non-material damage in data protection claims)
4. Quinn Emanuel Urquhart & Sullivan (2022). *Private Data Breach Litigation Comes of Age*. Firm Memorandum, 4 Oct 2022. (overview of challenges in data breach class actions, including issues of standing, causation, and damages)
5. Ryskamp, D. A. (2024). *Cybersecurity Litigation: Trends, Case Studies, and Legal Implications*. Expert Institute Insights. (highlights substantive and procedural challenges in cyber litigation, such as proving harm and negligence)
6. Pagefreezer. (2025). *The Fragility of Chain of Custody in the Era of Digital Evidence*. JDSupra Blog, 1 July 2025. (explaining the importance of preserving digital evidence integrity and implications of failing chain of custody)

AXBOROT ERKINLIGINING KONSTITUTSIYAVIY-HUQUQIY ASOSLARI

Komilov Asadbek Maxsudbek o'g'li
Toshkent davlat yuridik universiteti magistri
E-mail: sozananews@gmail.com

Annotatsiya: ushbu maqolada axborot erkinligi tushunchasi, uning demokratik jamiyatdagi o'rni hamda O'zbekiston Respublikasining Konstitutsiyasida va boshqa normativ-huquqiy hujjatlarida belgilangan huquqiy asoslari tahlil qilinadi. Axborot olish, tarqatish va undan foydalanish huquqlari, shuningdek, bu huquqlarning cheklanishi mumkin bo'lgan holatlari konstitutsiyaviy tamoyillar nuqtai nazaridan ko'rib chiqiladi. Maqolada shuningdek, axborot erkinligini ta'minlashdagi dolzarb muammolar va ularni bartaraf etish yo'llari ham muhokama qilinadi. Tadqiqotning asosiy maqsadi – axborot erkinligi sohasidagi konstitutsiyaviy kafolatlarni chuqur o'rganish va ularning amaliyotdagi ahamiyatini ochib berishdan iborat.

Kalit so'zlar: axborot erkinligi, konstitutsiyaviy huquqlar, O'zbekiston Konstitutsiyasi, so'z erkinligi, axborotga ega bo'lish huquqi, demokratik tamoyillar, huquqiy kafolatlar, fuqarolik jamiyati, axborot xavfsizligi, qonunchilik asoslari.

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ СВОБОДЫ ИНФОРМАЦИИ

Комилов Асадбек Махсудбек угли

**Магистрант Ташкентского государственного юридического
университета**

E-mail: sozananews@gmail.com

Аннотация: в данной статье анализируются понятие свободы информации, её роль в демократическом обществе, а также правовые основы, закрепленные в Конституции Республики Узбекистан и других нормативно-правовых актах. Рассматриваются права на получение, распространение и использование информации, а также случаи, в которых эти права могут быть ограничены с точки зрения конституционных принципов. В статье также обсуждаются актуальные проблемы обеспечения свободы информации и пути их решения. Основная цель исследования – глубокое изучение конституционных гарантий в сфере свободы информации и раскрытие их значимости на практике.

Ключевые слова: свобода информации, конституционные права, Конституция Узбекистана, свобода слова, право на доступ к информации, демократические принципы, правовые гарантии, гражданское общество, информационная безопасность, законодательные основы.

CONSTITUTIONAL AND LEGAL FOUNDATIONS OF FREEDOM OF INFORMATION

Komilov Asadbek Maxsudbek o'g'li

Master's student at Tashkent State University of Law

E-mail: sozananews@gmail.com

Abstract: this article analyzes the concept of freedom of information, its role in a democratic society and the legal foundations established in the Constitution of the Republic of Uzbekistan and other normative legal documents. The rights to receive, distribute and use information as well as the cases in which these rights may be restricted are examined from the perspective of constitutional principles. The article also discusses current issues in ensuring freedom of information and explores ways to address these challenges. The main objective of the study is to thoroughly examine the constitutional guarantees in the field of freedom of information and to highlight their practical significance.

Keywords: freedom of information, constitutional rights, Constitution of Uzbekistan, freedom of speech, right to access information, democratic principles, legal guarantees, civil society, information security, legislative foundations.

KIRISH (ВВЕДЕНИЕ / INTRODUCTION)

Axborot butun jamiyat uchun hayotiy zaruratdir. Kishilar o'zaro kundalik muloqotda axborot almashadilar. Ma'lum muddatda o'zlari ko'rmagan, shohidi

bo‘lmagan voqelikdan xabardor bo‘ladilar. Xuddi shuningdek o‘zlari ko‘rgan, guvohi bo‘lgan voqea-hodisalar haqida axborot beradilar. Bu axborotning eng sodda ko‘rinishidir. Jamiyatga taalluqli bo‘lgan axborotlar unda yashovchi fuqarolar, turli ijtimoiy guruhlar, qatlamlar, ijtimoiy institutlarning qiziqishlari va manfaatlariga tegishli bo‘ladi. Axborot almashishi, aylanishi tufayli jamiyat harakatlanadi. Demak, turli sohalarni rivojlanishiga turtki bo‘ladigan asos axborotdir. Oddiy qilib aytganda muayyan sohalarga tegishli bo‘lgan ma’lumotlarga qarab shu sohaning istiqbolini belgilash uchun rejalar ishlab chiqiladi. Rejalar asosida vazifalar taqsimlanadi va harakatga keltiriladi. Natijada rivojlanish paydo bo‘ladi. Kuniga yuzlab, minglab axborotlar odamning oddiy turmushidan tortib, korxona va tashkilotlar, boshqaruv tizimigacha kirib boradi. Agar shunday axborotlarning butun hajmini tasavvur qiladigan bo‘lsak, juda murakkab formulali axborot almashish jarayoni yuzaga keladi. Eng qizig‘i, shunday katta axborot oqimidan, axborot almashish jarayonlaridan har kim faqat o‘ziga kerakli axborotni ajratib oladi. Shu bois jamiyatni axborotsiz tasavvur qilib bo‘lmaydi. Axborotni jamiyatga, odamlarga kim yetkazib beradi? Bu savolga avvalo, jamiyatning o‘zi, deb javob berish to‘g‘riroq, bizningcha. Chunki jamiyat mavjud ekan, uning mazmunini o‘zaro aloqa (kommunikatsiya), o‘zaro munosabatlar tashkil qiladi. Ana shu jarayonlarda axborot almashinadi. Ammo bunday axborotlar stixiyali xarakterga ega bo‘lib unda aloqaga kirishgan tomonlargina manfaatdor bo‘ladi. Hammaga taalluqli bo‘lgan axborotni esa u bilan maxsus shug‘ullanuvchi kishilar – jurnalistlar tayyorlaydi va ommaviy axborot vositalari orqali ommaga, auditoriyaga yetkazib beradi.

To'g'ri, hozirgi davrda axborot uzatish vositalari juda ko'paygan. Bu texnologiyalarning rivojlanishi bilan bog'liq jarayon. Ammo shu axborot uzatuvchi vositalar ham o'z auditoriyasi, o'z mijozlariga tegishli bo'lgan axborotni yetkazadi. OAV esa umumjamiyat, umumjamo'a ya'ni jamiyatning barcha fuqarolarini axborotga bo'lgan ehtiyojini qondiradi.

Ommaviy axborot vositalari jamiyatning axborotga bo'lgan ehtiyojini qondiradi, dedik. Ammo axborotning o'zi qayerdan olinadi? Turli sohalarga oid axborotlarni hamma ham jurnalistga osonlikcha beraveradimi? Jurnalistning axborot oluvchi asosiy manbasi nima?

Axborotni olish bilan bog'liq masalalarda bu kabi savollarning bo'lishi tabiiy, albatta. Bizni o'rab turgan olamda, biz yashayotgan jamiyatda qabul qiladigan axborotlarning turlari ko'p va xilma-xildir.

Axborot olish huquqi insonning faqat fuqaroviy huquqigina emas, balki daxlsiz huquqi hamdir. Jamiyatda biz qabul qiladigan axborotlar xilma-xildir: ijtimoiy, siyosiy, iqtisodiy, ma'naviy, ilmiy, tarbiyaviy va boshqalar. Bunday axborotlarga bugungi kunda ma'naviy qurol, ta'sir vositasi va manfaatlarga xizmat qiluvchi resurs sifatida qaralmoqda. Shu sabab jurnalistika xavfli kasblar qatorida turadi. Tashqi aralashuvlar, jurnalist erkinligining cheklanishi, shuningdek, soha xodimlarining huquq va majburiyatlarini yetarlicha bilmasligi muammoli holatlarni yuzaga keltirmoqda. Shu nuqtayi nazardan, axborot manbalari bilan ishlash va axborot olish erkinligi borasidagi milliy qonunchilikdagi huquqiy asoslarni o'rganish, ular jurnalist huquq va majburiyatlarini qanday belgilab berganini tahlil qilish zaruratga aylangan. Bu esa OAVga oid me'yorlarni chuqur ilmiy-amaliy tahlil qilishni dolzarb masalaga aylantiradi.

Axborot olish va tarqatish huquqi nafaqat jurnalist, balki har bir insonning ajralmas huquqlaridan biridir. Sababi, u inson tug‘ilganidayoq subyektiv huquq sifatida shakllanadi. Biroq professional faoliyatni tashkil qilish maqsadida sohaga oid qonunlarga ehtiyoj katta. Ularda “axborot olish huquqi” bilan birgalikda “so‘z erkinligi”, “matbuot erkinligi” kabi tushunchalar ham aks etadi. Garchi bu uch tushunchaning mazmuni bir-biriga yaqin bo‘lsa ham, nazariyada qarama-qarshi yondashuvlar, bir-birini to‘ldiruvchi qarashlar yuzaga kelgan. Xususan, rossiyalik olimlar Y.Dmitriyev va A.Zlatopolskiy axborotga bo‘lgan huquq so‘z va matbuot erkinligi bilan chambarchas bog‘liqligini keltirsalar¹, A.Malko bu tushuncha yuqoridagi ikkitasidan ko‘ra boyroq hamda mazmunliroq ekanini ta’kidlaydi². Yuridik fanlari olimi Xayrullo Mamatov so‘z va matbuot erkinligini amalga oshirishda davlat aralashuvining inkor etilishini, axborotga bo‘lgan huquqda esa uning faol ishtiroki zarurligini qayd etadi³. Zero, axborotdan foydalanish huquqi so‘z va matbuot erkinligi bilan uzviy aloqador. Sababi, hukumat qonun chiqargach, unda nazorat funksiyasini bajarish majburiyati ham yuzaga keladi. Bu esa senzurani bartaraf etishda ham uning ishtiroki muhimligini anglatadi. Davlatning tartibga solish va nazorat funksiyasi amalga oshishi uchun avvalo, me’yoriy hujjatlar mavjud bo‘lishi kerak. Yuridik fanlari olimi Ikrom Xojanazarovning yondashuviga ko‘ra “qonunchilik” tushunchasi ikki xil ma’noda:

1) davlat hokimiyatining qonun ishlab chiqarish funksiyasini yuzaga kelishi; 2) keng ma’noda mamlakatdagi barcha normativ-huquqiy aktlar jamlanmasi, tor

¹ Mamatov X.T. O‘zbekiston Respublikasida fuqarolarning axborotga bo‘lgan huquqlarini amalga oshirishning konstitutsiyaviy-huquqiy asoslari, y.f.n. ilmiy darajasini olish uchun diss. - Toshkent: 2009 -B.25

² O‘sha manba. -B.26

³ O‘sha manba -B.28

ma'noda esa faqatgina amaldagi qonunlar yig'indisi sifatida tushuniladi⁴. Shu sabab OAVga tegishli huquqiy hujjatlar jamlanmasini ham sohaga oid qonunchilik deb atash to'g'ri bo'ladi. Tadqiqotchi Sangin Jabborov jurnalistikaga oid qonunchilik XVII-XIX asrlarda, ya'ni uning matbuot sifatida shakllanish davrida shiddat bilan rivojlanganini keltiradi⁵. Olim jurnalistikaning ijtimoiy institut sifatida taraqqiy etishida qonunchilik zaruriy hodisa bo'lganini ta'kidlaydi⁶. Shu ma'noda N.Toshpo'latova va F.Saidov A.G.Rixterning tadqiqotlariga tayangan holda axborot olish huquqi XX asrning o'rtalariga kelib qat'iy talab sifatida o'rtaga chiqqanini tasdiqlaydilar⁷. Qonunlarda ko'zda tutilmagan ijtimoiy jarayonlar kasb kodekslari, shuningdek, xalqaro shartnomalarda ham aks etib, yaxlit me'yoriy aktlar jamlanmasi yuzaga keldi. Fuqarolarning axborot olish va tarqatish huquqi "Inson huquqlari umumjahon deklaratsiyasi"⁸, "Fuqaroviy va siyosiy huquqlar to'g'risida"⁹gi xalqaro pakt, "Adabiy va badiiy asarlar to'g'risida"gi Bern konvensiyasi¹⁰ kabi xalqaro huquqiy me'yorlarda aks etgan. Deklaratsiyaning 19-moddasida chegaraviy cheklovlarsiz axborotni izlash, olish va uzatish erkinligi keltirilgan. Xalqaro paktning xuddi shu moddasida ham ushbu holat mustahkamlangan. O'zbekistonda internet tarmog'iga cheklov qo'yilmagani, turli tillarda xabar tayyorlovchi xorij OAVning mavjudligi ushbu xalqaro me'yor

⁴ Xojanazarov I.E. Liberallashtirish - O'zbekistondagi huquqiy islohotlarning markaziy yo'nalishi (nazariya va amaliyot masalalari). y.f.n. ilmiy darajasini olish uchun diss. - Toshkent: 2009. - B.109

⁵ Jabborov S.M. Jurnalistikaning samarali faoliyat yuritishiga xalqaro va milliy huquqning ta'siri (AQSh, GFR va Buyuk Britaniya OAV misolida 1960-2000 yillar). f.f.n. ilmiy darajasini olish uchun diss. - Toshkent: 2002. - B.16

⁶ O'sha manba., - B.26.

⁷ Do'stmuhammad X., Toshpo'latova N. Jurnalistika huquqi va etikasi. J.2: OAV qonunchiligi, qonunlarga sharhlar, kasb etikasi. - Toshkent: "O'zbekiston" NMIU, 2019. B.19.

⁸ The Universal Declaration of Human Rights, General Assembly resolution 217 A, 1948.

⁹ International Covenant on Civil and Political Rights, General Assembly resolution 2200A (XXI), 1966.

¹⁰ Бернская конвенция об охране литературных и художественных произведений, Стокгольм, 1967.

amalda ishlayotganini anglatadi. Biroq ikkinchi bandida davlat xavfsizligi, jamoat tartibi, aholi salomatligini muhofaza etish maqsadida axborotdan foydalanish cheklanishi mumkinligi bayon etiladi¹¹.

Bosh qomusimizning 33-moddasida axborot olish huquqi mavjud davlat siyosatiga qarshi qaratilsa, davlat siri va boshqa sirlarga taalluqli bo'lganda cheklanishi mustahkamlangan¹². Demak, istalgan davlatda fuqarolarning axborot olishi faqat qonunga muvofiq cheklanishi mumkin. Bunda kishilarning huquq va erkinliklarini himoya qilish, konstitutsiyaviy tuzum asoslarini ta'minlash, jamiyatning axloqiy qadriyatlari va davlatning ilmiy salohiyatini muhofaza qilish maqsadidagina axborot berishdan bosh tortish mumkin. Davlat fuqarolar, xususan, jurnalistlarning axborotni izlashi, olishi va bu bilan bog'liq boshqa xatti-harakatlarini amalga oshirish huquqini himoya qiladi. Bunda ularning jamiyatdagi mavqeyi, ijtimoiy kelib chiqishi, shuningdek, jinsi, irqi, millati, tili, dini va e'tiqodiga qarab axborot olish huquqining cheklanishi man etiladi. Amaliyotda jurnalistlarning axborotni maxfiy tarzda olishi, ayniqsa, shaxsga doir ma'lumotlar, jumladan, foto va video tasvirlarni manbaning ruxsatisiz tarqatib yuborishi doimo bahstalar mavzu bo'lib kelgan. Shu sabab Deklaratsiyaning¹³ 12-moddasi va xalqaro Paktning¹⁴ 17-moddasi va Konstitutsiyaning¹⁵ 31-moddasi ikkinchi bandida o'zga kishilarning yozishmalaridan faqat ularning ruxsati bilan foydalanish mumkinligi mustahkamlangan. OAV anonim manbalarning

¹¹ The Universal Declaration of Human Rights, General Assembly resolution 217 A, 1948.

¹² O'zbekiston Respublikasining Konstitutsiyasi // Qonun hujjatlari ma'lumotlari milliy bazasi, 30.04.2023 y.

¹³ The Universal Declaration of Human Rights, General Assembly resolution 217 A, 1948.

¹⁴ International Covenant on Civil and Political Rights, General Assembly resolution 2200A (XXI), 1966.

¹⁵ O'zbekiston Respublikasining Konstitutsiyasi // Qonun hujjatlari ma'lumotlari milliy bazasi, 30.04.2023 y.

huquqlarini himoya qilgan holda ularning ovozini o'zgartirib, foto va videotasvirlariga xira tasvir tortib e'lon qilishi mumkin. Sud jarayonlarini yoritishga oid huquqiy bilimning yetishmasligi, nomutaxassis kadrlarning ko'payishi, "faktchekking"ga jiddiy e'tibor qaratmaslik oqibatida ham qonun va etika qoidalari bot-bot buziladi. Xususan, aybi sud hukmi bilan tasdiqlanmagan insonni jinoyatchi deb e'lon qilish, voqeani noto'g'ri talqin qilish holatlari amaliyotda ko'p uchraydi. Zero, Deklaratsiyaning 11-modda birinchi bandi¹⁶ va xalqaro Paktning 14-modda ikkinchi bandi¹⁷, Konstitutsiyamizning 28-modda birinchi bandida¹⁸ "aybsizlik prezumpsiyasi" o'z ifodasini topgan. Agar bu jarayonga shaxsni matbuot orqali obro'sizlantirish sifatida qaralsa, bunday xabar tarqatgan fuqaro, jumladan, jurnalistga nisbatan javobgarlik belgilangan.

Afsuski, axborot makonining tobora kengayib borayotgani, e'lon qilinayotgan materiallarning mazmuniga esa jamiyat a'zolarining befarqligi uchun ayrim jurnalistlarning faoliyati nazoratsiz qolmoqda. Mass-media katta kuchga aylangani sabab mamlakatimizning bosh qomusida alohida bir bob, aniqrog'i yangi tahrirdagi Konstitutsiyaning XV bobi "Ommaviy axborot vositalari" deb nomlangan¹⁹. Bob tarkibidagi ikkita modda esa jurnalistning birlamchi huquq va majburiyatlarini to'raligicha aks ettirgan. X.Mamatovning ta'kidlashicha, bir nechta suveren huquqlarning bitta modda doirasida mustahkamlanishi ularning o'zaro bog'liqligidan dalolat beradi.²⁰ Xususan, OAVning erkin faoliyat yuritishi

¹⁶ The Universal Declaration of Human Rights, General Assembly resolution 217 A, 1948.

¹⁷ International Covenant on Civil and Political Rights, General Assembly resolution 2200A (XXI), 1966.

¹⁸ O'zbekiston Respublikasining Konstitutsiyasi // Qonun hujjatlari ma'lumotlari milliy bazasi, 30.04.2023 y.

¹⁹ O'zbekiston Respublikasining Konstitutsiyasi // Qonun hujjatlari ma'lumotlari milliy bazasi, 30.04.2023 y.

²⁰ Mamatov X. T. O'zbekiston Respublikasida fuqarolarning axborotga bo'lgan huquqlarini amalga oshirishning konstitutsiyaviy-huquqiy asoslari, y.f.n. ilmiy darajasini olish uchun diss. - Toshkent: 2009 -B.26

va senzura yo‘l qo‘yilmasligi axborot olish va tarqatishda sohaning mustaqilligini, uning qonunga muvofiq ishlashi buyruqbozlik va tahdidlardan xoli ekanini anglatadi. Axborotning to‘g‘riligiga nisbatan javobgarlik masalasi jurnalistga axborot manbalarini izlashda ochiq axborot manbalariga murojaat etish huquqini bersa, yolg‘on ma‘lumot tarqatganlik uchun javobgarlikni ham yuklaydi. Mazkur modda zahirida “Ommaviy axborot vositalari to‘g‘risida”²¹gi, “Jurnalistlik faoliyatini himoya qilish to‘g‘risida”²²gi, “Axborot olish kafolatlari va erkinliklari to‘g‘risida”²³gi, “Axborot erkinligi prinsiplari va kafolatlari to‘g‘risida”²⁴gi qonunlar ishlab chiqildi. Fuqarolar, shu jumladan, jurnalistlarning davlat hokimiyati va boshqaruvi organlaridan huquq va manfaatlariga daxldor bo‘lgan hujjatlar, qarorlar va boshqa materiallar bilan tanishib chiqish huquqi Konstitutsiyaning 34-moddasida mustahkamlangan²⁵. Bu modda “Axborot olish kafolatlari va erkinliklari to‘g‘risida”gi qonun, “Davlat hokimiyati va boshqaruvi organlari faoliyatining ochiqligi to‘g‘risida”gi qonunlarning ishlab chiqilishiga ham asos bo‘ldi.

Ochiq axborot manbalaridan foydalanishda jurnalist huquqining buzilishi bo‘yicha “Rost24” sayti sobiq muxbiri Anora Sodiqova shunday deydi: “Toshkent shahar hokimligini olaylik, Toshkent shahar hokimiyatining Telegram-kanalida ma‘lumotlar ko‘p. Lekin biz qaysidir masalalar “snos”, byudjet mablag‘larining

²¹ O‘zbekiston Respublikasining “Ommaviy axborot vositalari to‘g‘risida”gi qonuni // Qonun hujjatlari milliy bazasi. 2007.

²² O‘zbekiston Respublikasining “Jurnalistlik faoliyatini himoya qilish to‘g‘risida”gi qonuni // Qonun hujjatlari milliy bazasi. 1997.

²³ “Axborot olish kafolatlari va erkinligi to‘g‘risida”gi qonun // Qonun hujjatlari milliy bazasi. 1997.

²⁴ O‘zbekiston Respublikasining “Axborot erkinligi prinsiplari va kafolatlari to‘g‘risida”gi qonuni // Qonun hujjatlari milliy bazasi. 2002.

²⁵ O‘zbekiston Respublikasining Konstitutsiyasi // Qonun hujjatlari ma‘lumotlari milliy bazasi, 2023

sarflanishi bo'yicha savol bilan murojaat qilsak, hech qachon javob ololmaymiz. Bu ularning OAVga ochiq emasligidan dalolat. Ma'lumotlar ko'p, ammo biz uchun muhim bo'lganlari yo'q. Shubhali holatlar yuzasidan savollar berganimizda, ular yopiq pozitsiyada qolishadi"²⁶. Ochiq axborot manbalari bilan ishlashda yuzaga kelayotgan nizoli holatlar bo'yicha amaliyotchi jurnalistlarda juda ko'p e'tirozlar mavjud. Misol uchun, "Markaziy studiya" informatsion dasturining jurnalisti Yulduz Olimova quyidagicha yozadi: "Men ilgari radioda ham faoliyat yuritganman. O'sha davrlarda menga har hafta statistik ma'lumotlar taqdim etilardi. Masalan, nechta yo'l-transport hodisasi yuz bergani, ularning sabab- natijalari, qanchasi mast holatda boshqarilgan transport vositalari bilan bog'liq ekani, nechta holat esa tezlikni me'yordan oshirish oqibatida sodir bo'lgani haqida axborot berilardi. Yaqinda mutasaddi tashkilotga "Menga shu yil yoki so'nggi ikki oyga oid statistik ma'lumotlar kerak", deb bir necha marotaba murojaat qilganman. Ular statistik ma'lumotni hech bo'lmaganda oyma-oy berishmayapti"²⁷. Achinarlisi, bunday tashkilotlarning mas'ullariga hech qanday huquqiy chora ko'rilmayapti. Jurnalist Lola Islamova ham Markaziy bank jurnalistga javobni kech berishi sabab tashkilot ustidan prokuraturaga shikoyat qilganini yozadi.²⁸ Soha faoliyati to'g'risida alohida kodeks ishlab chiqilmagan bo'lsa ham, mavjud kodekslardagi ayrim moddalar uni tartibga solish, xususan, axborotni erkin olish va tarqatish uchun xizmat qiladi. Misol uchun, Fuqarolik kodeksining 99-, 100- moddasida²⁹ shaxsning xususiy va oilaviy siri, uning sha'ni, qadr-qimmati va

²⁶Qarang: <https://qalampir.uz/news/-2105-60584>.

²⁷ Qarang: <https://qalampir.uz/news-2105-60584>.

²⁸ O'sha manba.

²⁹ O'zbekiston Respublikasi Fuqarolik kodeksi // Qonun hujjatlari ma'lumotlari milliy bazasi.

ishchanlik obro‘sinini himoya qilish to‘g‘risida so‘z boradi. Unga ko‘ra, jurnalist fuqaro, shu jumladan yuridik shaxsning yuqorida keltirib o‘tilgan ma’lumotlarini tarqatgani uchun o‘sha axborot e’lon qilingan OAVda bepul³⁰ raddiya berishi, fuqaro ham noto‘g‘ri axborot tarqatgan OAV orqali o‘zini himoya qilish huquqiga ega.

Tahririyatga fuqaroning e’tirozi kelib tushgan kundan boshlab 1 oy ichida OAV orqali raddiya berilishi kerak. Raddiya gazetalarda e’tirozga sabab bo‘lgan material e’lon qilingan sahifada, televideniye va radioda esa aynan o‘sha dastur yoki turkumda beriladi. Raddiya berish muddati buzilgan va bo‘yin tovlangan holatda yuridik va jismoniy shaxs sudga murojaat etishi mumkin³¹. Soha xodimlarining axborot olishida ikkinchi tomonning ham majburiyatlari mavjudligini esdan chiqarmaslik lozim. Afsuski, OAVni toifalab, buyruqbozlik asosida axborot beruvchi tashkilotlar, amaldagi qonunchilikni yaxshi tushunmaydigan va unga amal qilmaydigan mansabdor shaxslar talaygina. Misol uchun, jurnalist Otabek Qo‘ldoshev Qashqadaryoga xizmat safari bilan borganda Shahrisabz tumanidagi Xalq ta’limi bo‘limi mas’ul rahbari Sh.Ro‘ziyev uni bu yerga kelishdan avval boshqarma boshlig‘idan ruxsat olib kelish haqida ogohlantiradi. Bu orada tuman hokimi o‘rinbosari B.Nazarov jurnalistga “Tumanimizga kelishingizdan avval viloyat hokimligidagi mas’ul rahbarlardan ruxsatnoma olib kelishingiz lozim bo‘ladi, shundagina sizga axborot taqdim

³⁰ O‘zbekiston Respublikasining “Ommaviy axborot vositalari to‘g‘risida”gi qonuni // Qonun hujjatlari milliy bazasi. 2007.

³¹ O‘sha manba.

etilishiga ijozat beramiz” deya axborot berishdan asossiz bosh tortadi³². Bu esa ayrim mahalliy hokimiyat vakillarining huquqiy savodxonligi past ekani, axborot xizmati yaxshi yo‘lga qo‘yilmaganidan dalolat beradi. Jurnalstning huquqiy faoliyati xolis axborot tarqatishga tayanadi. Chunki u xabar orqali ma’lum voqea- hodisa yoki shaxs haqida omma fikrini shakllantiradi.

Jurnalst axborot manbasining mutlaq ishonchli ekani va uni xolis tarzda o‘quvchiga yetkaza olishiga asosiy e’tiborni qaratishi lozim³³. Shu sabab e’lon qilinayotgan axborotning to‘g‘riligi uchun javobgarlik jurnalstning zimmasiga tushadi. Javobgarlik esa burch, mas’uliyat singari ko‘nikmalarni talab etadi³⁴. Jurnalst o‘zi tarqatayotgan xabarning mazmuni uchun mas’ul, biroq OAVda haqiqatga mos kelmaydigan materiallarni tarqatganlik uchun mustasno holatlar ham bor. Xususan, “Ommaviy axborot vositalari to‘g‘risida”gi qonunning 40- moddasi³⁵ va “Jurnalstlik faoliyatini himoya qilish to‘g‘risida”gi qonunning 15- moddasi ikkinchi qismida³⁶ ana shu masalada so‘z boradi. Ushbu ma’lumotlar rasmiy xabarlar, normativ-huquqiy hujjatlar yoki rasmiy statistika hisobotlari ma’lumotlaridan olingan bo‘lsa; axborot agentliklari yoki davlat hokimiyati hamda boshqaruv organlarining axborot xizmatlari orqali, shuningdek ularning rasmiy saytlaridan olingan bo‘lsa; agar ushbu ma’lumotlar avvaldan yozib olinmasdan efirga beriladigan mualliflik chiqishlarida bor bo‘lsa yoki chiqishlarning so‘zma-

³² Qarang: <https://daryo.uz/2018/05/03/jurnalstni-sarson-qilishmoqda-boisi-qonunchilikni-bilmaslikmi-yo-mensimaslik>.

³³ Do‘stmuhammedov X.N. Jurnalstning kasb odobi muammolari: nazariy-metodologik tahlil, Toshkent, 2008. - B.40

³⁴ Do‘stmuhammad X., Toshpo‘latova N. Jurnalstika huquqi va etikasi. J.2: OAV qonunchiligi, qonunlarga sharhlar, kasb etikasi. - Toshkent: “O‘zbekiston” NMIU, 2019. B.19.

³⁵ O‘zbekiston Respublikasining “Ommaviy axborot vositalari to‘g‘risida”gi qonuni // Qonun hujjatlari milliy bazasi. 2007.

³⁶ “Jurnalstlik faoliyatini himoya qilish to‘g‘risida”gi qonun // Qonun hujjatlari milliy bazasi. 1997.

soʻz takrorlanishi boʻlsa, tarqatilayotgan axborot mazmuni uchun javobgarlik jurnalistning emas, axborot manbasininig zimmasiga tushadi. Shu oʻrinda savol tugʻiladi: axborot manbasi yana qanday hollarda javobgar boʻlishi mumkin? Qonunchilikka koʻra, jurnalist va axborot manbasi intervyuning hammuallifi sanaladi. Axborotni olish va tarqatish nafaqat jurnalistning, balki oddiy fuqarolarning ham ajralmas huquqlaridan biridir. Shu sabab fuqarolar ham oʻz qarashlarini rasmiy OAV yoki boshqa vositalar orqali tarqatishi mumkin. Jumalist biror insonning oldiga intervyu olishga borsa, u nafaqat axborotni qoʻlga kiritadi, balki respondentining qarashlarini oshkor qilishiga imkon yaratadi. Har ikkisining ham axborotni olish va tarqatishga nisbatan huquqi amalga oshadi. Jurnalistga faktlarni tekshirmasdan OAVda eʻlon qilgani, axborot manbasiga esa yolgʻon axborot bergani uchun³⁷ javobgarlik belgilanadi. Jabborovning fikricha, inson axborot erkinligini amalga oshirish uchun jahonda kechayotgan jarayonlardan boxabar boʻlishi kerak. U axborot erkinligidan toʻlaonli foydalanish maqsadida OAVga murojaat qilib, oʻz qarashlarini ifodalashi mumkin³⁸. Demak, jurnalist odamlarga murojaat etar ekan ularning huquqlarini hurmat qilishi zarur. Xususan, jurnalist intervyu va suhbat oʻtkazish maqsadida turli soha vakillarining qahramonlaridan axborot olishi va uni eʻlon qilishi mumkin. Oliy Majlis Qonunchilik palatasining sobiq deputati X.Doʻstmuhammedovning fikricha, intervyu amaliyotda ogʻzaki yoki diktafonga yozib olinadi. Jurnalist suhbatni qogʻozga tushiradi va matbuotda eʻlon qiladi. Tarqatilayotgan axborotga nisbatan

³⁷ Oʻzbekiston Respublikasining “Axborot erkinligi prinsplari va kafolatlari toʻgʻrisida”gi qonuni // Qonun hujjatlari milliy bazasi. 2002.

³⁸ Jabborov S.M. Jurnalistikaning samarali faoliyat yuritishiga xalqaro va milliy huquqning taʼsiri (AQSh, GFR va Buyuk Britaniya OAV misolida 1960-2000 yillar). f.f.n, ilmiy darajasini olish uchun diss. - Toshkent: 2002. - B.23 SJIF:5.219

javobgarlik respondentga ham yuklanar ekan, soha xodimi bir qator jihatlariga e'tibor qaratishi zarur. Misol uchun, axborot manbasi nutqda aytmoqchi bo'lgan fikrini jurnalistik matnda qanday ifoda topgani bilan tanishishi, faktlarning to'g'riligini yana bir bor ko'zdan kechirishi maqsadga muvofiq³⁹. "Intervyudan foydalanish faqatgina uni bergan shaxsning roziligi asosida amalga oshirilishi mumkin"⁴⁰ degani axborot manbasining matnni tahrirdan so'ng ko'zdan kechirish, ovoz va video tasvirni montajdan so'ng ko'rikdan o'tkazish zarurligini o'zida ifoda etadi. Professor X.Do'stmuhammedovning keltirishicha, jurnalist va axborot manbasi o'rtasidagi o'zaro suhbatda aytilgan yoki og'izdan chiqib ketgan har bir axborotni, ma'lumotni surishtirmay tarqatish jurnalistika sirini oshkor qilish bilan teng⁴¹. Shuningdek, olim olingan axborotni e'lon qilishdan avvalgi yozma, audio va video shaklini axborot manbasiga ham ko'rsatish orqali bir qator nizoli holatlarning oldi olinishini eslatib o'tadi⁴². Mazkur holatda mansabdor shaxslarni istisno qilish maqsadga muvofiq. Chunki mansabdor shaxs jamoat joylarida va jurnalistlar oldida vakolatli shaxs sifatida namoyon bo'ladi. Ularning har bir aytayotgan fikri tashkilotining imijiga bevosita ta'sir o'tkazishini unutmazlik kerak. Shu sababli mansabdor shaxslarning jamoat joylari va jurnalist oldida aytgan gaplarini uning ruxsatisiz e'lon qilishni qonuniy kafolatlash zarur. Ba'zi jurnalistlar savolni yuborib, javobni yozma tarzda olishga manbani ko'ndirishadi. Bunday hollarda matn tahrirlanishi yoki o'zgartirilishi mumkin. Garchi bu holat

³⁹ Do'stmuhammedov X. Jurnalistning kasb odobi muammolari: nazariy-metodologik tahlil, - Toshkent, 2008. - B.151.

⁴⁰ O'zbekiston Respublikasining "Mualliflik huquqi va turdosh huquqlar to'g'risida"gi qonuni // Qonun hujjatlari milliy bazasi. 2006.

⁴¹ Do'stmuhammedov X. Jurnalistning kasb odobi muammolari: nazariy-metodologik tahlil (Mustaqillik davri o'zbek matbuoti faoliyati misolida. 1991-2008 yillar), - Toshkent, 2008. - B.154

⁴² O'sha manba., - B.155.

jurnalist tashabbusi bilan amalga oshsa ham, natijasi uchun mas’uliyat ikki tomonga ham taalluqlidir. Shunday vaziyatda axborot manbasiga imtiyoz berish kerakmi? Albatta, yo‘q. Amaliyot ko‘rsatmoqdaki, bu usulda axborot beruvchi mas’uliyatni yetarlicha his qilmaydi, natijada ma’lumot sifati pasayadi va noto‘g‘ri axborot tarqalish xavfi ortadi.

ADABIYOTLAR TAHLILI VA METODOLOGIYA (АНАЛИЗ ЛИТЕРАТУРЫ И МЕТОДОЛОГИЯ / METHODS)

Normativ-huquqiy tahlili orqali Konstitutsiya va boshqa qonun hujjatlarining mazmuni o‘rganildi. Tadqiqotda axborot erkinligining konstitutsiyaviy-huquqiy asoslari bir butun tizim sifatida ko‘rib chiqildi, xalqaro tajriba bilan solishtirildi hamda mavjud huquqiy mexanizmlarni takomillashtirish bo‘yicha takliflar ishlab chiqildi. Adabiyotlar tahlili shuni ko‘rsatadiki, axborot erkinligi faqat yuridik-huquqiy masala bo‘lib qolmay, balki siyosiy, axloqiy, axborot xavfsizligi va shaxs huquqlari bilan bevosita bog‘liq masaladir.

NATIJALAR VA MUHOKAMALAR (РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ / RESULTS AND DISCUSSION)

Axborot erkinligi demokratik jamiyatning ajralmas tarkibiy qismi bo‘lib, u har bir fuqaroning o‘z fikrini erkin bildirish, axborot izlash, olish va tarqatish huquqini ta’minlaydi. O‘zbekiston Respublikasi Konstitutsiyasining 33-moddasida bu huquq aniq belgilangan bo‘lsa-da, uning amaliyotdagi tatbiqi doimo turli omillarga bog‘liq bo‘lib kelmoqda. Konstitutsiyada belgilangan axborot erkinligi inson huquqlarining asosiy turlaridan biri sifatida xalqaro huquq normalariga muvofiq tarzda shakllantirilgan. Xususan, bu norma BMTning “Inson huquqlari
SJIF:5.219

umumjahon deklaratsiyasi” va “Fuqaroviy va siyosiy huquqlar to‘g‘risida” gi xalqaro pakt bilan uyg‘unlashgan. Shu bilan birga, axborot erkinligi mutlaq cheksiz huquq emas. U turli sabablarga ko‘ra – milliy xavfsizlik, jamoat tartibini saqlash, boshqa shaxslarning sha‘ni va qadr-qimmatini himoya qilish maqsadida qonun bilan cheklanadi. O‘zbekiston qonunchiligida bu cheklovlar “Davlat sirlari to‘g‘risida”, “Ommaviy axborot vositalari to‘g‘risida”, “Axborot erkinligi prinsiplari va kafolatlari to‘g‘risida”gi va boshqa qator qonunlarda nazarda tutilgan. Ammo ayrim hollarda ushbu cheklovlar keng talqin qilinishi, turli davlat organlarining subyektiv yondashuvi sababli axborot erkinligi amalda to‘laonli ta‘minlanmayapti.

XULOSA (ЗАКЛЮЧЕНИЕ / CONCLUSION)

So‘nggi yillarda O‘zbekiston axborot sohasini liberallashtirish yo‘lida muhim qadamlar tashladi. Senzuraning bekor qilinishi, OAV faoliyatiga yengilliklar berilishi, jurnalistlar va bloggerlar huquqlarining qonunchilikda e‘tirof etilishi shular jumlasidandir. Biroq, raqamli axborot muhitining kengayib borishi bilan yangi muammolar ham yuzaga kelmoqda. Jumladan, internetda axborot tarqatish jarayonida nazorat va filtratsiya masalalari, sun‘iy intellekt asosida kontentni avtomatik cheklash, ijtimoiy tarmoqlardagi erkin ifodalar bilan bog‘liq mojaro va jazo holatlari axborot erkinligi va axborot xavfsizligi o‘rtasidagi nozik muvozanatni taqozo etmoqda. Umuman olganda, O‘zbekistonda axborot erkinligining konstitutsiyaviy-huquqiy asoslari mavjud va bu borada ijobiy islohotlar olib borilmoqda. Biroq mavjud qonunchilikni xalqaro standartlarga

moslashtirish, ularning ijrosini samarali tashkil etish va bu erkinlikni ta'minlovchi mexanizmlarni mustahkamlash orqali fuqarolarning axborotga bo'lgan konstitutsiyaviy huquqlarini amalda to'liq ta'minlashga erishish mumkin bo'ladi.

FOYDALANILGAN ADABIYOTLAR RO'YXATI

1. O'zbekiston Respublikasining Konstitutsiyasi // Qonun hujjatlari ma'lumotlari milliy bazasi, 30.04.2023 y.
2. O'zbekiston Respublikasining "Ommaviy axborot vositalari to'g'risida"gi qonuni // Qonun hujjatlari milliy bazasi. 2007.
3. O'zbekiston Respublikasi Fuqarolik kodeksi // Qonun hujjatlari ma'lumotlari milliy bazasi.
4. O'zbekiston Respublikasining "Mualliflik huquqi va turdosh huquqlar to'g'risida"gi qonuni // Qonun hujjatlari milliy bazasi. 2006.
5. O'zbekiston Respublikasining "Axborot erkinligi prinsplari va kafolatlari to'g'risida"gi qonuni // Qonun hujjatlari milliy bazasi. 2002.
6. O'zbekiston Respublikasining "Jurnalistlik faoliyatini himoya qilish to'g'risida"gi qonuni // Qonun hujjatlari milliy bazasi. 1997.
7. "Axborot olish kafolatlari va erkinligi to'g'risida"gi qonun // Qonun hujjatlari milliy bazasi. 1997.
8. The Universal Declaration of Human Rights, General Assembly resolution 217 A, 1948.
9. The Universal Declaration of Human Rights, General Assembly resolution 217 A, 1948.
10. Бернская конвенция об охране литературных и художественных произведений, Стокгольм, 1967.

- 11.** Mamatov X.T. O‘zbekiston Respublikasida fuqarolarning axborotga bo‘lgan huquqlarini amalga oshirishning konstitutsiyaviy-huquqiy asoslari, y.f.n. ilmiy darajasini olish uchun diss. - Toshkent: 2009.
- 12.** Xojanazarov I.E. Liberallashtirish - O‘zbekistondagi huquqiy islohotlarning markaziy yo‘nalishi (nazariya va amaliyot masalalari). y.f.n. ilmiy darajasini olish uchun diss. - Toshkent: 2009.
- 13.** Jabborov S.M. Jurnalistikaning samarali faoliyat yuritishiga xalqaro va milliy huquqning ta’siri (AQSh, GFR va Buyuk Britaniya OAV misolida 1960- 2000 yillar). f.f.n, ilmiy darajasini olish uchun diss. - Toshkent: 2002.
- 14.** Do‘stmuhammad X., Toshpo‘latova N. Jurnalistika huquqi va etikasi. J.2: OAV qonunchiligi, qonunlarga sharhlar, kasb etikasi. - Toshkent: “O‘zbekiston” NMIU, 2019.
- 15.** Do‘stmuhamedov X. Jurnalistning kasb odobi muammolari: nazariy-metodologik tahlil (Mustaqillik davri o‘zbek matbuoti faoliyati misolida. 1991- 2008 yillar), - Toshkent, 2008.